

В.С.Слагин

Летопись Средневековой Руси: Первая половина XIV века.

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

В. С. Елагин

**ЛЕТОПИСЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIV ВЕКА**

Новосибирск

2014

УДК 94(47)
ББК 63.3
Е47

Печатается по решению
Редакционно-издательского
совета ФГБОУ ВПО «НГПУ»

Научный редактор –
д-р ист. наук, проф. ФГБОУ ВПО «НГПУ»
Е. И. Соловьева

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. ФГБОУ ВПО «НГПУ»
Т. Н. Троицкая;
кафедра отечественной истории ФГБОУ ВПО «НГПУ»

Елагин, В. С.
Е47 **Летопись Средневековой Руси: первая половина
XIV века / В. С. Елагин ; Мин-во образования и нау-
ки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : Изд-
во НГПУ, 2014. – 194 с.
ISBN 978-5-00023-333-7**

В книге содержится погодное описание событий с 1300 до 1353 года. Используя летописный метод, автор вводит читателя в сложный мир истории Средневековой Руси первой половины XIV века.

Книга рекомендуется студентам, изучающим средневековую историю России, всем интересующимся нашей историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)42-91

ISBN 978-5-00023-333-7

© Елагин В. С., 2014
© ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2014

*Светлой памяти
Петра Вольдемаровича Лепина
нашего Ректора,
Соратника,
Друга...*

От автора

«Переведа на русский язык практически всего Дюма, мы не удосужились пересказать современным языком большую часть наших летописей. А зря...» Однажды, возвращаясь с дачи, мне в электричке попались разрозненные листки полуразорванного журнала «Огонек». От нечего делать я взял их в руки и вдруг заметил статью о древнем Пскове В.А.Потресова, и первое, что я прочитал, были процитированные выше слова. Они меня буквально поразили своей искренностью, болью за уходящее несохраненное наследство прошлого, за нашу бездушность, за наше пренебрежение к собственному наследию. Мысли автора были необычайно созвучны моим мыслям и явились своеобразным эпиграфом к работе по изучению русских летописей, которой я занимаюсь на историческом факультете Новосибирского государственного педагогического университета вот уже много лет. Приехав домой, я с необычайным рвением взялся за систематизацию всего накопленного материала и буквально через полгода появилась первая из этой серии книга: «Летопись России: Дмитрий Донской и его время» [Елагин, 1989]. Она моментально разошлась, прежде всего среди учителей истории, и сейчас ее можно встретить разве что в электронном варианте. Затем начались «лихие 90-е годы», когда печатание книг стало большой проблемой, прежде всего финансовой. Но работа над этой темой продолжалась. Папки с надписями: X век, XIII век и т.д. пополнялись, разбухали от выписок из летописей, монографий, вырезок статей, но реального выхода как-то не было. И вдруг совершенно неожиданно я

получаю приглашение на 4-е Чудские чтения в город Псков и там знакомлюсь с Владимиром Александровичем Потресовым. Меня поразил кругозор этого человека. «Технарь», специалист по микроэлектронике, став журналистом, всю свою жизнь посвятил изучению Псковского края. В наших беседах он с таким увлечением и знанием рассказывал об истории Псковщины, о работах экспедиции по изучению места Ледового побоища под руководством Г.Н.Караева, в которой еще мальчишкой принимал участие, что стало как-то неловко, что моя работа в основном уходит «в стол» и не получает должного выхода. Он страстно убеждал меня в необходимости продолжения работы по популяризации русской истории, знакомства широкого круга читателей с миром русских летописей. Это стало вторым моим импульсом в написании и завершении ряда задуманных работ. Сразу же по приезде в Новосибирск я с головой окунулся, несмотря на загруженность по работе и сложные житейские обстоятельства, в завершение работы над книгой «Золотая Орда. XIII век» [Елагин, 2012]. После её издания мое внимание переключилось на XIV век. Параллельно работа ведется еще над несколькими темами. И вот уже рукопись по истории Руси первой половины XIV века готова, и с трепетом ожидаешь, как встретит ее читатель, и прежде всего мои студенты. Ведь для них, ради них ведется эта кропотливая работа, в них наша жизнь. Как тут не вспомнить знаменитые слова монаха Лаврентия, закончившего свою, ставшую называться его именем, Лаврентьевскую летопись: «Радуется купецъ прикупъ створивъ и кормъчии въ отишье приставъ и странникъ въ отечество свое пришед, також радуется и книжныи списатель, дошед конца книгам також и азъ худыи недостойныи и многогреш-

ный рабъ Божии Лаврентеи мних» [ПСРЛ, т.1.стб.487]. Вот и я выношу на суд читателей свою книгу.

Сразу хочу оговориться. Целью моей работы не является механический пересказ событий, изложенных в русских летописях. Хотя за основу взято именно их погодное описание, каким пользовались наши летописцы. Представленный текст является заключительным этапом моей работы. Это, так сказать, вершина айсберга. «Подводная его часть» не видна читателю. Но она заключалась в многолетнем сборе материалов. На первом этапе осуществлялись выписки из различных летописей о том, что происходило в том или ином году. Затем проводилось их сравнение, выявление разночтений, систематизация всего полученного материала и его осмысление. Все это выстраивалось затем в единую линию изложения. Для меня важно было сфокусировать внимание читателей на самых главных, с моей точки зрения, событиях. Что-то при этом, конечно, не нашло отражения, либо оказалось второстепенным. Избежать здесь субъективизма невозможно. А впрочем, и сами летописи во многом субъективны. Летописец был ограничен в выборе информации, его интересовали только те события, что были ближе к нему как территориально, так и по политическим мотивам (самый яркий пример - новгородские и псковские летописи). Кроме того, дошедшие до нас летописи неоднократно переписывались, что-то при этом терялось из-за ветхости источника либо непонимания его содержания (об этом и пишет Лаврентий в конце своей работы [ПСРЛ, т.1, стб. 487]). Необходимо понимать, что летописи подвергались постоянному редактированию, изложение событий менялось в связи со сменой политической конъюнктуры. Особенно это заметно в поздних

летописях XVI-XVII веков, где явно читается промосковская ориентация.

В своей работе я не касаюсь истории исследования русских летописей. Это отдельная тема, и пытливого читателя я отсылаю к работам Данилевского И.Н., Лихачева Д.С., Лурье Я.С., Муравьевой Л.Л., Насонова А.Н., Приселкова М.Д., Шахматова А.А. [Данилевский, 1998; Лихачев, 1947; Лурье, 1976; Муравьева, 1983; Насонов, 1969; Приселков, 1940; Шахматов, 1938].

Обращу внимание читателя на одно очень существенное замечание И.Н.Данилевского. Он пишет: «Изучение истории XIV века серьезно затруднено тем, что сведения о ней весьма неполны и фрагментарны. При крайней скудности общерусского летописания до конца XIV века особое значение приобретает единственная современная этим событиями местная летопись (доведенная, к сожалению, только до середины XIV века) – Новгородская I старшего извода (Синодальный список). Лишь обращение к источникам других видов позволяет в какой-то степени заполнить пробел в фактических данных. Тем не менее остается множество вопросов, решение которых вообще едва ли возможно. Недостаток фактических данных, которые историк получает главным образом из летописей, сказывается самым серьезным образом на качестве и глубине исследования проблем, связанных с историей XIV века» [Данилевский, 2000, с.205]. Я не случайно привел столь пространную цитату. Недостаток фактического материала я попытался компенсировать привлечением широкого круга летописных сводов, а также использованием житийной литературы, исторических повестей, хроник арабских и персидских авторов. Что из этого

получилось, судить читателю.

И конечно, я считаю своим долгом выразить слова глубокой признательности своим учителям Татьяне Николаевне Троицкой и Екатерине Ивановне Соловьевой. Выражаю искреннюю благодарность Наталье Викторовне Вилковой, Ольге Михайловне Ковалевой, Ольге Владимировне Панченко, Александру Владимировичу Цареву за помощь в подготовке к изданию данной книги.

И особые слова благодарности Паненко Александру Дмитриевичу и Царевой Татьяны Георгиевны за оказанную финансовую помощь в издании этой книги.

Въ лѣто 6808 (1300 год)

Прежде чем приступить к погодному, летописному описанию событий, я думаю, необходимо сделать общий обзор, в каком состоянии находилась Русь к началу XIV века, создать своеобразный зачин для понимания сути происходивших событий.

В результате монгольских завоеваний русские княжества оказались покоренными и вошли в состав общемонгольской конфедерации [Вернадский, 1997,с.200], раскинувшейся на громадных просторах Евразии с центром город Каракорум. Возглавлял ее в конце XIII века старший сын Хубилая Тимур. В период его правления Монгольская империя достигла пика своего могущества [Вернадский, 1997,с.90]. Западная ее часть принадлежала потомкам старшего сына Чингис-хана, Джучи, и получила в исторической литературе название Золотая Орда. Территориально она включила в себя практически всю великорусскую степь, на громадных пространствах раскинувшуюся от низовьев Дуная до предгорий Алтая. Ядром ее была знаменитая Кыпчакская степь – Дешт-и-Кыпчак, лежащая от Дуная до Волги. В состав Золотой Орды вошли десятки народов, заселявших Крым, Северный Кавказ, Поволжье, Среднюю Азию, территорию современного Казахстана, Юга Урала, Западной Сибири. Западная часть Золотой Орды получила название Кок-(Кёк)-Орда-Синяя Орда; восточная- Ак-Орда. В первой правили потомки Бату-хана (Батыя); во второй – потомки Орду-хана, старшего сына Джучи. Русские княжества (за исключением южнорусских княжеств) не входили в состав территории Золотой Орды, но целиком оказались в зависимости от нее. Взаимоотношение русских княжеств и Золотой Орды в

Въ лѣто 6808 (1300 год)

конце XIII века показаны мною в книге «Золотая Орда. XIII век [Елагин, 2012].

В Дешт-и-Кипчак, Половецкой степи только что отгремела страшная гражданская война. В 1299 году хан Тохта окончательно разгромил темника Ногая, и в Золотой Орде стало устанавливаться единовластие [Елагин, 2012, с.183-185]. Правда, отголоски этой войны еще долго будут аукаться в самой Орде и сопредельных территориях. Тохте удалось расправиться и с сыновьями Ногая, и могущественная некогда ногаевская Орда распалась. Бывшие улусники Ногая признали свою зависимость от правителя Золотой Орды и рассеялись по великой ее территории. Часть ногайцев с разрешения Тохты осталась кочевать в Причерноморских степях, часть откочевала на свою историческую родину в бассейн реки Яик (Урал), где и стали называться ногайцами. Для укрепления собственной власти Тохте необходимо было не только разгромить и уничтожить Ногая, но и преодолеть сепаратизм мелких правителей, установить железную централизацию власти на всей территории Золотой Орды. Это было невероятно трудно. За двадцатилетие господства Ногая в западной части Половецкой степи центральная власть Сарая очень ослабла. Эта ситуация коснулась и земель, подвластных хану. Война унесла множество человеческих жизней, погибло много скота, основы кочевой империи, разрушены многие города и селения, уничтожены торговые центры и прекратились торговые связи. Ситуация усугубилась природными аномалиями. В 1300 году в южнорусских степях началась страшная засуха, продолжавшаяся более 3-х лет. Это привело к истреблению кормовой базы, массовому падению скота, голоду и эпидемиям среди населения. По

словам ал-Макризи, был «падеж лошадей и овец, дошедший до того, что у них (жителей) нечего было есть и они продавали детей и родичей своих купцам, которые везли их в Египет и другие места» [Тизенгаузен, 1884, с.436], где девочек продавали в гаремы, а мальчики пополняли мамлюкское войско.

Все это предстояло преодолеть Тохте, и надо сразу отметить, что он оказался мудрым и толковым правителем: ему удалось ликвидировать смуту в кратчайший срок. Утвердив свое господство в Орде, Тохта, по примеру своих предшественников, стал все более активно вмешиваться в процессы, происходившие на сопредельных территориях. В сферу его интересов входили русские княжества, Крым, Северный Кавказ, земли Ак-Орды.

Северо-восточные русские княжества на рубеже веков находились в достаточно сложном положении [Кучкин, 1984]. 90-е годы XIII века ознаменовались междоусобной борьбой братьев Дмитрия и Андрея, сыновей Александра Невского, за ярлык на Великое княжение Владимирское [Елагин, 2012, с.177-185]. Надо отметить, что сам стольный город Владимир к этому времени превратился уже в некий символ верховной власти, как некогда Киев. Князья боролись прежде всего за титул, продолжая проживать в своих родовых городах: Дмитрий в Переяславле, Андрей – в Городце. Ярлык на Великое княжение Владимирское давал князю возможность влиять на политику соседей, и прежде всего Новгорода, взимать дополнительные налоги за уплату ордынской дани (выхода). В борьбу братьев оказались втянутыми практически все княжества Северо-восточной Руси, образовав две группировки, поддерживающие того или иного князя. Причем эти группировки не были постоянными и сплочен-

Въ лѣто 6808 (1300 год)

ными и менялись, как только изменялась внешнеполитическая ситуация. Дело в том, что Дмитрия Александровича и его союзников поддерживал Ногай, а Андрей Александрович и его люди опирались на поддержку Тохты. И не прогадал. Разгром Ногая и установление единоличной в Золотой Орде власти Тохты привело к усилению его ставленника Андрея Александровича Городецкого. Но противоречия среди князей оставались громадными.

Смута в Золотой Орде жесточайшим образом отразилась на землях Юго-Западной Руси. Они подверглись разорению в ходе войны. Были разрушены города, сожжены селения. Оставшиеся в живых люди либо прятались в укромных уголках, либо уходили в леса, на север, в более спокойные земли Северо-Восточной Руси. Особенно пострадали подданные Ногая. Они искали спасения на территории их вчерашних союзников. В 1300 году почти на четверть века прерывается сообщение летописей о положении в Юго-Западных русских княжествах [Шабульдо, 1987, с.17], лишь только осколки информации доходят до исследователей, что крайне затрудняет анализ событий в Киевском, Галицко-Волынском и других княжествах этого региона.

В 1299 году произошло событие, ставшее одним из важнейших моментов дальнейшей истории Северо-Восточной Руси. «Митрополитъ Максимъ не терпя татарьского насилыа оставя Митрополью и збежа ис Киева и весь Киев разбежался» [ПСРЛ, т.1., стб.485] – доносит нам известие Лаврентьевская летопись. Митрополит нашел себе приют в стольном городе Владимире под покровительством Великого князя Владимирского Андрея Александровича Городецкого. Центр русской митрополии таким образом переместился в

Северо-Восточную Русь, и это стало определяющим фактором всего последующего хода российской истории.

Максим решил основательно обосноваться во Владимире. И хотя формально митрополичья кафедра продолжала оставаться в Киеве, весь церковный клир обживал новую церковную столицу. Максим даже стал владимирским епископом, освободив от этой должности занимавшего этот пост Симеона, переведя его в Ростов. Таким образом под его началом оказалось две епархии: Киевская и Владимирская, соединение которых означало и преемственность, и зарождение нового этапа церковной жизни Руси. Завершив административные преобразования, митрополит вместе с ростовским и тверским епископами идет в Новгород, чтобы утвердить в этом городе нового владыку Феоктиста.

Новгород живет своей, обособленной от Северо-Востока Руси жизнью, поэтому и новгородский летописец в первую очередь отражает события, происходящие в его городе, в новгородских землях. Главное из них — отражении военной

Митрополит Петр.
Икона XV века

Въ лѣто 6808 (1300 год)

опасности со стороны немцев и шведов. Продолжающееся уже не одно десятилетие противостояние новгородцев и шведов на южных берегах Балтийского моря вылилось в новое столкновение. «Придоша изъ заморья Свєя в силе велице в Неву ... и поставиша город надъ Невою на усть Охты реки» [НПЛ,330]. Планы шведов были грандиозными. С целью закрепления в устье Невы они решили соорудить крепость, которой даже дали символическое название Венец Земли, пригласив для этого лучших мастеров фортификационного искусства. Новгородцы обращаются за военной помощью к Великому князю Владимирскому. Андрей Александрович Городецкий в спешном порядке со своим войском спешит на защиту невских рубежей. Тем самым он выполняет один из пунктов договоров, заключаемых Великим князем Владимирским и Новгородом еще со времен его отца Александра Ярославича. Князь должен защищать новгородскую землю в случае военной опасности, а новгородцы обязуются исправно платить ордынскую дань («выход»), ежегодно собираемую Великим князем со всех русских земель. Действия Великого князя Владимирского оказались очень удачными. Его войска захватили построенную крепость, «овых избиша, а иных исекоша, а иных, извязавшее, поведоша с города, а град запалившее и разгребоша» [НПЛ, с. 331] «и бысть ни во что же премудрость ихъ» - не без ехидства добавляет Никоновская летопись [ПСРЛ т.10,с.173]. За эту победу князь Андрей заслужил особую благодарность новгородцев и отдельно новгородского летописца [НПЛ, с.331].

Псков оплакивает смерть своего князя Довмонта. Несколько десятилетей верой и правдой служил псковичам этот князь. Литовец по происхождению, за долгое время

Въ лѣто 6809 (1301 год)

пробывания во Пскове стал истинным псковским князем, его символом и гордостью. Еще в марте 1299 года он отразил набег немцев на его любимый город, а затем в Пскове начался «моръ на людех» [ПСРЛ, т.5, вып.1, с.14]. Очевидно, болезнь не пощадила и князя, и 20 мая он скончался: «и плакахуся его много псковичи и положиша его в дому святыя Троица» [ПСРЛ, т. 5, вып. 1, с. 14].

Въ лѣто 6809 (1301 год)

«Быша ветри велици, и бури мнози и грозни, и вихри силни, и громы страшны, и млония и дожди велицы, яко всем человеком встрепетати и ужаснутися; и толики быша тучи силнии, яко единым часом точию рвы и заразы, яко бездны учинишася, ветри же с вихром многи церкви и дома житейска изо основания исторгоша, а ежи верхи срываше и в полы храмы великиа снимаше, сих не мочно и изчести» [ПСРЛ. т.10., с.173]. Вот и начинается буйный, стремительный, непредсказуемый XIV век. Как будто сама природа, через собственное проявление чувств, предопределяет характер будущего века. Века, наполненного людскими катаклизмами, века воинственного и во многом определяющего в судьбе России.

Даниил Александрович. Миниатюра из Царского титулярника

Въ лѣто 6809 (1301 год)

А начинается век с действий московского князя Даниила Александровича. Неприметный доселе на страницах русских летописей князь, в конце XIII века участвующий в противоборстве своих братьев на стороне то одного, то другого, вдруг в самом начале века развивает активную самостоятельную деятельность. И объектом его внимания оказывается южный сосед – Рязань. Летописи не указывают причин военных действий – их дело фиксировать свершившееся. Важно отметить тот факт, что военный поход москвичей был совершен без санкции Великого князя Владимирского – Андрея Городецкого, скорее, даже вопреки его желанию. Даниила Александровича не остановил и тот факт, что в Рязани находился ордынский баскак, по крайней мере Лаврентьевская летопись отмечает об избиении многих татар [ПСРЛ т.1. стб. 486], значит, он готов был на конфликт и с ордынской властью.

Логично задать вопрос: откуда у московского князя появилась военная сила, способная активно участвовать в военных действиях. Ответ представляется однозначный. Москва укрепилась за счет жителей южно-русских княжеств, бывших в свое время вассалами Ногай. Они бежали от репрессией со стороны Тохты в земли их союзника – московского князя Даниила Александровича. И вот этот пришлый военный потенциал резко усилил наступательный порыв Москвы.

Военные действия разгорелись у города Переяславля – Рязанского. Московская рать одолела рязанцев, было побито много их людей, а князь рязанский Константин Романович был захвачен в плен «некоею хитростию» [ПСРЛ. т.1., стб.486] и приведен вместе со своими боярами в Москву.

Чего хотел добиться московский князь? Присоединения рязанского княжества? В тех условиях это маловероятно, да и действий в этом направлении у московского князя не последовало. Очевидно, от Константина Романовича требовали заключения очень выгодного для Москвы договора. Иначе бы его не содержали «в брежении и в чести всяцей, хотяше бо ся с ним укрепити крестным целованием и отпусти его в его отчину на великое княжение Рязанское» [ПСРЛ, т.10., с.173]. Но князь оказался несговорчивым, поэтому и пробыл в московском плену несколько лет, вплоть до собственной смерти в 1305 году. Москве в результате этих действий удалось отторгнуть от Рязанского княжества город Коломну, важный стратегический пункт в месте впадения реки Москвы в реку Оку, укрепив свои позиции в этом регионе.

Как только Великий князь Владимирский возвратился из похода на шведов, в городе Дмитров состоялся съезд князей. Трудно сказать, было ли это инсценировано, как в 1296 году, ордынской властью либо это явилось инициативой самого Андрея Александровича. На съезде присутствовали Андрей Александрович Городецкий, Даниил Александрович Московский, Михаил Ярославич Тверской, Иван Дмитриевич Переяславский. Четыре князя – два поколения. Андрей и Даниил – сыновья Александра Невского, Михаил – его племянник, Иван – внук. Какой мощный клубок противоречий потомков Невского. Михаил, Даниил, Иван выступали коалицией против Андрея и его союзников еще в конце XIII века, что и привело к владимирскому съезду 1296 года. Сегодня новые проблемы, новые противоречия, которые необходимо хоть как-то решать. «Повестку» съезда источники не называют, отделяваясь общей фразой «о княжениях». Бес-

Въ лѣто 6809 (1301 год)

спорно, должен был стоять вопрос о действиях московского князя против Рязани, обсуждались и другие конфликтные ситуации. И если политика Даниила не получила осуждения и его действия были как бы оправданы, то взаимоотношения Михаила с Иваном лишь только ухудшились, «не докончаша и, мира и любви о Христе межи собою не возьмше» [ПСРЛ. т.10, с.173]. Антиандреевская коалиция раскололась. Вырисовывается два лагеря: Андрей Городецкий и Михаил Тверской, с одной стороны, и Даниил Московский и Иван Переяславский - с другой.

Не могу не отметить еще одно событие. В этом году у тверского князя Михаила рождается сын, названный Александром. Александр Михайлович, будущий тверской князь, войдет в историю как один из героев XIV века, как князь, стремившийся к возвышению собственного княжества, постоянный противник Москвы, познавший периоды взлета и горького падения. Впрочем, повествование только начинается. О князе Александре еще все впереди.

В 1301 году происходят важные события в Юго-Западной Руси. В этот год умирает галицкий князь Лев Данилович и ему наследует его сын Юрий Львович. При нем состоялось своеобразное возрождение галицко-волынської земли, заложенной его прославленным дедом Даниилом Романовичем, одним из самых знаменитых деятелей Руси середины XIII века. Юрию Львовичу удалось объединить под своей властью разрозненные юго-западные русские земли в единое галицко-волынское княжество. Используя сложное положение в Золотой Орде после разгрома Ногай, Юрий Львович проводил достаточно самостоятельную политику. Мы не знаем, платил он в это время дань Тохте или нет. Скорее

всего, нет. Тохта, занятый борьбой с внутренними сепаратистскими силами в меньшей степени обращал внимание на проблемы своих западных рубежей. В результате этого Юрию Львовичу удалось сконцентрировать свою деятельность на решении внутренних проблем и укреплении своего авторитета на международной арене.

Печать Юрия I Львовича

По мнению Ф.М.Шабульдо, это дало ему возможность принять королевский титул, о чем свидетельствует сохранившаяся печать «Господарь Георгий король Руси» [Шабульдо,1987,с.12].

Въ лѣто 6810 (1302 год)

15 мая умирает переяславский князь Иван Дмитриевич [ПСРЛ. т.18, с.85]. Наследников у него не было, и по обычаям того времени княжество превращалось в выморочный удел и должно было войти в состав Великого княжества Владимирского. Андрей Александрович сразу же поторопился, послав в город своих наместников. Но не тут-то было. Умирая, Иван оставляет завещание, в котором передает свое княжество не по обычаю старшему по рангу Андрею Городецкому, а своему младшему дяде, московскому князю Даниилу.

За Переяславль разгорается нешуточная борьба. Даниил Александрович изгоняет из города наместников Великого

Въ лѣто 6810 (1302 год)

князя и садит своих, присоединяя таким образом переяславские земли к своему княжеству. Его действия, очевидно, поддерживают и сами переяславцы, так как нигде не говорится о их защите наместников князя Андрея и противодействии москвичам. Может быть, поэтому Андрей не рискнул выступить военным походом на Переяславль и против московского князя, а перенес спор в Орду, на усмотрение хана Тохты. С этой целью князь «поиде в Орду к царю» [ПСРЛ. т.10, с.174]. Присоединение Переяславля давало Москве громадные выгоды. Это не только резкое увеличение территории княжества, повышение его экономического и военного потенциала, но и ярко выраженный политический и моральный фактор. Ведь Переяславль - это родовая вотчина Александровичей, и владение этим городом и княжеством сразу превращало Даниила Московского из второстепенного князя в прямого наследника и непосредственного претендента на Великое княжение Владимирское. Этого-то и боялся Андрей, и по сложившейся привычке устремился в Орду.

Ситуация в Орде оставалась по-прежнему очень напряженной. После победы над Ногаем Тохта стал решительным образом бороться за укрепление собственного положения. Для него было очень важным уничтожение сепаратизма внутри державы и восстановление единоличного правления. Сложной оставалась ситуация и на границах Орды. В Ак-Орде приходит к власти хан Баян. Против него сразу же выступил его двоюродный брат Кублюк, внук Орда-Ежена, которого решительно поддержал правитель улуса Чагатая Дува. Начались военные действия. Рашид-ад-Дин говорит о 18 битвах, произошедших между враждующими сторонами [Тизенгаузен, 1941, с.44]. Баян обратился за помощью к Тох-

те. Занятый разгромом остатков войск Ногая, Тохта не мог сразу же оказать помощь своему восточному союзнику. Но как только ситуация прояснилась, правитель Сарая отправляет в помощь Баяну военную подмогу. Причем в большинстве своем она состояла из остатков войска, подчинявшихся ранее Ногаю. Они вместе с семьями, скотом переселились на новые земли, помогая Баяну вести войну. Этими действиями Тохта решал сразу же несколько задач: устранял сепаратистские настроения на западных рубежах своей державы и помогал союзнику, закрепляя за собой право влиять на ситуацию в Ак-Орде. Трудно сказать, до какой степени Тохту в данный момент волновали проблемы Руси. Наверное, при всей опасности в Степи, Тохта зорко следил за событиями и в русских княжествах. Ведь это источник дани, а деньги ему сейчас так необходимы для содержания войска, для укрепления собственных позиций.

В то время, когда в Северо-восточных землях Руси вспыхнул новый скандал, новгородцы стремятся укрепить не только свои пограничные земли, но и сам город. Впервые в послебатыево время на Руси строится каменный кремль, «заложиша город камен Новугороду» [НПЛ, с.91, 331]. Это имело большое значение не только с фортификационной точки зрения. Победив шведов и закрепившись в устье Невы, новгородцы приступили к улаживанию дипломатических отношений с Данией из-за территориальных споров в Эстонии. К королю Эрику VI было послано новгородское посольство которое «привезоша мир dokonчавше» [НПЛ, с.91. 331]. В результате всех этих действий позиции новгородцев в прибалтийском регионе значительно усилились.

А в Твери «того же лета быша постриги у князя Михаи-

Въ лѣто 6811 (1303 год)

ла Александровича Тверского сына его Дмитрия» [Татищев, 1965, с.69], будущего князя Дмитрия Михайловича, получившего в истории прозвище «Грозные Очи».

Юрий Львович оказался достойным продолжателем дела своего деда Даниила Романовича Галицкого. В неимоверно тяжелых условиях ему удалось не только сохранить, но и укрепить суверенитет Галицко-Волынского княжества. Первая жена Юрия Ксения – дочь тверского князя Ярослава Ярославича, умерла в 1286 году. Вторично он женился на сестре будущего польского короля Владислава Локетка Евфимии. Свою сестру Анастасию Юрий Львович отдает замуж за добжинского князя Земовита, брата Владислава. Не удивительно, что именно с польской династией устанавливаются наиболее прочные связи. В 1302 году Галицко-Волынский князь посылает свои войска в помощь Владиславу в Сандомирскую землю. Чем закончилось это мероприятие, неизвестно [Шабульдо, 1987, с.12]. Еще одним очень важным шагом в укреплении политической независимости княжества явилось решение Юрия Львовича отделить церковь от власти киевского митрополита и открыть собственную митрополию. С этой целью Галицко-волынский князь ведет активные переговоры с Константинопольским патриархом.

Въ лѣто 6811 (1303 год)

Недолго торжествовал Даниил Александрович. 5 марта [ПСРЛ. т.1, стб. 486] он умирает. Умирает в возрасте 41 года. По нашим меркам – время расцвета мужчины. Но несколько иные оценки были в эпоху средневековья, когда люди рано взрослели, рано умирали. А судили о возрасте по поступкам: много сделал – значит и возраст почтенный. А много ли сде-

лал в своей жизни князь Даниил Александрович? Как же оценивать в истории поступки и дела первого московского князя?

Даниил был, как мы уже знаем, последним сыном князя Александра Невского. Отец умер, когда сыну было всего два года, и постриг князя, обычно осуществляемый в 3 года, проводился уже без него. По завещанию отца малолетнему Даниилу была выделена из состава Владимирского княжества небольшая волость с центром Москвой, затерявшаяся в дремучих лесах на границе с рязанским княжеством. Собственно, и городом Москву еще назвать было трудно. Скорее, это был своеобразный форпост, пограничный пункт на р. Москве. Даниил находился на попечении своего дяди, тверского князя Ярослава Ярославича, вплоть до 1271 года, когда тот умирает [Кучкин, 1984 с.95]. Период возмужания московского князя пришелся на время кровавых распрей, что вели между собой его старшие братья Дмитрий и Андрей [Елагин, 2012 с.160-179]. Получив в наследство захудалый московский удел, Даниил в своей жизни мог рассчитывать лишь на покровительство старших, более сильных братьев, ну и, конечно, на благосклонное отношение ханов Золотой Орды. Даниил участвует в распрах сначала на стороне Андрея против старшего брата Дмитрия,

Даниил Александрович. Икона рубежа XVII-XVIII веков

Въ лѣто 6811 (1303 год)

а затем и против Андрея в союзе с Иваном Переяславским и Михаилом Тверским. На рубеже XIII-XIV веков его вражда с Андреем достигает своего пика. Поражение Ногая, вассалом которого был московский князь, резко усилило людской и военный потенциал Даниила за счет бежавших жителей южно-русских княжеств, бывших также в сфере влияния Ногая. Последующий за этим разгром рязанского войска, захват в плен Константина Романовича по существу поставил под контроль Москвы рязанское княжество. Присоединение Переяславля дало Москве не только богатые земли, но и моральное право бороться за ярлык на Великое княжение Владимирское. Сам Даниил этой возможностью воспользоваться не успел, но Москва после его смерти вступает в эту гонку. В этом и состоит основная заслуга основателя московской династии.

Подражая отцу, Даниил перед смертью постригается в монахи: «пострижесе во святыи аггельскыи иноческыи образ и в схиму» [ПСРЛ.т.10,с.174]. Его хоронят в деревянной церкви Архангела Михаила, находившейся на месте нынешнего Архангельского собора. В более поздних источниках и прежде всего в «Житии» князя, вошедшего в летописную Степенную книгу царского родословия XVI века, отмечается, что он был похоронен в основанном им монастыре, возведенном в честь своего небесного покровителя преп. Даниила Столпника [ПСРЛ.т.21,ч.1, с.297-298]. По мнению М.Н. Тихомирова, настоятели этого монастыря уже в конце XIII века носили сан архимандритов, что указывает на его особое положение [Тихомиров, 1997.с.40]. Данилову монастырю, самому древнему из сохранившихся до нашего времени монастырей, предстояла долгая, трудная, но счастливая жизнь. И

счастье в той памяти, что оставил после себя князь, родоначальник московской династии.

После Даниила Александровича осталось 5 сыновей: Юрий, Александр, Борис, Иван, Афанасий. Старшему, Юрию Даниловичу, было около 25 лет. Летописи даже не отметили факт рождения старшего сына московского князя. Впервые Юрий появляется на страницах русских летописей в 1297 году в связи со своей женитьбой. Перед смертью Даниил, очевидно, сильно болел, и большая часть забот легла на плечи его старшего сына. Вот почему в момент смерти отца Юрий находился в Переяславле, защищая его от захвата Андрея Городецкого. Любопытно отметить, что переяславцы, предвидя большую опасность со стороны Великого князя, даже не пустили Юрия на похороны отца [ПСРЛ т.10., с.174]. Мы не знаем, каким было завещание Даниила и как он распределил свои земли сыновьям. Его преемником на московском княжении стал Юрий, а братья, очевидно, оставались при нем.

В числе первых мероприятий московских князей был поход на Можайск. Весной этого же года москвичи захватили город, а можайского князя Святослава Глебовича пленили и привели в Москву [ПСРЛ, т.10, с.174; т.18, с.86]. Включение Можайска, бывшего до этого частью Смоленского княжества, в московскую вотчину (как это видно по завещанию Ивана Калиты) позволило контролировать весь водный путь по Москве-реке от ее верховьев (Можайск) до устья (Коломна). И хотя, как утверждает М.Н.Тихомиров, значение Можайска как пункта водного пути было незначительным в силу мелководья в верховьях реки, но город являлся центром сухопутной торговли с западом [Тихомиров, 1997, с.163], что

Въ лѣто 6811 (1303 год)

резко усиливало позиции Москвы в этом регионе. Москва-река стала своеобразной центральной осью, вокруг которой начала формироваться территория московского княжества. Не надо забывать, что теперь в московском плену находятся два князя: рязанский и можайский, судьба которых зависит от Юрия Даниловича.

Осенью из Орды в сопровождении ханских послов явился на Русь Андрей Александрович. По приказу Тохты в Переяславле под председательством его посланников, состоялся съезд князей. На него съехались, по выражению летописи, «все князи» [ПСРЛ т.18., с.130], хотя перечислены лишь Андрей Городецкий, Михаил Тверской, Юрий Московский «с братьею своею». И все же это был, по всей видимости, съезд всех князей, входивших в Северо-восточную конфедерацию княжеств, подвластных ордынскому хану. Об этом можно судить и по присутствию на съезде главы русской православной церкви митрополита Максима. Значимость съезда объясняется не столько распрями в русских землях, сколько изменившимися обстоятельствами внутри Монгольской империи.

В начале XIV века ситуация в Центральной Азии в значительной степени стабилизировалась. Верховный правитель Монгольской империи Тимур (1294-1307) в 1301 году разбил войска своего основного противника Кайду, после чего многие князья, потомки Угэдея и Чагатая, согласились признать сюзеренитет Тимура и поддержали соглашение о решении всех конфликтов путем переговоров [Вернадский, 1997.с.90]. Важно, что это решение поддержал и хан Золотой Орды Тохта. В результате сформировалась всемонгольская федерация. Хан Тохта играл в ней не последнюю роль,

а подвластные ему русские княжества также были включены в ее состав. На съезде в Переяславле был зачитан текст всемонгольского соглашения, и русские князья дали клятву верности [Насонов, 1940, с.79]. Вместе с этим решались и общерусские проблемы, главной их которых было владение Переяславлем. Очевидно, в Орде Андрей не получил поддержки хана Тохты, который не только не осудил передачу Переяславля Москве, но фактически поддержал этот шаг, закрепив ярлыком право Москвы на это княжение. «И ту чли грамоты, царевы ярлыки, и князь Юрий Данилович прия любовь и взя себе Переяславль» - отмечают летописи [Приселков, 1950, с.351; ПСРЛ т.18, с.130]. Правда, как считает В.А.Кучкин, эти права носили временный характер: Переяславль передавался князю Юрию во временное владение и должен был отойти преемнику князя Андрея на владимирском столе [Кучкин, 1984, с.130-131].

Византийская империя, от былого величия которой не осталось и следа, переживала тяжелые времена. Император Андроник I Палеолог оказался втянутым в разгоревшуюся в начале века войну между Венецией и Генуей. Для отпора турецкой агрессии он вынужден был потратить большие деньги для наема каталонского войска. Другими словами, империя очень нуждалась в средствах. В не менее сложной ситуации находился и константинопольский патриарх Афанасий I, восстановленный на патриарший престол в 1303 году. Ярый противник сближения православной церкви с католичеством, он очень нуждался как в средствах, так и в союзниках. Этой ситуацией воспользовался Юрий Львович. Он отправляет в Константинополь церковно-княжеское посольство с просьбой открытия галицкой митрополии, отде-

Въ лѣто 6812 (1304 год)

ленной от киевской. Эта просьба была подкреплена крупными денежными вливаниями, так что император и патриарх не могли не принять положительное решение. Была открыта Галицкая митрополия, куда вошли галицкая, холмская, перемышльская, луцкая, владимирская, туровская епархии. Митрополитом был назначен бывший галицкий епископ Нифонт. Это было необычайно важное событие для Юрия Львовича, для Галицко-Волынского княжества. И в то же время был нанесен решительный удар по единству русской православной церкви. Начался неминуемый процесс разъединения Юго-Западных и Северо-Восточных русских земель. И несмотря на былую общность, далее у каждой своя судьба, своя история.

Въ лѣто 6812 (1304 год)

Не на много пережил своего брата-соперника Андрей Александрович. 27 июля (22 июня по В.Н.Татищеву), постригшись в монахи, он умирает. Похоронен князь был в своем родном городе Городце, в церкви святого Михаила. Сходит с политической сцены последний сын Александра Невского, а вместе с ним уходит целая эпоха. Эпоха порабления Ордой русских княжеств, в которой Александр Ярославич и его сыновья сыграли если не решающую, то далеко не второстепенную роль. Эпоха кровавых братоубойных войн, жестокой борьбы за великокняжеский престол, в которой соперники не очень-то церемонились в методах. Особой бесцеремонностью отличался умерший. Раболепствуя перед Ордой, в борьбе с братьями он использовал силу ханов, нанося на Русь ордынские отряды, превращая в пепелище города и села, уничтожая не только человеческие жизни, но

жесточайшим образом подавляя любые попытки сопротивления Орде, надежду на освобождение от ига. Не столько Батый и его потомки, сколько собственные князья поставили Русь на колени, с которых так тяжело было подниматься последующие два столетия. Н.М. Карамзин дает, наверное, самую уничтожительную

характеристику последнего Александровича: «Никто из князей Мономахова роду не сделал столько зла Отечеству, как сей недостойный сын Невского» [Карамзин, 1988, с.102]. У Н.М.Карамзина своя оценка деятельности Невского, исходя из веления времени. Я же попытался доказать, что именно политика Александра Ярославича привела к окончательному порабощению Руси [Елагин, 2012 с.93-143], а его сын как раз наоборот оказался достойным продолжателем дел Невского, а уж про зло, принесенное на Русь, и говорить нечего.

Кто мог стать преемником Андрея Александровича на Великом княжении Владимирском? О передаче власти собственному сыну Михаилу не могло быть и речи. На момент смерти отца ему было не более 10 лет. Предчувствуя возможную ожесточенную борьбу за престол после своей смерти, князь Андрей полагал, что лучше сохранить за сыном его вотчину и обеспечить его сильным покровителем. Таковым

Въ лѣто 6812 (1304 год)

мог быть только Михаил Ярославич Тверской, особенно после дмитровского съезда князей. По-существу он и оставался наиболее реальным претендентом на владимирский престол. Во-первых, он был самым старшим из «рода Ярославичей» и приходился внуком Ярославу Всеволодовичу. Во-вторых, его отец Ярослав Ярославич уже был Великим князем, что полностью соответствовало существующей традиции, когда великокняжеский стол могли наследовать лишь дети тех, кто уже носил титул Великого князя. Как считает В.А. Кучкин, перед смертью Андрея между ним и тверским князем было достигнуто соглашение, по которому Великое княжение Владимирское передавалось Михаилу Ярославичу, а сыну Андрея Александровича доставался Городец и покровительство Великого князя [Кучкин, 1984,с.131]. Сам текст завещания

Михаил Ярославич. Русский биографический словарь

не сохранился, упоминание о нем содержится лишь в одном источнике – «Житие Михаила Ярославича Тверского» [БЛДР, 2000,Т.6], но насколько историчен этот литературный источник, судить трудно. Хотя ряд косвенных данных свидетельствует в пользу этого предположения. Так, еще при жизни Андрея, «по животе его» [ПСРЛ т.10., с.175] боярин вели-

кого князя Акинф «с иными» переходит в Тверь на службу Михаилу Ярославичу. Можно задаться вопросом, что это – бегство с «тонущего корабля», поиск более сильного покровителя, либо осуществление заключенного соглашения? Смею предположить, что второе.

Казалось, что Михаил Ярославич Тверской должен был стать Великим князем без особых проблем. Главное, чтобы получить ярлык в Орде. Но здесь совершенно неожиданно претензии на Великое княжение Владимирское предъявил московский князь Юрий Данилович. По «лестничной системе» прав на это у него не было. Он приходился всего лишь правнуком Ярослава Всеволодовича, тем более происходил из младшей ветви александровичей. Его отец не был Великим князем, стало быть, претендовать на роль старшего в роду Ярославичей Юрий Данилович не мог. Но московское княжество резко усилилось, превратившись в одно из крупнейших княжеств Северо-восточной Руси, и князь Юрий, очевидно, посчитал, что в данном случае может сработать принцип силы, а не законность.

Претензии тверского и московского князей вылились в грандиозный спор, охвативший все земли Северо-восточной Руси, «и бысть замятня на всей Суздальстей земле, во всех градах» [ПСРЛ т.39, с.99 т.10, с.175]. У обоих претендентов были союзники, коль масштабы спора приняли столь грандиозный размах. Спор решили перенести в Орду, куда и поспешили оба претендента. Из «Жития Михаила Ярославича Тверского» мы узнаем, что в распрю князей попытался вмешаться митрополит Максим. Он всячески отговаривал московского князя от его решения идти в Орду, добиваться ярлыка. Мудрый правитель русской церкви прекрасно по-

нимал, к чему может привести противостояние двух князей. Он обещал Юрию выполнение всех его требований по владению вотчинами, ручался именем княгини Ксении, матери князя Михаила. Но Юрий Данилович пошел даже на обман митрополита, говоря: «хотя я, отче, и пойду, но не стану искать великого княжения» [Б.Л.Д.Р, 2000,с.73]. Спешно совершив все необходимые приготовления, Юрий оставил в Москве своего брата Ивана Даниловича, а другого брата, Бориса, отправил в Кострому.

Костромской престол оставался без князя после того, как в 1302 году умер Борис, сын Великого князя Андрея Ярославича. Надо полагать, что Кострома должна была остаться в вотчине Великого князя Владимирского. Воспользовавшись сложной политической ситуацией, москвичи задумали прибрать к своим рукам и этот богатый торговый город. Но осуществить свой план им не удалось. Тверчане перехватили и разбили отряд московского князя, а самого Бориса «ведоша в Тверь» [ПСРЛ т.10, с.175]. Тверские бояре думали, что Юрий Данилович повторит путь своего брата и отправится в Орду из Костромы. По дороге была устроена засада, но московский князь, узнав о ней, пошел по другому пути, обманув тем самым своих врагов, «проиде иным путем ко царю в Орду» [ПСРЛ т.10,с.175].

О том, как развивались события в Орде, летописи молчат. Лишь из «Житии...» мы узнаем некоторые детали пребывания русских князей в Орде. Хан Тохта испытывал острую необходимость денежных средств, вот почему он устроил своеобразный торг, кто из претендентов даст больше дани. Обращаясь к Юрию, Тохта предложил: «Ежели ты даешь дани больше князя Михаила, то будет тебе великое

княжение» [Б.Л.Д.Р, 2000, 73]. Но в итоге победил все же Михаил: «и была распря великая между ними, и была тягота великая на Руси...» [Б.Л.Д.Р, 2000, 73]

А в это время события в самой Руси развиваются с калейдоскопической быстротой. Тверчане, пока их князь находился в Орде, стремятся закрепить за собой преимущество, словно уже добились Великого княжения. Они посылают в Новгород своих наместников, желая подчинить вольный город Твери. Но новгородцы не признали претензий тверчан, резонно заметив, что лучше выждать, когда и чем разрешится спор в Орде: «потерпите мало, дондеже князи придут из Орды, и мы тогда себе изберем князя по своей воли, по обычаю нашему из старинному» [ПСРЛ т.10,с.175]. Так же поступили и жители Торжка.

Сложнее складывалась ситуация вокруг Переяславля. Воспользовавшись общей ситуацией на Руси, тверчане захотели отвоевать у москвичей этот город. Узнав об их планах, Иван Данилович, оставленный Юрием за себя, срочно перебрался в Переяславль, укрепляя город и собирая рать. Во главе тверского войска, подошедшего к городу, стоял боярин Акинф (Иакинф), о котором мы уже говорили. Три дня держал Акинф Переяславль в осаде, но здесь на помощь Ивану Даниловичу пришло московское войско во главе с боярином Родионом Гавриловичем. Москвичи зашли тверскому войску в тыл, а в это время князь Иван совершил из города вылазку, в результате чего тверчане потерпели сокрушительное поражение. Родион в сражении собственноручно убил Акинфа, отрубил ему голову и, воткнув в нее копье, поднес князю Ивану: «вот, господин, твоего изменника, а моего местника голова» [Соловьев, 1960, кн. II, т.3, 1960. с.217]. Вместе с

Въ лѣто 6813 (1305 год)

Акинфом погиб его зять Давыд «и много тверичь избиено бысть ту» [ПСРЛ т.10, с.175]. Сыновья Акинфа, Иван и Федор, едва спаслись, убежав в Тверь. «И бысть в Твери печаль и скорбь велиа, а в Переяславле веселие и радость велиа» [ПСРЛ, т.10, с.175-176] – ликует промосковски написанная летопись. Это был, по существу, первый эпизод многолетней, пронизывавшей весь XIV век, московско-тверской войны за верховенство над русскими землями.

Въ лѣто 6813 (1305 год)

Около года находились русские князья в ставке Тохты. Все это время золотоордынский правитель занят был не только русскими делами. Для него значительно более важным было восстановить былую силу и славу улуса Джучи, значительно пошатнувшуюся во время междоусобных войн. Отправив на помощь хану Ак-Орды Баяну остатки ногаевой орды, Тохта обратил внимание на взаимоотношения с египетским султаном и Иль-ханом Газаном. Правителю улуса Хулагу был отправлен своеобразный ультиматум о возвращении потомку Бату отторгнутых областей Арран и Азербайджан. «Суть домогательства и основа требования (была) та, что область Арран и Азербайджан, согласно распределению и разделу (земель) государем – завоевателем мира Чингиз-ханом, принадлежат Бату и что вот уже (много) лет, как доходами и сборами с них неправильно владеют они (Хулагуиды)», - читаем мы в персидском источнике начала XIV века «История Вассафа» [Тизенгаузен, 1941, с.82-84]. Послы Тохты грозились громадным войском готовым, в случае отказа двинуться войной на Иль-хана: «10 туманов с лишним сторожевых войск нашей армии стоят так,

Въ лѣто 6813 (1305 год)

что шатер прилегает к шатру и канат (шатровый) цепляется за канат ... Чтобы похвастать многочисленностью войска вместе с этой вестью он отправил мешок с просом, означавший, что количество нашего войска бесчисленно, как просо» [Тизенгаузен, 1941,с.83]. Иль-хан Газан, выслушав ордынцев, вдруг неожиданно приказал принести кур, которые на глазах изумленных послов вмиг уничтожили все просо. Это был достойный ответ. И все же, чтобы избежать военных действий, Газан «царевичу Токтаю дал ответ, содержащий разные наставления, любезности и предложения оставаться на пути согласия и взаимности» [Тизенгаузен, 1941, с.84]. До военных действий дело не дошло еще и потому, что одновременно отправленное к мамлюкскому султану ан-Насиру ордынское посольство получило отказ возобновить военные действия против империи Хулагуидов. Вскоре после переговоров Иль-хан Газан умирает. В Персию от правителя Монгольской империи Тимура было послано большое посольство для утверждения нового Иль-хана брата Газана Олджайта. Тимур стремился предотвратить вражду среди Чингизидов, восстановить могущество Монгольской империи. Тохта и Олджайт торжественно поклялись поддержать его план [Вернадский, 1997,с.197]. Все это в значительной степени способствовало восстановлению прежнего могущества

Юрий Данилович. Миниатюра из Царского титулярника

Въ лѣто 6813 (1305 год)

Монгольской империи в форме панмонгольской федерации во главе с великим ханом.

Осенью 1305 года из Орды возвращаются русские князья. «Князь Юрьи выеха на Москву с Рязани, а на осень бысть Таирова рать» [ПСРЛ т.18,с.86]. Обратим внимание на тот факт, что в летописи акцентировано внимание на выезде Юрия из Рязани в Москву. Смею предположить, что эта поездка состоялась во время возвращения Юрия Даниловича из Орды. По дороге московский князь, видимо, пытался решить проблему взаимоотношений с рязанским княжеством. Мы помним, что в московском плену находился рязанский князь Константин Романович, захваченный в битве за Коломну. Потерпев поражение в Орде, московский князь тем не менее начал очень решительно действовать. Визитом в Рязань Юрий Данилович хотел не только закрепить за собой Коломну, но и сделать более лояльной к себе политику рязанского княжества. Орудием своих действий Юрий, очевидно, выбрал своего пленника. Но что-то в Рязани не получилось: либо Константин отказался служить московскому князю, либо рязанцы проявили несговорчивость, только по возвращении в Москву Юрий Данилович приказал убить Константина Романовича. Убийство рязанского князя вызвало большое недовольство и несогласие со стороны братьев Юрия, Александра и Бориса, которые, разругавшись с братом, покинули его и отъехали в Тверь. Можно предположить, что за этим последовало вмешательство тверского князя и не только его.

Михаил Ярославич возвращается на Русь в сопровождении ханского посланника Таира и ордынского отряда. В стольном Владимире тверской князь был утверждён на влади-

мирский престол и благословлен митрополитом Максимом. Церковная власть таким образом определяла легитимность великокняжеской власти. В.А.Кучкин считает, что Тохта разрешил Михаилу Ярославичу называть себя «Великим князем всея Руси», а константинопольскому патриарху предложено было принять эту титулатуру [Кучкин, 1974, с.261]. Как бы то ни было, но именно с Михаила Ярославича обладание ярлыком на Великое княжение Владимирское будет ассоциироваться с титулом «Великий князь всея Руси». По мнению Приселкова М.Д., по инициативе Михаила Ярославича при его дворе начинает создаваться знаменитый общерусский летописный свод [Приселков, 1940, с.106-110]

Прибыв в Тверь, Михаил в деталях узнал об обстоятельствах гибели Акинфа, о действиях московского князя и, ощущая поддержку таирова отряда, пошел войной на Москву. Это и была знаменитая «Таирова рать», отмеченная во многих летописях. Память о ней, как о «Неврюевом походе», «Дуденевой рати» хранилась многими поколениями. А обстоятельства, масштабы похода по существу остались неизвестными. Можно попытаться связать с этим событием лишь краткое сообщение летописи: «и бысть им брань многа, и помале смиришася» [ПСРЛ т.10, с.176]. На чем основывается их мир, судить сложно.

А завершается этот год еще одним, очень горестным событием. В начале декабря (6,8,16 – разночтения летописей) умирает глава русской церкви митропо-

Максимовская
Богоматерь

Въ лѣто 6814 (1306 год)

лит Максим. Об обстоятельствах избрания его на митрополичий престол, о его руководстве русской церковью мы знаем очень мало. Главная заслуга митрополита Максима перед русской историей состоит в том, что он перенес митрополичью кафедру из разоренного Киева в Северо-восточную Русь, во Владимир. Примечательно, что по приказу Великого князя Владимирского митрополита похоронили не в Киеве, как того требовала традиция, а в Успенском соборе г.Владимира, обозначив тем самым новый духовный центр Руси. Участие Максима в княжеских съездах, его влияние на избрание князей на Великое княжение свидетельствует о его высоком авторитете. Митрополит поддерживал великокняжескую власть, и со смертью Максима Михаил Ярославич терял верный и сильный оплот.

Въ лѣто 6814 (1306 год)

Естественно, что Михаил Ярославич и дальше хотел видеть в церкви поддержку великокняжеской власти. Вполне естественно, что он собирает в Константинополь большое посольство с тем, чтобы поставить на митрополию своего кандидата. Таковым оказался игумен Геронтий. Описания событий мы не найдем в русских летописях. Единственный источник, дающий хоть какую-то информацию, – два жития св.Петра; одно написано ростовским епископом Прохором, другое – митрополитом Киприаном [Словарь книжников и книжности Древней Руси, 1987, с.163].

Жития – очень своеобразный и тенденциозный вид исторического источника. В житии св.Петра явно читается промосковская направленность, поэтому все факты, изложенные в нем, необходимо анализировать через при-

зму московско-тверскихъ отношений. По житію Геронтий, самолично «одержимый духомъ самовластиа», забралъ ризницу митрополита Максима, церковную утварь, икону св.Богородицы, взявъ съ собою церковныхъ сановниковъ, отправился въ Константинополь. [Прохоровъ, 1978,с.208]. В житіи нетъ указаній на то, что эти дѣйствія были санкціонированы великокняжеской властью. Но ведь наивно полагать, что все это можно осуществить безъ ведома иерарховъ церкви, безъ ведома Михаила Ярославича. Конечно же, Геронтий- его ставленникъ.

Галицко-Волынский князь Юрий Львовичъ оказался въ очень щекотливой ситуаци. Смерть митрополита Максима где-то во времени совпала со смертью и его митрополита Нифонта. Нужно было какъ можно скорѣе отправить въ Византию своего кандидата въ надеждѣ получить не только Галицкую митрополию, но и, можетъ быть, власть надъ всей православной Русью. Онъ направляетъ въ Константинополь свое посольство во главѣ съ игуменомъ Ратцкого монастыря Петромъ. О жизни Петра намъ известно немного.

Изъ «Житія св. Петра» мы узнаемъ, что онъ родился на Волынской землѣ, где-то во второй половинѣ XIII вѣка въ семьѣ «благочестивыхъ христіанскихъ родителей». Очевидно, отецъ его принадлежалъ къ достаточно состоятельному сословию: боярскому либо купеческому. Имъ удалось пережить страшное Батыево нашествіе, а затѣмъ помочь сыну организовать собственный монастырь. Какъ часть акиографическихъ сюжетовъ надо трактовать видѣніе матери Петра въ моментъ беременности: «будто держитъ она на рукахъ своихъ агнца, посреди роговъ котораго выросло густолиственное дерево» - это какъ предзнаменованіе рожденія будущаго святаго. В 12 летъ родите-

Въ лѣто 6814 (1306 год)

ли отдают мальчика в монастырь. Для того времени это был достаточно надежный способ обеспечить своему отпрыску относительно спокойную жизнь и возможность продвижения по иерархической лестнице. Ведь монастыри освободились от тяготы ордынского ига. Они не платили никаких налогов, молили за здоровье ханов, собирали под своей сенью не только людей, но и земельные наделы. Другими словами, начало XIV века стало, несмотря на тяжелейшее положение в русских землях, временем начала возрождения русского монашества. Пытливую юношу достаточно быстро заметили. Он отличался острым умом «и в мале времени всех сверьстник своих превъзыде», [Прохоров, 1978, с.206] чрезвычайной прилежностью. По воле настоятеля монастыря он вскоре был произведен в диаконы, а затем и в пресвитеры. В монастыре будущий митрополит увлекся иконописанием и быстро достиг высот в этом ремесле. До нашего времени дошла лишь одна икона, написанная рукой Петра – икона Богоматери. Несмотря на плохую сохранность, она убеждает нас, что ее написал большой Мастер.

После довольно продолжительного пребывания в монастыре Петр задумал основать собственный монастырь и поселился в уединенном месте на реке Рате. Здесь он построил церквушку во имя Спаса, и вскоре к нему стали приходить люди и сформировался монастырь. Слава о пастыре быстро разошлась по Галицкой земле. В тот момент, когда на Русь был назначен митрополит Максим, состоялось его знакомство с настоятелем монастыря. Во время их встречи Петр подарил главе русской церкви одну из своих икон, так называемую «Максимовская икона Богоматери». С этого времени началась крепкая дружба двух выдающихся де-

Въ лѣто 6815 (1307 год)

ятелей русской церкви начала XIV века, о которой, очевидно, знали и в Константинополе.

Когда настало время выбрать преемника умершему Максиму, константинопольский патриарх Афанасий отдал свое предпочтение ратцкому игумену. Здесь, помимо личной привязанности, читается и желание главы православной церкви сохранить единую русскую митрополию, избежать ее раскола. Назначая галичского претендента, патриарх удовлетворял и интересы Юго-Западных русских земель, и назначал своего человека в Северо-Восточную Русь. Это был тонкий и глубоко продуманный ход.

Митрополит Петр. Икона
XVI века

Въ лѣто 6815 (1307 год)

Конфликт между Юрием и Михаилом разгорается с новой силой. Обоих князей не удовлетворяет сложившееся положение. Московский князь не может смириться с поражением, а тверской князь, чувствуя за собой такую ордынскую поддержку, хочет все больше упрочить себя в роли Великого князя Владимирского. Михаил Ярославич предъявляет свои великокняжеские права на Великий Новгород. Мы помним, что в 1304 году новгородцы не приняли наместников тверского князя, оставив спор на разрешение хана. Теперь Михаил Ярославич официально был признан Тохтой и посажен на великокняжеский стол, и в соответствии с традицией за-

Въ лѣто 6816 (1308 год)

хотел установить контроль над Новгородом. И опять этому противился московский князь. В летописи есть лишь указание на то, что бой произошел «на память святого апостола Тита» [ПСРЛ т.18, с.87], т.е. 25 августа 1307 года. Ни причины сражения, ни его итог Симеоновская летопись не конкретизирует. Интересная запись содержится в знаменитом псковском Апостоле 1307 года, в котором приводится цитата из «Слова о Полку Игореве»: «Сего же лета бысть бой на Русьской земли, Михаил с Юрьем о княженъе Новгородское, при сих князех съеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князех которы, и вещи скоротишася человеком» [Пресняков, 1998, с.98, примеч.41]. Автор Апостола связывает горестные события конца XII века с современными и тяжело вздыхает о вражде князей. Исследователи связали эту запись с сообщением Симеоновской летописи и пришли к выводу, что этот бой под Москвой «на память святого апостола Тита» произошел именно из-за новгородских дел [Пресняков, 1998, с.98.; Кучкин, 1984, с.137-138]. Был ли разбит московский князь, осталось неизвестным, а вот права на Новгород ему пришлось уступить. С этим пришлось смириться и новгородцам. Они настояли на заключении нового договора между Великим князем и Новгородом, который, по мнению Л.В.Черепнина, значительно ущемлял интересы великокняжеской власти [ГВНиП, 1949, с.15-19; Черепнин, 1948, с. 270-282]. Но Михаил Ярославич пошел и на это, т.к. контроль над Новгородом значительно укреплял его власть как политически, так и экономически.

Въ лѣто 6816 (1308 год)

14 июля 1308 года [НПЛ с.92] Михаил Ярославич

наконец-то закрепляет за собой Новгород и его земли. Для непосвященного читателя может показаться странным такое упорное стремление двух соперничающих князей за влияние на Новгород. Для жителей же начало XIV века это было абсолютно естественным явлением. Еще со времен Всеволода Большое Гнездо узаконилось право за Великими князьями Владимирскими ставить в Новгороде своего посадника [Янин,1962 с.143-144]. Великокняжеская власть особым договором с новгородцами закрепила за собой условия владения Новгородом. Жители города обязывались платить князю налоги, что в условиях необходимости внесения ежегодного ордынского «выхода», ежегодной дани, имело исключительно важное значение. Великий князь обязался охранять рубежи Новгородской земли, выполнять условия договора. На фоне нищих, полуразоренных княжеств Северо-Восточной Руси новгородская земля выглядела необычайно лакомым куском. Казалось бы, парадокс: Вольный Новгород мог сам содержать любое войско. Но он предпочитал нанимать князя, платить большие деньги, лишь бы избежать татарских погромов. Лучше откупиться, чем поднимать оружие на хана. Великокняжеская власть давала ему защиту, а он ей платил.

24 апреля 1308 года умирает Галицко-Волынский князь, «Король Руси» Юрий I Львович. По словам польского историка XV века Яна Дуглоша, он был «человек изворотливый и благородный, щедрый для духовных лиц. При его правлении Русь пользовалась благами мира и огромной зажиточности» [Шабульдо,1987,с.12]. Перед смертью все свое государство Юрий разделил между двумя своими сыновьями: Андрею достался Владимир Волынский, Льву - Галич. Это дробление в конечном итоге не пошло на пользу. И хотя братья в даль-

Въ лѣто 6816 (1308 год)

нейшем действовали совместно, отражать натиск наступающих со всех сторон противников становилось все труднее и труднее.

В этом году происходит еще одно, очень важное событие, во многом предопределившее ход дальнейшей истории. В Константинополе патриарх Афанасий спор о поставлении в русские митрополиты решил в пользу Петра, проигнорировав тем самым желание Великого князя Владимирского. Новоиспеченный митрополит незамедлительно отбыл в свою митрополию. Примечательно, что ни в одном из источников не указывается на то, что Петр посетил сначала своего покровителя, галицко-волынського князя Юрия Львовича, который, очевидно, к этому времени уже умер. Он сразу же отправился в Киев - центр русской митрополии, тем самым дав понять, что он будет служить интересам всей русской православной религии, отстаивать интересы неделимой митрополии. Но быть поставленным в Константинополе - это одно, Петру необходимы были благословление и поддержка со стороны ордынского хана. Мы не имеем точных данных, что Петр сразу же отправился в Орду к Тохте, но ряд косвенных известий подтверждают это мнение.

Ордынский хан находился в это время в Крыму, где вел военные действия против генуэзских колоний. Тохта стремился установить свой контроль над этой территорией. Крым в это время был эпицентром мировой торговли. Генуэзские купцы получили баснословные прибыли от торговли с восточными странами. Не брезговали они и работоторговлей. В тяжелые для Золотой Орды годы начала XIV века участились случаи массовых продаж ордынцев в рабство. Восстановив единство в Золотой Орде, Тохта, естественно, желал контро-

лизовать мировую торговлю и установить порядок в Крыму. По словам Эннувейри, «в 707 году (1307/1308) пришли в египетские страны известия, что Тохта отомстил Генуэзским франкам в Крыму, Кафе и Северных владениях за разные дела, о которых ему сообщили про них, в том числе за захват ими детей татарских и продажу их в мусульманские страны» [Тизенгаузен, 1884,с.160]. Тохта напал на город Кафу. Жители заблаговременно уплыли из города. Ордынцы подвергли страшному разгрому город, разграбив все имущество жителей. Одновременно были разграблены и генуэзские купцы, находившиеся в ордынских городах. В Крыму был восстановлен ордынский порядок.

Надо отметить, что действия Тохты в Крыму укладывались в его общий план восстановления контроля над торговыми путями. Тохта сумел установить дружественные отношения с государством Иль-ханов, в результате чего возобновилась активная торговля между этими ханствами. По словам Вассафа, «снова был открыт путь торговцам и ортакам () и изготовлены средства для безопасности и спокойствия странствующих; область Арран (Северный Азербайджан – В.Е.) взволновалась от множества повозок, рабов, коней и овец; товары и редкости тех стран, после (своего) прекращения в течении стольких лет (опять) получили обширнейшее обращение» [Тизенгаузен, 1941,с.82].

Тохта для русского духовенства - «царь». Он, пусть и формально, но утверждает главу православной церкви. Со времен митрополита Кирилла между ханской властью и русской церковью создан альянс взаимосуществования. Хан освобождал церковь от уплаты всех видов налогов, не вмешивался в церковную юрисдикцию, а церковь вернопод-

Въ лѣто 6817 (1309 год)

даннически поддерживала ордынскую власть, молилась за здоровье хана, подавляя хоть какие-то возможные ростки сопротивления. Тохта дает митрополиту ярлык: «А как ты во Владимире сядешь, то будешь Богу молиться за нас и потомков наших» [Широкоград, 2004, с.107]. Получив благословление Тохты, русский митрополит возвратился на Русь.

Въ лѣто 6817 (1309 год)

Новое тяжелое испытание ждет Русь. «Того же лета мышь поела рожь, пшеницу, овес, ячмень и всякое жито; и того ради бысть дорогов велиа, и меженина зла, и глад крепок по всей Русской земле, и кони и всяк скот помре» [ПСРЛ т.10, с.177]. Сколько таких бед и испытаний выпало на XIV век, на русский народ?! Но ведь выдержали и это, выжили!

Впрочем, самое главное событие этого года – приезд во Владимир нового митрополита. Не всем в Северо-восточной Руси пришлось по душе его назначение. И в первую очередь, крайне недовольным стал Великий князь Владимирский Михаил Ярославич. На митрополичьем престоле он хотел видеть своего ставленника, но, проиграв это состязание, князь крайне настороженно должен был принять Петра. И Михаил Ярославич даже не удосужился встретить вновь назначенного главу русской церкви. Вместо этого он в очередной раз отправился в Орду. Петру предстояло не только утвердиться на митрополичьей должности, но и преодолеть собственное неприятие великокняжеской властью, части русского общества и прежде всего духовенства, стать духовным лидером всех русских княжеств.

Вот ведь как бывает. Прояви Михаил Тверской больше терпения, смири собственную гордыню, подчинись воле

Константинополя, обрати митрополита в своего союзника, и история Руси, России развернулась бы по другому сценарию. Но ничего это не произошло. Более того, тверская власть, конечно же, не без ведома Михаила, развернула против митрополита яркую агитацию. Мы не знаем, где в это время находился другой претендент на митрополичий престол – Геронтий. Инициатором борьбы против Петра стал тверской епископ Андрей, сын литовского князя Герденя. Он написал патриарху Афанасию донос на Петра, в котором обвинял митрополита в симонии, т.е. поставление на церковные должности за деньги. Собственно в этом ничего необычного не было, это практиковалось повсеместно. Недаром, еще митрополит Кирилл на церковном съезде в 1274 году пытался ограничить симонию. На что опирался в своих обвинениях епископ Андрей, судить сложно. Очевидно, это было связано с активной деятельностью самого Петра. Едва обосновавшись во Владимире, он уже 5 июня 1309 года в кафедральном Успенском соборе рукоположил новгородского епископа Давида [НПЛ,с.92]. Прежний архиепископ Феоктист оставил свой престол в 1307 году «ради нездравия», ушел в монастырь, «изволи в молчалное житъе в немощи будя» [НПЛ,с.332]. Может быть, количество денег, выданных новгородцами новому митрополиту в качестве подарка, стали аргументом в послании тверского епископа? Ну, а Петр, утвердив архиепископом новгородского ставленника, получал таким образом первого своего союзника. Для митрополита стало очень важным в сложившейся ситуации изучить настроение среди иерархов церкви, по возможности убрать неугодных, назначить на их место верных ему людей. Вот это, очевидно, и взволновало тверского епископа, и за-

Въ лѣто 6818 (1310 год)

ставило его прибегнуть к столь радикальным действиям.

Новый клубок противоречий завязался в Смоленском княжестве. Известия из этих владений редко попадают на страницы летописей, и тем не менее под 1309-1310 годами мы встречаем очень целостное описание произошедших там событий. И связано это, конечно же, с пребыванием и участием в них митрополита Петра. Святослав Глебович Смоленский изгоняет своего племянника, князя Василия, из Брянска и «сам сяде на княжении в Брянске» [ПСРЛ т.10,с.177]. Тому ничего не оставалось, как искать защиты в Орде. Для урегулирования этого конфликта в Брянск едет митрополит Петр. Он прибывает в этот город в надежде помирить дядю с племянником. Это было, по существу, первое действие митрополита в русских княжествах, когда духовная власть пыталась взять на себя решение светских проблем. Но его миссия закончилась провалом. Случилось это в самом начале 1310 года.

Въ лѣто 6818 (1310 год)

Митрополит Петр прибывает в Брянск и «срете его князь Святослав со мноюю честию» [ПСРЛ. т.10,с.177]. Владыка надеялся помирить князей, уговорить Святослава уступить племяннику Брянск. Но все было тщетно. Вместе с тем князь Василий получил большую помощь в Орде, и татарские отряды подошли к Брянску. Описание этих событий содержится в Никоновской летописи и, читая их, конечно же, смотришь на все происходящее глазами митрополита. Несмотря на уговоры Петра, Святослав Глебович не захотел уступить Брянск, «взнесся умом своим и мноюю силою» [ПСРЛ. т.10,с.177], вышел из города навстречу противнику, и

«бысть сеча зла». В решающий момент брянцы предают князя и бегут с поля боя. Со Святославом осталась лишь одна его дружина, которая храбро билась, но все они в конце концов вместе с князем погибли. Ордынцы ворвались в город и устроили в нем страшную резню. Митрополит со своими людьми затворился в церкви и тем самым избежал гибели. Но спасло Петра, очевидно, не это, а охранныя грамота, данная ему ханом Тохтой. На этом ордынцы вместе с князем Василием не успокоились. Они захватывают город Карачев, подвергают его разорению, убивают княжившего там Святослава Мстиславича. Вот такова цена княжеских междоусобиц. Страдал всегда в первую очередь простой народ.

Возвратившегося из разоренного Брянска митрополита Петра ждало еще одно суровое испытание. Мы помним, что епископ Андрей послал к патриарху Афанасию «слова тяжки» на митрополита. Патриарх к этому времени уже скончался, а заменивший его Нифонт посчитал обвинения настолько серьезными, что послал на Русь для разбирательства одного из своих клириков. С этой целью на Руси планировалось проведение церковного собора, который и должен был определить степень вины митрополита. Сведения об этом соборе мы не найдем в русских летописях, уж больно щепетильные вопросы на нем разбирались, что упоминания о них было лучше забыть. Известия мы черпаем лишь из «Жития святого Петра митрополита» - источника очень тенденциозного и своеобразного. И тем не менее что-то можно восстановить. Собор состоялся в конце 1310 либо в самом начале 1311 года. Интересно отметить, что он проходил не во Владимире, где располагалась митрополичья кафедра, не в великокняжеской Твери, а в Переяславле-Залесском, горо-

Въ лѣто 6818 (1310 год)

де, тогда принадлежавшем московскому князю. Необычным представляется и состав собора, на нем присутствовало всего два епископа из высшей иерархии церковного общества, не было и великого князя. Впрочем, предоставим слово Житию: «Приходитъ и боголюбивый епископ Ростовьскій Сумеон, и преподобный Прохор, игумен тогда сый. Призвану бывшу и Андрею, епископу Тьферьскому, иже бяше и самоделатель всем тогдашним молвам. Князю бо Михаилу тогда самому во Орде сущу, но сынове его придоша, Дмитрий и Александр, и иных князей довольно и велмужий много» [Прохоров, 1978, с.210]. Мы не знаем, что скрывается под «иных князей довольно», участвовали или нет московский князь Юрий Данилович или кто-то из его братьев, но то, что съезд проходил на их территории и, главное, последующие события, ярко подчеркивают мысль, что в числе главных сторонников митрополита Петра была московская власть. Бурные споры, едва не перешедшие в вооруженное столкновение закончились совершенным оправданием Петра. Действие великокняжеской власти, конечно же, оттолкнули от себя митрополита. По-человечески это понятно и оправданно. Он ищет себе союзников в лице противников Михаила Ярославича. И находит таковых в лице московских князей. Так тверской князь допускает большую стратегическую ошибку, которая заметно повлияла на ход дальнейшей истории. Признай митрополита, сделай его своим сторонником, Михаил Ярославич получил бы себе верного союзника, который силой церковной власти укрепил бы и Тверской престол, куда, возможно, был бы перенесен из Владимира митрополичий престол. И столицей нашего государства стала бы не Москва, а Тверь. Но в истории не бывает сослагательного наклонения.

Въ лѣто 6819 (1311 год)

В начале этого года умер Городецкий князь Михаил Андреевич, и его княжество оказалось выморочным. Согласно существовавшему обычаю, оно должно было перейти под юрисдикцию Великого князя Владимирского Михаила Ярославича. Но, воспользовавшись тем, что тверской князь в это время находился в Орде, московский князь захватывает Нижний Новгород и садит на местный стол своего брата. Произошло то же, что в свое время с захватом Москвой Переяславля. Михаил Ярославич не мог так просто оставить это дело, т.к. сам в это время все еще находился в Орде. Поход тверских войск во главе его сын, 13-летний княжич Дмитрий (будущий Дмитрий «Грозные очи»). В описываемых событиях много неясного и недосказанного. Взять хотя бы фразу из Никоновской летописи: «хотя ити на Новгородъ Нижний, и не благослови его Петръ митрополить столомъ въ Володимери» [ПСРЛ т.10,с.178]. Значит ли это, что вместе с походом на Нижний Новгород тверчане хотели закрепить за Дмитрием Владимир и посадить его там на княжение? Князь Дмитрий простоял во Владимире 3 недели, но, не получив благословение – разрешение Петра, вынужден был распустить свои войска и возвратиться в Тверь. Странно, что и Орда не отреагировала на «самозахват» Москвой Нижнего Новгорода и не оказала помощь тверскому князю, как в случае в Брянске. Значит ли это, что позиция Михаила Тверского была очень зыбкой, и не случайно ли удерживал его у себя Тохта в течение нескольких лет? А может быть, московский князь заручился поддержкой ордынского хана, о чем молчат летописи, и стал действовать так решительно? Как бы то ни было, но все это показывает ослабление вели-

Въ лѣто 6819 (1311 год)

кокняжеской власти и усиление роли московского князя.

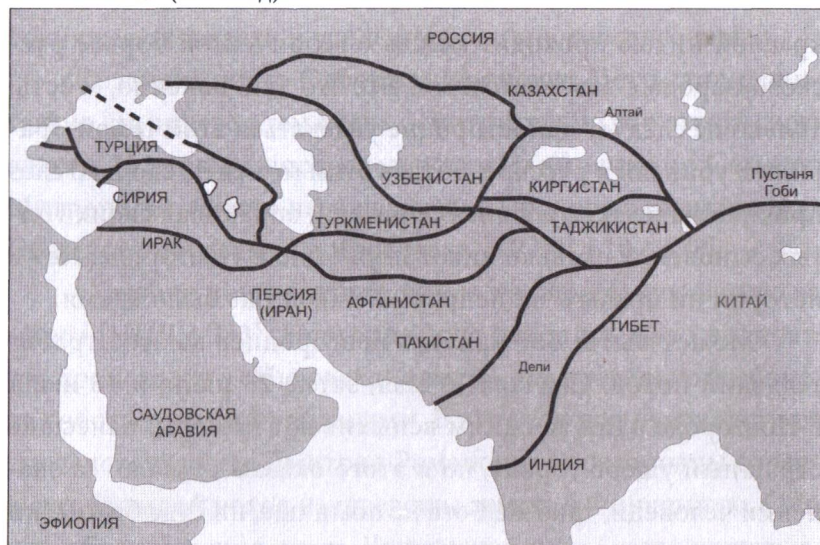
Сразу же после Собора митрополит Петр стал решительно, но вместе с тем очень осмотрительно укреплять свою власть. И первым пострадал ростовский епископ Семион. Митрополит вместо него назначает Прохора, архимандрита Спасского монастыря в Ярославле. [ПСРЛ.т.10,с.178].

«Ходиша новгородци воию на Немечьюку землю за море» [НПЛ,с.333]. Новгородскую летопись мало волнует, что происходит в «Низовской земли», она предельно озабочена собственными проблемами. В этот год под руководством смоленского князя Дмитрия Романовича новгородцы совершают большой поход на шведские земли, в Финляндию. Они пограбили селения вдоль Купеческой реки, «села пожгоша, и головы поимаша, и скот исьсекоша» [НПЛ,с.333], затем прошли вдоль Черной речки и подошли к городу Ваная. Город удалось захватить, и вот с внутренней крепостью, с дегтинцем, пришлось очень туго. Он оказался неприступным, «баше бо место то велми твердо, понеже бо на высоце камене» [НПЛ.с.334]. Трое суток пытались новгородцы захватить крепость, но все безрезультатно. Шведы прислали парламентаров просить мира, но новгородцы отказались. Пограбив окрестности, «села великая пожгоша, обилье все потратиша, а скота не оставиша ни рога...», затем разорили окрестности по рекам Кавгале и Перне, по ним вышли в море и возвратились домой, «приидоша здравии в Новегород, и рад бысть владыка и Новъград весь» [НПЛ,с.334]. Вот ведь как бывает: если нас грабят, убивают, летописи горюют и скорбят, если наши разбойничают, то мы торжествуем. Я эту ремарку сделал к тому, что в курсе школьного ученика есть тема «Борьба русского народа с иностранными захватчиками», в которой

красной нитью проходит мысль о героической борьбе русского народа с завоевателями. Все это так, конечно, и есть. Только не следует односторонне увлекаться этой темой. Грабили и убивали и русские. Вот и в этом моменте: сколько слез пролили шведские и финские матери, оплакивая своих убитых сыновей, и сколько ликования было в Новгороде. Нет в истории ни правых, ни неправых. Такое уже было время.

Может быть, Бог наказал новгородцев за этот грабительский поход. Сначала 19 мая, затем 28 июня и 16 июля в Новгороде один за другим вспыхивают пожары, нанешие страшный ущерб городу, но и этого оказалось мало: «а оканении человеци, тако же Бога не помняще, ни суда божиа, ни жалобы имеющее, пограбиша чюжая имениа» [НПЛ, с.334], - с гневом и с болью восклицает новгородский летописец.

К этому времени хану Золотой Орды Тохте во многом удалось преодолеть сепаратистские тенденции и значительно укрепить свою власть. На повестке дня стояло укрепление экономической базы государства. Хан приступает к ряду мероприятий по модернизации экономики и прежде всего проводит масштабную реформу денежной системы. Единой монетой стал ордынский дирхем. Это быстро дало свои результаты. Дирхем связал воедино всю экономику Золотой Орды и сопредельных территорий. Более того, он стал и символом власти. Чеканить монету имела право лишь ханская власть. И в дальнейшем каждый правитель (пусть даже временный) считал почетным увековечить свое имя на сарайской монете. Укрепление монетной системы дало мощный толчок развитию ремесла, возникновению городов. Ну и, конечно, основным рычагом развития экономики стала транзитная караванная торговля, возродившая Великий шелко-

Карта великого Шелкового пути

вый путь и связавшая через Золотую Орду Восток и Запад.

Первыми выгоду от этой торговли в Западной Европе поняли итальянцы. Это стало началом расцвета итальянских торговых республик Генуи и Венеции. Они борются за сферы влияния в Причерноморье, укрепляют свои опорные города-колонии, проникают в глубины евразийских степей. Им, как первопроходцем, было трудно. Но жажда быстрого обогащения толкала их в неизведанное. Следующим поколением торговцев было значительно легче. Были заключены с Золотой Ордой торговые договоры, установлены условия таможенных сборов. Появляются первые итальянские карты, для торговцев был даже издан своеобразный путеводитель по торговым путям: «прежде всего в городе Тан (Азов – В.Е.) необходимо взять одного переводчика, знающего кыпчакский язык и еще для охраны двух работников. С собой нужно брать также муку и соленую рыбу, т.к. в пути следования можно встретить много мяса, но нет того, о чем сказано

выше. Вооруженных охранников брать не следует, т.к. татарские ханы всю дорогу от Тана до Китая охраняют» [Кульпин, 2007,с.31].

Тохта, видя громадную выгоду от международной торговли, всячески способствует ее развитию. На пути следования купеческих караванов, на расстоянии одного дня пути создаются Ямы- специальные пункты, где торговцам можно было отдохнуть, сменить лошадей и верблюдов, запастись провиантом и фуражем. Весь путь усиленно охранялся. Малейший грабеж жестко пресекался. Многие Ямы в течение десятилетия быстро превратились в крупные степные города – центры ремесла, торговли, административной власти. В казну Хана полился поток денег транзитной торговли.

Въ лѣто 6820 (1312 год)

Наконец - то после долгого ордынского «гостеприимства» на Русь прибывает Михаил Ярославич Тверской, Великий князь Владимирский, и первое его же действие было связано с Новгородом. Жители города крайне недовольны были действиями тверских наместников, и это вылилось в открытую вражду [НПЛ,с.94]. Подняла голову новгородская оппозиция, не желающая видеть у себя наместников Твери. В ответ Михаил выводит своих наместников из Новгорода, захватывает Торжок и Бежецкую волость и, самое главное, прекрывает поставку «обилья» - хлеба в Новгород. Это был очень сильный ход, и новгородцы вынуждены были смириться. Они посылают в Тверь своего владыку Давыда для заключения мирного договора, по которому новгородцы вновь принимали наместников Великого князя Владимирского и сверх этого уплачивали полторы тысячи гривен се-

Въ лѣто 6820 (1312 год)

ребра.

И все же узловыми событиями 1312 года были два, и все они связаны с Ордой. Митрополит Петр снимает сан с сарайского епископа Измаила и ставит епископом в Сарае Варсунофия [ПСРЛ т.10,с.178]. Летописи не сообщают о поездке Петра в Орду, значит Измаил был вызван во Владимир, и там митрополит осуществил свое действие. Прямо ответить о причине снятия мы не можем. Сарайская епископия считалась в начале XIV века одной из самых важных и значимых в русской митрополии. Измаил являлся одним из самых влиятельных лидеров русской церкви. Позиции его в Орде были достаточно прочными. Мы знаем, что в 1296 году Измаил вместе с ордынским посланником Неврюем участвовал в княжеском съезде во Владимире и практически все это время доводил до русских княжеств волю хана Тохты. Известно, на чьей стороне был Измаил во время переяславского судилища Петра, но такой решительный шаг, как смена сарайского епископа, несомненно свидетельствует о том, что митрополит Петр планомерно убирал всех своих недругов. Мы не знаем, были ли получены на это санкции из Орды. Скорее всего, нет. Ведь в августе 1312 года [Тизенгаузен, 1941,с.141] умирает хан Тохта, и в Орде начинается новый виток борьбы за власть.

С именем Тохты связывается история возрождения Золотой Орды, его годы правления можно смело назвать подготовкой предстоящего расцвета империи. Тохта начал править в очень сложной политической обстановке. Последнее десятилетие XIII века прошло в напряженной борьбе с темником Ногаем [Елагин,2012,с.214-227]. Гражданская война, разгоревшаяся между ними, привела к тяжелым последстви-

ям как в самой Золотой Орде, так и на Руси. Но несмотря на все трудности, Тохте удалось стабилизировать ситуацию. В Золотой Орде начался экономический и культурный подъем. Резко возрастает роль городов как торгово-ремесленных центров, «в дни его царствования те страны дошли до чрезмерного благосостояния и весь улус его стал богат и доволен» [Тизенгаузен, 1941,с.141], – отмечает продолжатель Рашид-ад-Дина. Тохта исповедовал традиционную монгольскую веру, «поклонялся идолам и звездам, любил лам, мудрецов, да врачей» [Тизенгаузен, 1884,с.277].

У Тохты было три сына: Иль-басмыш, Иксар и Тукель-Бука. «Аноним Искандера» добавляет еще Тогрула, к которому, по мнению восточного автора, и перешло правление [Тизенгаузен,1941,с.127]. Но это не соответствует истине. Тогрул был братом Тохты и никогда не правил. А вот его сын Узбек после смерти хана решительно включился в борьбу за власть. Старшего сына Тохты поддерживала степная аристократия, опиравшаяся на старую монгольскую веру. Но ей противостояла набравшая силу та часть общества, что исповедовала ислам. Во главе нее оказался Кутлук-Тимур, «который долгое время управлял в качестве эмира областями Дешт-и-Кипчака и Хорезма» [Тизенгаузен, 1941,с.141]. Он и оказал решительную поддержку Узбеку, на стороне которого была и армия. Атмосферу религиозного противостояния передает анонимный продолжатель «Сборника летописей Рашид-ад-Дина: «Причиной вражды эмиров к Узбеку было то, что Узбек постоянно требовал от них обращения в правоверие и ислам и побуждал их к этому. Эмиры же отвечали ему на это: «Ты ожидай от нас покорности и повинования, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и ка-

Въ лѣто 6821 (1313 год)

ким образом мы покинем закон (тура) и устав (ясак) Чингиз-хана и перейдем в веру арабов?» Он (Узбек) настаивал на своем, они же вследствие этого, чувствовали к нему вражду и отвращение и старались устранить его» [Тизенгаузен, 1941,с.141]. Заговор против Узбека не удался. Он, «собрав войско, одержал верх (над ними). Сына Токтая с 120 царевичами из Урука Чингисханова он убил, а тому эмиру, который предупредил его, оказал полное внимание и заботливость» [Тизенгаузен, 1941,с.141]. Победила мусульманская партия, именно поэтому русская летопись отмечает: «сяде царь Азбьяк на царстве и обесерменился» [ПСРЛ т.10,с.178].

Въ лѣто 6821 (1313 год)

С ханом Узбеком связан период расцвета Золотой Орды и новый этап русско-ордынских отношений. Обычай, а скорее, установленный Ордой порядок, требовал, чтобы при смене хана к новому правителю должны были прибыть для получения ярлыка все зависимые князья. «Того же лета князь велики Михайло Ярославичь Тверский поиде в Орду, такоже и Петр митрополит Киевский и всея Руси... и все обновишася», - читаем мы в Никоновской летописи об этом событии [ПСРЛ т.10,с.178]. Кроме Великого князя и митрополита, в источниках не упоминаются другие имена. Очевидно, в первую очередь процедуру «вручения верительных грамот» предстояло пройти главам светской и духовной властей. Для Петра эта поездка имела необычайно важное значение. Узбек - мусульманин, с его приходом ислам вновь становится господствующей, а через небольшое время и единственной верой и политической силой. Важно было понять, какую политику в отношении церкви будет занимать новый ордын-

ский правитель. Ведь внутри Золотой Орды он взял твердый курс на исламизацию страны и искоренение всех инакомыслящих. Сторонникам Тохты был предъявлен своеобразный ультиматум: либо немедленное обращение в мусульманство, либо смерть [Тизенгаузен, 1884,с.197]. В сложной ситуации оказался митрополит Петр. Но неожиданно в Орде его ожидал теплый прием «в чести велице» [ПСРЛ т.10,с.178]. Сработал принцип, заложенный еще Чингис-ханом: использовать религию поработенных народов в своих целях. Орда с момента возникновения сарайской епископии весьма лояльно относилась к христианской церкви, видя в ней мощнейший инструмент идеологического воздействия на общество. Церковь наделялась широкими правами; церковные и монастырские земли вместе с работающими на них людьми не облагались налогами, церковные люди освобождались от военной службы. А в ответ церковь должна была молиться за хана, за его здоровье и благополучие. Эти принципы, заложенные еще при Менгу-Тимуре, четко поддерживала любая ордынская власть, тем самым обеспечивая себе надежного партнера и союзника. Вот почему посольство Петра было встречено «в чести велице» и вскоре было отпущено «со мною честию вборзе» [ПСРЛ т.10, с.178].

Совершенно иной прием ждал Великого князя Владимирского. Несмотря на совершившийся в Орде переворот, ханская администрация во многом осталась прежней, и ее отношение к Михаилу Ярославичу не изменилось. Да и сам Узбек был в курсе всего случившегося между Ордой и Русью, вот почему Великий князь Владимирский был оставлен в ханской ставке на неопределенное время. Русские летописи обходят молчанием, был ли в это время московский князь в

Въ лѣто 6821 (1313 год)

Орде. Если следовать логике действий ханской администрации, то должен быть. Может быть, его присутствие скрывается под фразой летописи: «и вси прихожаху во Орду и ярлыки имаху, кайждо на свое имя и князи и епископи [ПСРЛ т.10,178]. Очевидно, и московский князь получил свой ярлык и, воспользовавшись задержкой в Орде Михаила Ярославича, начал вновь готовиться к решительным действиям.

Стоит обратить внимание еще на одно, с нашей точки зрения, интересное событие этого года. У В.Н.Татищева есть известие, не встречаемое в других летописях, о появлении в Новгороде еретика. О масштабах распространения ереси судить сложно, главное исходило от новгородского протопопа, не названного по имени, «к нему же присташа мнозии от притча церковна и мирян, и епископ Тверский Андрей помогаше има» [Татищев,1965,с.72]. Суть ереси читается очень расплывчато, основные мысли вложены в уста тверского епископа Андрея: «Се яко рай на земли погибе; и святыи ангельский монашеский чин ругаху безбожным и учением бесовским имяноваху. И мнозии, от инок изшедше, оженехуса» [Татищев,1965,с.72]. Обратим внимание читателя, что основные положения еретичества вложены в уста не новгородского протопопа, а тверского епископа, бывшего в прошлом году инициатором церковного Собора, направленного против митрополита Петра. Теперь уже сам Петр, заручившись поддержкой в Орде, собирает в Переяславле церковной собор, «быша ту вси епископи, игумены, попы, диаконы и чернцы, и от патриарха Афанасия клирок ученый. И многу прению бывшу» [Татищев,1965,с.72]. Думается, что митрополит нашел хороший предлог, чтобы разделаться со своим врагом, тверским епископом. Особую помощь митрополиту

Въ лѣто 6822 (1314 год)

оказали москвичи «помосцию и заступлением князя Ивана Даниловича преодолел и проклят тот еретик; а сам и де по градом, поучая право верити, и укроти молву, а смущение диаволе прогни» [Татищев, 1965, с.72]. Правда, снять тверского епископа, как до этого ростовского и сарайского епископов, митрополит Петр пока не решился.

Въ лѣто 6822 (1314 год)

Воспользовавшись отсутствием на Руси Великого князя Владимирского, вновь большую активность начинает проявлять московский князь. Очевидно, не без участия Юрия Даниловича в Новгороде состоялось вече, постановившее изгнать наместников Великого князя, «понеже нелюбы имъ быша» [ПСРЛ.т.10, с.178]. Новгородцы послали в Москву послание, в котором просили московского князя о заступничестве. Юрий сам в Новгород не поехал, а направил Федора Ржевского. Федор с московским отрядом захватил тверских наместников «и держаша их во владычне дворе» [НПЛ, с.335], не мешкая, вместе с новгородцами пошел на Волгу. Хотел ли он захватить Тверь, воспользовавшись отсутствием Великого князя? Очевидно, нет. Цель похода чисто грабительская: «и пожгоша селы за Волгою» [ПСРЛ.т.15, с.36]. А когда против них вышла тверская рать во главе с шестнадцатилетним Дмитрием Михайловичем, дело и вообще застопорилось.

Расположившись по обеим берегам Волги, соперники не решились на открытое сражение и «стоаше тама шесть недель и до замороза» [ПСРЛ.т.10, с.179], заключили мирное соглашение. По нему тверчане вынуждены были отказаться от своих прав на Новгород. Федор Ржевский победно отра-

Въ лѣто 6823 (1315 год)

портовал Москве, а сам вместе с новгородцами отбыл в Новгород подготавливать к приему московского князя. Юрий Данилович вместе со своим братом Афанасием незамедлительно приехал в Новгород «на столъ... и ради быша новгородци своему хотению» [НПЛ, с.335].

Въ лѣто 6823 (1315 год)

Действия московского князя, конечно, не остались незамеченными в Орде. С одной стороны, Юрий без ведома хана, решил на подобные действия, с другой – богатый Новгород всегда был дорогой жемчужиной для ордынской власти. Новгородцы платили «черный бор» - ежегодную подать в ордынскую казну. И возможный сбой этих поступлений мог серьёзно обеспокоить Узбека. Тем более, находящийся в это время у хана тверской князь Михаил Ярославич, конечно же, комментировал эти события, исходя из собственного видения ситуации. Поэтому нет ничего удивительного, что Узбек решительно и в резкой форме вызывает Юрия Даниловича: «да идетъ къ нему во Орду безъ коснения» [ПСРЛ.т.10, с.179]. Юрий оставляет в Новгороде своего брата Афанасия, а сам вместе с новгородскими посланниками и, очевидно, с большими финансовыми возлияниями 15 марта отправляется в Орду [ПСРЛ.т.25, с.160]. Что происходило в Орде, нам известно очень мало. Между князьями разгорелась «пря великая», в которой более убедительным оказался Михаил Ярославич. Хан Узбек принимает решение в пользу тверского князя. Осенью в сопровождении ордынского посла Таитемира тверской князь вернулся на Русь. Ни в одной из летописей нет сообщения о возвращении из Орды московского князя. Очевидно, Юрий Дани-

Въ лѣто 6824 (1316 год)

лович был оставлен при хане для своеобразного испытания на верность. А как показывают последующие события, князь очень старался выслужиться перед Узбеком, чего и добился.

Известие об избрании тверского князя Великим князем Владимирским очень взбудоражило настроенную промосковски новгородскую общественность. Подстрекаемые Афанасием Даниловичем и Федором Ржевским, новгородцы стали готовиться к войне с Тверью.

Въ лѣто 6824 (1316 год)

В январе этого года новгородцы под руководством князя Афанасия Даниловича, собрав большую военную силу, расположились в Торжке, важном стратегическом пункте на границе с Тверским княжеством. Таким образом они преградили возможный путь на Новгород тверского князя и «пребыша ту съ 6 недель, весть переимающе» [НПЛ, с.94]. Навстречу им вышел Великий князь Владимирский «со всею силою низовскою» [ПСРЛ.т.10, с.179] и с татарским отрядом, посланным на Русь Узбеком. 10 февраля [ПСРЛ.т.15, стб.36] под Торжком произошла ожесточенная битва, в которой новгородцы потерпели сокрушительное поражение [НПЛ, с.94-95]. Рогожский летописец отмечает более тысячи убитых новгородцев [ПСРЛ.т.15, стб.36]. Князь Афанасий Данилович и Федор Ржевский «с малыми оставшимися» едва спаслись и убежали в Новгород. Великий князь Владимирский послал новгородцам ультиматум, требуя выдачи князей: «выдайте ми князя Афанасья и Федора Жревьского, а язъ с вами миръ dokonчаю» [НПЛ, с.95]. Новгородцы сначала отказались выполнить это требование, а затем вынуждены были выдать князя Ржевского и заплатить за себя откуп в 5 тысяч

Въ лѣто 6824 (1316 год)

гривен «и докончаша миръ и крестъ целоваша» [НПЛ, с.95]. Заключив мир, Михаил Ярославич вызывает к себе в Торжок князя Афанасия «и бояры новгородскыи» для заключения нового соглашения с Новгородом. Новгородское посольство требовало для города значительных уступок. Великий князь Владимирский был взбешен. Он приказал захватить все посольства, «а прочихъ людей всехъ перепрода, какъ ся стече, а кони ихъ и доспехи ихъ, и все оружие ихъ и вся мастера ихъ взя во Тверь» [ПСРЛ.т.10, с.179]. Город Торжок был razoren, а в Новгороде силою были поставлены тверские наместники во главе с Михаилом Климентьевичем и Иваном Дмитриевичем. Условия соглашения были настолько неприемлемые для новгородцев, что они посылают в Орду свое посольство с жалобой на действия Михаила Ярославича. Но тверчане их по дороге перехватили и доставили в Тверь. Казалось, непреклонный Новгород сломлен окончательно, но проходит всего немного времени, и новгородцы вновь выгоняют великокняжеских наместников. Их приготовления к серьёзной войне были очень основательными. Они укрепляют город дополнительным острогом и объявляют «татальную мобилизацию»: «и соидеся вся волость новгородская: пльсковичи, ладожане, рушане, Корела, Ижера, Вожане» [НПЛ, с.95].

Узнав о серьёзных приготовлениях новгородцев, Михаил Ярославич решил обмануть противника, двинуться окольным путем, рассчитывая напасть неожиданно. Но, «пойде по неведомымъ местомъ и по незнаемымъ путемъ» [ПСРЛ.т.10, с.180], рать его заблудилась. Сам князь заболел [Татищев, 1965, с.74], а в его войске начался страшный голод, «понеже и кожи ядыху, и голенища и ремениа жваху, и мнози отъ глада изомроша» [ПСРЛ.т.10, с.180]. Потеряв большую

часть своего войска, тверчане возвратились домой. Беда не приходит одна; в этот же год страшный пожар поразил Тверь, и его «едва угасиша». Тверско-новгородские события этого года на этом не завершились. В конце года новгородцы посылают своего епископа Давида с посольством в Тверь с целью выкупить своих пленников. Согласно новгородской летописи, Михаил Ярославич им отказал [НПЛ, с.95]. Тверская же летопись утверждает, что сделка состоялась и новгородцы в качестве выкупа заплатили 5000 рублей серебра [ПСРЛ.т.15, стб.36].

Стоит отметить ещё одно событие этого года, вроде бы незначительное, но имеющее ключевое значение в укреплении позиций Петра в системе церковной иерархии. Тверской епископ Андрей, инициатор судилища митрополита, был отправлен в монастырь, и на его место Петр ставит своего ставленника Варсонофия. С политической арены постепенно удаляются все противники митрополита Петра, и его власть становится незыблемой.

Мы практически не знаем, как складывалась ситуация в Юго-западных русских землях. Информация во многом нулевая. И все же попадаются отдельные известия, которые хоть как-то позволяют приоткрыть завесу происходящего. Так 9 августа 1316 года датируется грамота Галицко-Волынских князей Андрея и Льва Юрьевичей, в которой они именуются «Божьей милостью князя всей Русской земли, Галиции и Владимирии» [Шабульдо, 1987,с.13]. Братья обязуются защищать от Орды Тевтонский Орден. С момента своего восняжения Андрей и Лев Юрьевичи пользовались значительным покровительством польского князя Владислава Локетка, который приходился им дядей. С его помощью

Въ лѣто 6825 (1317 год)

им удалось нейтрализовать влиятельных местных бояр, заключить союз с Польшей, Венгрией, Тевтонским Орденом и на время стать своеобразным щитом для этих государств от экспансии Орды. Как складывались отношения Галича, Владимира с ордынской властью, судить очень сложно. Очевидно, князья пытались вести прозападную политику, о чем и свидетельствует обозначенная грамота. А что Узбек? Он пока не ведет широкомасштабных военных действий, ограничиваясь локальными набегами. Но ситуация все больше накаляется, и война между враждующими сторонами кажется неизбежной.

Въ лѣто 6825 (1317 год)

Долгое пребывание московского князя Юрия Даниловича в Орде завершилось для него необычайно удачно. Он не только остался жив, но и сумел так войти в доверие к Великому хану Узбеку, что тот женил его на своей сестре Кончаке. Московский князь входит в расширенную семью Узбека и таким образом роднится с ним! Мусульманин Узбек даже разрешает крестить свою сестру, и в православии она получает имя Агафья. Только после этого состоялся их брак. В качестве «приданого» Великий хан низлагает Михаила Ярославича и вручает ярлык на Великое княжение Владимирское Юрию Даниловичу. Это был не только щедрый подарок, но и далеко продуманный политический шаг. Надо ли говорить, как теперь преданно и раболепски стал служить Узбеку московский князь. С молодой восточной красавицей, с ярлыком, в сопровождении татарской военной силы во главе с Кавгадыем Юрий возвращается на Русь.

Михаил Ярославич Тверской собрал всех подручных

ему князей, очевидно, они долго совещались, как поступить в создавшейся ситуации [ПСРЛ.т.10, с.180]. Было принято решение все же выйти навстречу Юрию «со многими силами», и в районе Костромы противники встретились. На военные действия никто не решился. После долгих переговоров, и в первую очередь с Кавгадыем, Михаил вынужден был подчиниться решению Орды. Он возвращается в Тверь и в срочном порядке приступает к укреплению своего города, «заложил болшии градъ кремникъ» [ПСРЛ.т.15, стб. 37], мало надеясь на договор и предчувствуя месть Юрия. И правильно делал, т.к. Юрий не собирался оставлять в покое своего соперника. Совокупив все свои войска, Юрий и Кавгадый начинают методично опустошать русские земли. Разорению подверглись города Ростов, Переславль, Дмитров, Клин и «много зла творя христианомъ» [ПСРЛ.т.15, стб.37]. Грабеж - это извечно источник добычи, а Юрию нужны были средства, чтобы оплатить ярлык, и Кавгадый, конечно же, не преминул воспользоваться моментом для пополнения своей казны. Вот такова цена ярлыка!

Одновременно пришли в движение и новгородцы. Они, как союзники Юрия Даниловича, «стоаше 6 недель въ Торъжку, съсылающесе како поити ко Твери» [ПСРЛ.т.10, с. 181]. Несогласованность их действий привела к тому, что Михаил неожиданно напал на новгородцев в районе Торжка и нанёс им сокрушительное поражение. Новгород запросил у Михаила мира, и вынужден был выйти из игры. «А Юрии князь съ Татари и съ всею силою Суждалскою почаша воевати Тферскую волость, села пожгоша и жито, а люди въ пленъ поведоша» [ПСРЛ.т.15, стб. 37]. И всё же московский князь не рискнул идти на Тверь. Расположившись в 15 вер-

Въ лѣто 6825 (1317 год)

стах от города, он в течение 5 недель не приступал к решительным действиям. Очевидно, это было решение Кагадыя. Ордынский посол неоднократно посылает своих людей к тверскому князю, требуя сложить оружие и покориться, но «не бысть межи има мира» [ПСРЛ.т.15, стб. 37]. Очевидно, условия, предлагаемые Кавгадыем, были настолько неприемлемы тверскому князю, что он готов был защищаться до конца. Такое противостояние не могло долго продолжаться, и московские союзники двинулись на Тверь.

В районе села Бортенево 22 декабря состоялась знаменитая Бортеневская битва. Летописи как всегда скупы на описание сражения, отделяваясь общими фразами: «и бысть сеча велиа». Тверские войска наголову разгромили москвичей и их союзников. Примечательно, что Кавгадый не вводил в бой свои отряды, предпочитая со стороны наблюдать, чем закончится сражение. Разбитый Юрий с малой дружиной бежал с поля боя в Новгород, бросив на произвол судьбы своего брата Бориса и, главное, свою татарскую жену

Н.И. Белов. Бортеневская битва 1317 года

Въ лѣто 6826 (1318 год)

Агафью. Они попали в плен к тверскому князю. Назавтра Кавгадый отправил к Михаилу своих посланников, которых с честью князь принял и «взя съ нимъ миръ» [ПСРЛ.т.10, с. 181]. Затем ордынцы были приглашены в Тверь, «и многу честь въздаде Кавгадыю и Татаром его» [ПСРЛ.т.10, с. 181]. Ссориться с Великим ханом и его посланниками совсем не входило в планы Михаила Ярославича; за Кавгадыем власть и сила, противиться которой он не мог, да и не желал.

Въ лѣто 6826 (1318 год)

Один из самых трагических годов этого десятилетия. Вражда между Юрием Даниловичем и Михаилом Ярославичем достигает своей кульминации. В начале года московский князь предпринимает попытку освободить из тверского плена своего брата и жену. Вместе с послами из Новгорода и Пскова, возглавляемыми архиепископом Давидом, он встречается с тверским князем. Переговоры шли очень трудно, «мало бой не бысть» [ПСРЛ.т.10, с.181]. Стороны договорились свои разногласия вынести в Орду на суд Узбека, «како ити въ Орду обеима, а брата Юрьева и княгиню (Агафью – В.Е.) пустити», – отмечает новгородская летопись [НПЛ, с. 338]. Правда, некоторые другие летописи сообщают, что в тверском плену Агафья умирает - «зелиемъ уморена бысть» [ПСРЛ.т.10, с. 181; ПСРЛ.т.18, с.161]. Об отравлении княгини, сестры хана, сообщают в большей степени промосковски ориентированные летописи. Москвичам была выгодна эта версия. Она давала ещё один аргумент в борьбе с тверским князем. Хотя это представляется маловероятным. Осторожный Михаил никогда бы не решился на подобный шаг, опасаясь мести и наказания со стороны Орды. Очевидно,

Въ лѣто 6826 (1318 год)

Кончака – Агафья умерла сразу же после своего освобождения по дороге в Москву. Стоит отметить ещё тот факт, что похоронена она была не в Твери, не в Москве, а в Ростове [ПСРЛ.т.10. с.181].

Я не исключаю тот факт, что Юрий искренне и беззаветно любил свою жену и крайне переживал за нее. Но то, что смерть Агафьи стала разменной монетой в политической игре московского князя, не подлежит сомнению. Москвичи не преминули взять эту легенду себе на вооружение, чтобы оклеветать и добить тверского князя. Михаил Ярославич сделал попытку в этой ситуации мирным путем найти выход. Он посылает в Москву посольство во главе с Александром Марковичем, но московский князь не стал их даже слушать и приказал всех убить, «и бысть межи ихъ нелюбие велие» [ПСРЛ.т.10, с.182].

По совету Кавгады Юрий Данилович отправился в Орду. С собой он повёз большое посольство: «вси князи Низовьские и бояре со городовъ и Новгородцевъ» [ПСРЛ.т.25, с. 162]. Михаил Ярославич по какой-то причине сам не поехал, а вместо себя послал 12-ти летнего сына Константина.

События, разгоревшиеся в Орде, лучше и ярче всего описаны в «Житие Михаила Ярославича Тверского [Б.Л.Д.Р, 2000, с. 68-92]. Это произведение относится к традиционной агиографической литературе, посвященной князьям, принявшим мученическую смерть и почитавшихся «страстотерпцами» (Борис и Глеб, Михаил Черниговский). Агиографическая литература требует очень осторожного исторического подхода, в ней много шаблонов и канонических утверждений. В то же время «Житие Михаила Ярославича» содержит ряд подробностей, которые могли внести в текст

только очевидцы, что дает исследователю использовать эти детали для реконструкции событий. Как считает Кучкин В.А., произведение было написано сразу же после гибели героя, факты не успели стереться из памяти [Кучкин, 1974, с. 234]. Автором этого «Жития», считает исследователь, мог быть игумен Тверского Отрога монастыря Александр, упоминаемый в тексте самого произведения [Б.Л.Д.Р.Т.6, 2000, с. 80].

Рогожский летописец, содержащий тверскую версию происходивших событий, отмечает, что по прибытии в Орду Юрий и Кавгадый развили бурную деятельность, клеветца на Михаила. Главное обвинение состояло в том, что он не все собранные деньги отправлял в Орду, а сам хочет убежать «въ Немци». Разгневанный Узбек «повеле сына его князя Костянтина гладомъ морити и затвориша его въ единой храминѣ» [ПСРЛ.т.15, стб. 38]. Правда, нашлись люди в окружении Узбека, которые рекомендовали ему воздержаться от этого решения, т.к. «аще его оубиеши, отцу его не бывати къ тебе» [там же]. Хан отпустил юного княжича, а к Михаилу Ярославичу отправляет еще одного посла со строгим наказом явиться в Орду, «буди в борзе за месяц, аще ли не будеши, уже воименовал рать на твой город» [Б.Л.Д.Р.Т.6.2000, с. 76]. При этом посол предупредил князя, что Кавгадый убеждает Узбека, что тот испугается и не приедет в Орду. Тверскому князю ничего не оставалось, как самому идти на суд хана.

6 сентября Михаил Ярославич и сопровождающие его лица прибыли в Орду. Узбек в это время кочевал в районе Азовского моря, в месте впадения в него реки Дон. Надо отметить, что Хан вначале встречает Михаила если не приветливо, то по крайней мере без злобы. Более того, он при-

Въ лѣто 6826 (1318 год)

ставил к нему стражу, «не дадуще его никомуже обидити» [Там же, с. 78]. Полтора месяца прошли для тверского князя и его окружения относительно спокойно. Московский князь со своей свитой находился в относительной близости и пока ничем себя не проявлял. Золотоордынский хан в это время был занят конфликтом с Иль-ханами [Вернадский, 1997, с.206] и не спешил с решением русского конфликта.

Наконец настал и черед Михаила. Возле царского шатра собралось всё окружение Великого Хана. Главное обвинение тверского князя было в том же, что и ранее. Князь, якобы, собирая дань для Орды, часть её утаивал. У Михаила, очевидно, были все письменные доказательства собранной и отданной дани. Так что обвинить его было практически не в чем. Было ещё одно немаловажное обстоятельство. Очевидно, часть дани тверскому князю пришлось отдать ещё на Руси Кавгадю, и тот её присвоил. И чтобы избежать наказания, сам стал активно обличать Михаила: «и изрече многозамышленные вины... и свою страну (сторону – В.Е.) оправдая»

[Б.Л.Д.Р.2000, с. 78]. Выступление Кавгадея подействовало на судей, и Михаила заковали в оковы.

Через неделю состоялся новый суд. Снова было обвинение в

В.П. Верещагин. Князь Михаил Ярославич у Узбек-хана

Въ лѣто 6826 (1318 год)

неполной выплате ордынской дани, которое Михаил легко парировал: «колико съкровищъ своих издаялъ есмь цареви и княземъ, все бо исписано имяще» [там же, с.78]. Михаил страстно доказывал, что и Кавгадыя спас во время боя, а на последовавшее новое обвинение в смерти сестры Узбека Кончаки-Агафье отвечал, что «ни мысли ми того сътворити» [там же, с. 80]. Но все уже было, по всей видимости, предре- шено. В источниках пока не фиксируется реальное действие в судилище московского князя, но его участие в закулисьях этого события явно читается. На Михаила Ярославича на- дели ^{blue}тяжелую деревянную колоду, «возложиша сохоу отъ тяжка древа на выю (шею – В.Е.) [ПСРЛ.т.15, стб. 39]. Почти месяц провел в таком положении Михаил, подвергаясь при этом всевозможным унижениям и оскорблениям. И всё это на глазах его близких и его дружины, которые если бы даже и захотели, то никак не могли смягчить его бедственное по- ложение. Житие отмеча- ет особое усердие в уни- жении князя со стороны Кавгадыя, видно было его страстное желание засудить князя и тем са- мым обелить себя.

22 ноября 1318 года Узбек дал Кавгадыю раз- решение на казнь Ми- хаила. И наступил час торжества Кавгадыя и Юрия Даниловича. «И се единъ отъ слугъ его

Б. А. Чориков. Убийство Великого князя Михаила Ярославича в Золотой Орде

Въ лѣто 6826 (1318 год)

вскочи въ вежу и рече: и се, господине, Кавгадыи и Юрии отъ Орды прямо къ твои вежи. Блаженни же рече: веде на что едутъ, на мое оубиение» [ПСРЛ.т.15, стб. 39]. Остановившись на некотором удалении на торгу, Кавгадый и Юрий послали убийц к тверскому князю. Те разогнали всех, находившихся рядом с князем, схватили его за колоду и что есть мочи бросили тело на стену, да так сильно, что стена проломилась. После этого убийцы набросились на князя, стали зверски его избивать, а один из московской дружины по имени Романец, выхватил нож и ударил им Михаила в грудь и вырезал сердце. Затем начался грабеж имущества, в котором усердствовали и русские, и татары. С убитого Михаила сорвали последние одежды и бросили нагим. Жестокость нападавших ошеломила даже Кавгадыя, который бросил упрек Юрию: «да чему тако лежит тело наго повержено» [Б.Л.Д.Р, 2000, с. 86]. Юрий приказал прикрыть наготу князя. Тело Михаила привязали к доске и поставили его со всякими унижениями в каком-то хлеве, а «сами же князи и бояре въ единой вежи пияху вино, повествующее, кто какую вину изрече на святого» [Там же, с. 88]. Юрий Данилович приказал отправить тело убитого на Русь. Его торжественно и злорадно провезли по русским городам и как трофей похоронили в Спасском монастыре в Москве. В живых из тверчан остался княжич Константин и часть дружины, которые спаслись тем, что их приютила ханская жена. Все они стали потом пленниками московского князя.

Московский князь торжествовал. Он не только устранил своего основного политического противника, но и получил из рук Узбека титул Великого князя Владимирского. Можно ли сомневаться, каким верным слугой и защитником

ордынских интересов стал после этого московский князь.

Въ лѣто 6827 (1319 год)

Великий князь Владимирский Юрий Данилович вместе со своими людьми и пленниками возвращается в Москву. Тотчас посылает в Тверь ростовского епископа Прохора и стародубского князя Ярослава с требованием к тверским князьям, сыновьям Михаила, явиться в Москву «въ любовь по целованию ихъ крестному» [ПСРЛ.т.10, с.186]. В конце июня «на Петровъ день» [ПСРЛ.т.15, стб.40] тверской князь Александр Михайлович и Великий князь Владимирский Юрий Данилович заключили соглашение. Текст его не сохранился, но и так становилось ясным, что Тверь этот раунд борьбы проиграла. Зато удалось договориться с московским князем о передаче тела Михаила Ярославича. 6 сентября с необычайной торжественностью, при большом стечении народа князь Михаил был похоронен в родном городе в Спасо-Преображенском монастыре. Тверь обрела свой символ, своего великомученика, своего святого. В.А.Кучкин пришёл к выводу, что первое житие Михаила Ярославовича было создано вскоре после его похорон [Кучкин, 1974, с.234] и очень быстро разошлось по всей Руси. Главный лейтмотив подвига Михаила состоял в том, что он пожертвовал собой, чтобы избежать погрома тверского. В

Въ лѣто 6827 (1319 год)

Михаил Ярославич.
Изображение на памятнике
1000-летию России в Великом
Новгороде

Въ лѣто 6828 (1320 год)

«Житии» сыновья Михаила Ярославича уговаривают отца бежать от ханского гнева, на что он отвечает отказом: «... азъ где уклонюся, а отчина моя вся в полону избиении будут... то лучши ми есть ныне положити душу свою за многия душа» [Б.Л.Д.Р, 2000, с. 78].

Въ лѣто 6828 (1320 год)

Вольно или невольно, но возникает мысль о разных стереотипах поведения московского и тверского князей. Юрий при первой же неудаче бежит, бросая всё: и княжество, и жену. Он раболепством и наговорами заслуживает милость хана, идя через трупы и разорение русской земли. Михаил - тоже сын своего времени. Но в его действиях читается всё же большая ответственность за судьбы своего княжества и своих поданных. Вот, наверное, поэтому культ святого Михаила Ярославича, созданный сначала в Тверской земле, затем перерастает княжеские границы, и в 1549 году Михаил Ярославич одним из первых становится общероссийским святым.

Но жизнь продолжается, сыновьям идти дальше. Ситуация в Твери оставалась сложной, но постепенно стала нормализоваться. Находившийся в московском плену сын Михаила Константин по воле московского князя был обвенчан с дочерью Юрия Софией. Этим династическим браком Юрий Данилович хотел сделать послушным тверского князя, вовлечь его в орбиту собственной политики. Но старший сын Михаила Дмитрий затаил обиду на московского князя и поклялся отомстить за убитого отца. Сил бороться с Москвой пока у него не было, нужен был крепкий союзник. Его тверской князь нашёл в лице русско-литовского князя

Гедмина. Зимой этого года состоялась свадьба Дмитрия Михайловича с дочерью Гедмина тоже Софией [ПСРЛ, т.15, стб. 41]. Так стал складываться литовско-тверской союз.

Здесь надо несколько слов сказать о Гедмине. Происхождение его весьма туманное. С.М.Соловьёв приводит три версии происхождения Гедмина. По одной из них он был конюхом великого князя Литовского Витениса (Витеня). Вступив в заговор с его молодой женой, Гедмин убивает

Гедмин. Изображение на памятнике 1000-летию России в Великом Новгороде

своего господина и сам становится великим князем. Другие версии говорят о том, что Гедмин был старшим сыном или братом Витениса и после его смерти наследовал литовский престол [Соловьёв, 1960, с. 243-244]. Как бы то ни было, но в 20-е годы XIV века Гедмин развернул широкую экспансию на западные древнерусские земли. Под его власть перешли Полоцк, Гродно, Витебск. Гедмин очень удачно сдерживал военные наступления немецкого ордена, пытался влиять на политику Новгорода и Пскова. Союз с тверским князем сулил Гедмину возможность оказывать влияние на восточные рубежи своей державы.

Но вернёмся к московским делам. Среди первоочередных задач, стоящих перед Юрием Даниловичем, было не только регулирование московско-тверских отношений. Главное

Въ лѣто 6829 (1321 год)

Гедемин. Гравюра из «Описания Сарматии» 1578 г. Юрию Даниловичю, и много зла учиниша въ Володимери» [ПСРЛ.т.10, с.187]. Средств в московской казне не было, и ордынские отряды подвергли разграблению русские города. Чтобы хоть как-то выкрутиться из создавшейся ситуации, Юрий увеличил размер поступлений в ордынский выход из всех подвластных ему земель, что вызвало большое неудовольствие местных князей. В Новгород, главный финансовый центр Руси в то время, был послан брат Юрия Афанасий, а другой брат Иван (будущий Калита) был отправлен в Орду с тем, что удалось в кратчайший срок собрать, всю причитающуюся дань.

Въ лѣто 6829 (1321 год)

По весне один из ордынских отрядов нагрянул в г.Кашин. Возглавлял его «Гаянчарь Татаринъ съ Жидовиномъ длѣжникомъ, много тягости оучинили Кашину» [ПСРЛ,т.15, стб. 41]. Юрий не контролировал ситуацию. Ордынцы чинили беспредел, выбивая любыми способами имеющиеся якобы долги. Упоминание еврейского сборщика дани не ново для Руси. Они и раньше выступали в рус-

ских княжествах основными кредиторами и «вышибалами» дани. Очевидно, кашинцы противились сбору дани в обозначенных размерах, и Юрию Даниловичу пришлось «со всею силою Низовскою и Суждальскую» собирать войско в Переяславле. На помощь Кашину пришёл тверской князь. До военного столкновения дело не дошло. При посредничестве тверского епископа был заключен новый мирный договор [ПСРЛ.т.25, с. 166]. Тверчане выплатили Юрию Даниловичу 2000 рублей серебром и «разыдошася каждо въ свояси» [ПСРЛ.т.10, с. 188]. Очевидно, размер тверской дани был мал по сравнению с тем, что требовала Орда, и Юрий сразу же пошёл с тверским серебром в Новгород, чтобы собрать недостающее. Но и новгородцам запрос Орды и Юрия показался сверх завышенным, и «новгородцы же вмале съ нимъ раз-молвиша» [ПСРЛ.т.10, с. 188]. В сложной ситуации оказался Великий князь Владимирский. Хан требовал денег, собрать нужное количество Юрию Даниловичу не удавалось, единственной надеждой оставалась помощь Новгорода. Вот почему Юрий пошёл на уступки новгородцам, «смирися съ Новгородци» [ПСРЛ.т.10, с. 188].

Въ лѣто 6830 (1322 год)

Договорившись с новгородцами, Юрий постарался использовать подвернувшийся ему шанс. В очередной раз на новгородские земли напали шведские отряды, «приходиша Немци ратью къ Корельскому городку и не взяша его» [НПЛ, с.338]. Но это оказалось удобным поводом начать ответные военные действия. Юрий очень надеялся за счёт возможной добычи отчитаться перед Ордой и уплатить дань. Совместно с новгородцами Юрий Данилович осадил Выборгский го-

Въ лѣто 6830 (1322 год)

род, принадлежавший шведам. Город был хорошо укреплен и взять его, несмотря на использование стенобитных машин – пороков, не удалось. Но урон окрестностям был нанесен весьма существенный. Новгородцы пленили много шведов, захватили значительное количество добычи. Таким образом Юрию удалось значительно пополнить и ордынскую дань. Юрий Данилович со своими людьми, со всем награбленным и с ордынской данью возвратился в «низовскую землю».

А там события развивались с калейдоскопической быстротой. Тверской князь Дмитрий Михайлович после отъезда московского князя в Новгород сам поспешил к хану Узбеку. В.Н.Татищев приводит данные о том, что в Орде Дмитрий попытался доказать, что его отец был несправедливо оклеветан Юрием и Кавгадыем. И в качестве веского аргумента предательских действий московского князя по отношению к Узбеку использовал факт отъезда Юрия в Новгород. Дмитрий Михайлович убедил Узбека, что московский князь утаил тверскую часть дани и сбежал с ней в Новгород. Узбек поверил Дмитрию Михайловичу и «пожаловал хан Азбьяк князя Дмитрея великим княжением русским» [Татищев, 1965, с. 80]. Вот так быстро менялась ситуация.

Тем временем московский князь в сопровождении новгородцев («много моли новгородцовъ, дабы, проводиле» [НПЛ, с. 339]) вернулся в своё княжество. Но и здесь его ожидала неудача. Тверчане во главе с князем Александром Михайловичем смогли перехватить его отряд и «нападе на, нь...а товаръ его разграбиша» [НПЛ, с. 339]. Видно, Юрий Данилович был никчёмным военачальником, раз в очередной раз оказался разбитым. Сам князь, бросив всё, бежал в Псков, и уже оттуда новгородцы вновь позвали его к себе.

Въ лѣто 6831 (1323 год)

Осенью из Орды вернулся новый Великий князь Владимирский Дмитрий Михайлович, «а съ нимъ приде посоль съ силенъ князь Севенчбуга» [ПСРЛ, т.10, с. 188]. Стоит отметить, что на Русь был отправлен ещё один ордынский посол Ахмыл, совместно с московским князем Иваном Даниловичем, бывшим до этого около двух лет в Орде. Его задача состояла в том, чтобы доставить в Орду Юрия Михайловича. Не застав князя, отряд Ахмыла «много зла учиниша Низовскимъ Градомъ и Ярославль взяша и сожгоша и много полона безчислено взять» [ПСРЛ. т.10, с. 188].

Въ лѣто 6831 (1323 год)

Дела в Новгородской земле у Юрия Даниловича шли значительно лучше, чем в «Низовской». По прибытии в Новгород князь сразу же организует новую военную экспедицию на побережье Балтийского моря. Не сумев взять Выборг, новгородцы решили создать свой оплот на этой территории. С этой целью они в истоке реки Невы на Ореховом острове сооружают военное укрепление. Резонно было ждать наступления шведов, но неожиданно для новгородцев те присылают посольство, которое предлагает заключить

Крепость Орешек. Современный вид

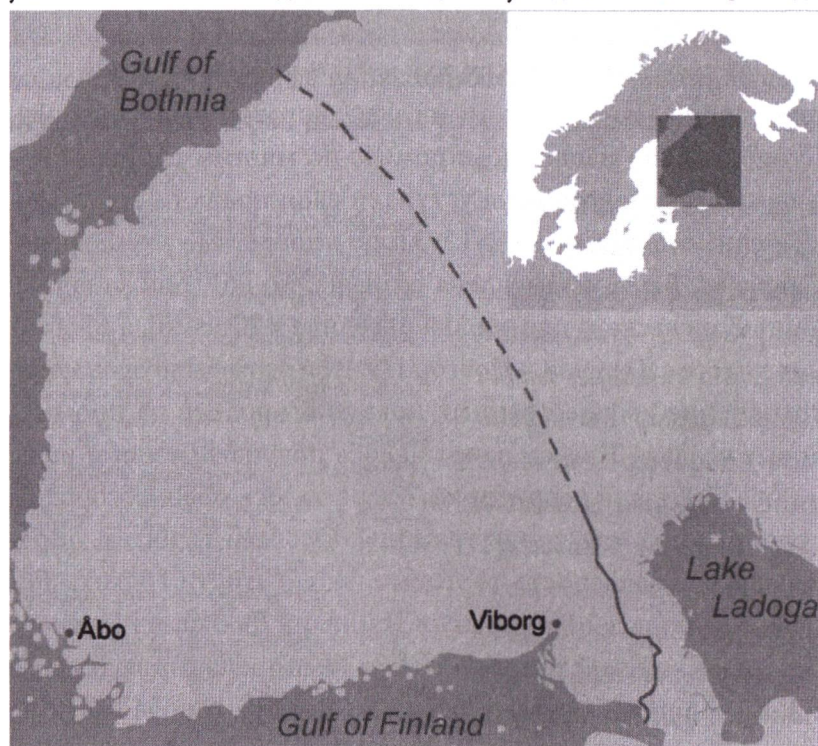
Межевой камень первой границы между Новгородом и Швецией

переговоры, но 12 августа мирный договор был заключён. Стороны явно нашли компромисс по многим спорным вопросам. Так, новгородцы уступали свои права на земли, захваченные шведами ещё в 1293 году – погосты Яскис, Эурепя, Саволак. Была установлена граница, по которой западная часть Карельского перешейка отходила к Швеции, а восточная вместе с Корелой – Новгороду. При этом было оговорено сохранение имущественных прав новгородцев на промысловые угодья. Шведам запрещалось покупать земли и воды на новгородской территории, запрещалось обеим сторонам строить крепость вдоль границы. Особым пунктом определялась безопасность торговых путей: «гости гостити беспакости изъ всей Немьцькой земле: из Любка, из Готского берега и Свойской земле по Неве в Новгородъ горою (сушею – В.Е.) и водою, а свeamъ всемъ из Выбора города гости не переимати; также и нашему гостю чистъ путь за море» [Шаскольский, 1987, с. 143]. Шведы особым пунктом клялись не

Въ лѣто 6831 (1323 год)

заключатъ ни одного антиновгородского военного союза. Это был триумф Юрия Даниловича, это была необычайно важная дипломатическая победа Новгорода. Так что «окно в Европу» прорубил скорее не Пётр, а задолго до него Юрий Данилович.

21 мая 1323 года датируется письмо польского короля Владислава Локетка к папе Иоанну XXII, в котором сообщается о гибели «последних двух русских князей из рода схизматиков», в результате чего возникла угроза для Запада захвата Ордой территорий, «с которых по обыкновению уплачивалась ежегодная дань» [Шабульдо, 1987, с.18]. Надо

Граница между Швецией и Великим Новгородом по Ореховскому договору 1323 года

Въ лѣто 6832 (1324 год)

отметить, что Владислав Локетка в 1320 году в Кракове был коронован польской короной. В этом же году между Польшей и Венгрией был заключен политический союз, направленный против Тевтонского Ордена, в котором Галицко-Волынскому княжеству отводилась далеко не последняя роль. Андрей Волынский династическим браком своей дочери с Любартом Гедеминовичем заключает союз с Литвой. Все эти действия не могли не насторожить ордынского хана. Узбек вторгся в западные земли своего улуса и в результате военных действий разгромил галицко-волынские войска. Мы не знаем обстоятельств гибели Андрея и Льва Юрьевичей. Есть две версии, но ни та, ни другая не подтверждены источниками. По одной из них братья погибли в бою, по другой были отравлены. Как бы то ни было, смерть братьев привела к новому политическому хаосу в юго-западных русских землях. Этим воспользовались вчерашние союзники Андрея и Льва. Летом-осенью 1323 года польско-венгерские войска вторглись в Галицкую землю, а в октябре этого года началось наступление Литвы на Волынское княжество [Шабульдо, 1987, с.25-26].

Въ лѣто 6832 (1324 год)

Ореховецкий мир, при всей его значимости, не дал Юрию Даниловичу военной добычи, которую можно было отправить в Орду в виде дани. Вот почему своеобразной палочкой-выручалочкой явилось для него известие: «зара-тишася устьюжане с новгородци, изымаша новгородцовъ хто ходиль на Югру, и ограбиша их» [НПЛ, с. 339]. События на Двине вызвали ответные действия новгородцев. Они вместе с князем Юрием Даниловичем совершают большой

Въ лѣто 6832 (1324 год)

поход на Устюг. Город был взят штурмом, «и взяша Устюгъ на щить» [НПЛ, с.339], а затем разорению подверглись и селения по р.Двине. Это заставило устюжских князей заключить мирный договор «по старои пошлине» [НПЛ, с. 339]. В.Н.Татищев добавляет: «выход давал по старине во Орду» [Татищев, 1965, с. 81]. Требуемый ордынский «выход» - дань была собрана, и Юрий поспешил в Орду. Видно, известия оттуда приходили к князю очень удручающие. Не заезжая в Москву, Юрий Данилович «поиде в Орду изъ Заволочья по Каме по реце» [НПЛ, с. 339].

Весной – летом 1324 года Великий князь Литовский Гедемин, «собравши вси силы литовскийи и жомотскийи, и рускийи, и поиде на други недели по Велице дни (после 15 апреля) на князя Станислава Киевского [ПСРЛ т.35,с. 95] (цит. По Шабульдо, 1987,с.26). Началось масштабное наступление Литвы на Киевские земли. Овладев Овручем и Житомиром, войска Гедемина подошли к городу Белгороду. Здесь на реке Ирпень его отряды встретились с войском киевского князя Станислава и его союзниками. Бой был очень длительным и упорным. Лишь благодаря решительным действиям Гедемина, ударившего своей гвардией во фланг союзному войску, удалось переломить ход битвы. Киевляне вынуждены были отступить, а затем и совсем обратились в бегство. Князь Станислав бросил на произвол судьбы Киев, сам бежал в Рязанскую землю. Но жители Киева не собирались сдаваться. Основные их силы полегли на поле брани на реке Ирпень, но и оставшиеся в живых сражались ожесточенно. Почти месяц длилась осада города. Наконец киевляне, не выдержав, запросили мира. Они признали свою зависимость от Литвы и установление вассалитета Гедемина. После этого сдались

Въ лѣто 6832 (1324 год)

города Вышгород, Черкассы, Канев, Путивль, Снепород, Переяславль-Русский [Шабульдо, 1987,с.27]. Все историческое ядро древнерусского государства оказалось под властью Гедмина. Своим наместником в киевских землях литовский князь назначил Ольгимунта, сына Мидовга. Шабульдо Ф.М. очень тонко заметил, что, начиная с середины 20-х годов XIV века, начинается процесс постепенного вытеснения ханской власти из Среднего Поднепровья и замена ее властью литовских князей [Шабульдо, 1987,с.28], хотя, надо заметить, этот процесс был достаточно длительным и сложным. Хан Узбек навряд ли смотрел сквозь пальцы на значительное урезание западных рубежей своей державы. О его действиях мы можем судить лишь по сообщению Никоновской летописи: «Царь Азбьякъ посылалъ князей Литвы воевати: и многа зла сотвориша Литве, и со многимъ полоном приидоша во Орду» [ПСРЛ, т.10,с.189]. Но остановить наступательный порыв Литвы оказалось не под силу. Уже в конце этого года Узбек посылает в Вильно посольство для урегулирования отношений. Суть переговоров для нас остается неясной. Очевидно, были определены паритетные отношения, возможно, даже наличие двойной администрации. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что при княжеской администрации Гедмина в Киеве в 1331 году находился ордынский баскак. Заключение соглашения с Ордой развязало руки Гедмину, и он сконцентрировал свое внимание на военных действиях в Мазовии и Галиции.

Въ лѣто 6833 (1325 год)

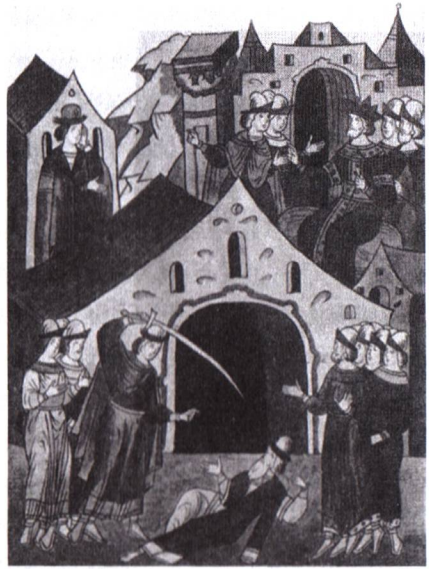
Узнав о том, что Юрий Данилович идет в Орду, туда сразу же засобирались и тверские князья Дмитрий и

Въ лѣто 6833 (1325 год)

Александр Михайлович со своими людьми. У В.Н.Татищева есть интересное дополнение к сообщениям русских летописей: «бояся да некако и его самого, яко отца его, оклеветает» [Татищев, 1965, с. 81]. Видимо, всем было хорошо известна «наступательная» политика Юрия. Ведь ему важно было отчитаться за не вовремя привезённую дань, и тверские князья могли ожидать от него всего самого невероятного в оправдание. Таким образом в Орде оказались оба враждующих князя. Причём и на том, и на другом лежала печать вины перед Узбеком. У Юрия – за сокрытие дани, у Дмитрия, как Великого князя Владимирского, наделённого ханскими полномочиями, за невозможность помешать Юрию и за то, что московский князь не был наказан. Разбирательство длилось долго. За это время хан предпринимает ряд действий по пополнению собственной казны. Прежде всего он посылает русских князей (мы не знаем, каких) против Литвы, ведущую в это время активную завоевательную политику в Юго-Западной Руси, «и многа зла сотвориша Литве, и со многимъ полономъ приидоша во Орду» [ПСРЛ.т.10, с.189]. В то время, когда Юрий и Дмитрий держали ответ перед ханом, в их вотчины Узбек отправляет большой отряд для сбора дани под руководством Александра Михайловича, «и много бысть тяготы на Низовьской земли» [НПЛ, с.97]. Александру Михайловичу не позавидуешь. Брат по существу в плену у хана и невозможно послушаться, не выполнить его приказ. И снова разорению подвергается Великое княжество Владимирское, и тверской князь вольно или невольно становится его соучастником.

Мы не знаем, как в Орде происходило разбирательство, главное, что оно тянулось долго. Наконец, нервы у одного из

действующих лиц не выдержали. 21 ноября 1325 года Дмитрий Михайлович в порыве гнева убивает Юрия Даниловича. Летописи не доносят до нас обстоятельств и деталей свершившегося. Источники фиксируют лишь конечный результат. Особенно летописи акцентируют внимание на словах: «безъ цесарева слова» [НПЛ, с. 97; ПСРЛ.т.10, с. 189; ПСРЛ.т.18, с.89]. Конечно, Дмитрием двигала и месть

Дмитрий Михайлович убивает Юрия Даниловича Московского в Орде. Из «Царского летописца»

за отца, и накопившаяся обида за содеянное московским князем. Осознавал ли он свои действия и свой поступок?. Ведь только Узбек в это время имел право казнить или миловать своих поданных. Наверное, осознавал и в то же время решительно пошёл на подобные действия. Участь самого Дмитрия таким образом также была решена. Нам трудно понять, что чувствовал в это время Дмитрий, его брат Александр, другие князья, находящиеся в Орде, как в плену, ждущие решения хана. Смирненно ждали своей участи? Иступленно ежедневно молились, выпрашивая божественного заступничества? Заискивали перед ханом и его окружением, надеясь искупить свою вину и заслужить благосклонные отношения? Оставим это на домысливание каждого читающего.

Тело убитого Юрия Даниловича было привезено в Мо-

Въ лѣто 6833 (1325 год)

ску, где состоялись похороны князя. На них присутствовали Иван Данилович, младший брат Юрия, ставший теперь Московским князем, митрополит Пётр, тверской епископ Варсонофий, ростовский епископ Прохор, рязанский епископ Григорий. Всех их в своё время рукоположил митрополит Пётр и, надо думать, они являлись его союзниками. Присутствовал при погребении и вновь избранный новгородцами и ждущий своего посвящения архиепископ новгородский Моисей. Может быть, поэтому описание самих похорон зафиксировано лишь в новгородских летописях [НПЛ, с.97]. Помня неприязнь митрополита Петра к тверскому князю Михаилу Ярославовичу, можно предположить и его нелюбовь к сыновьям Михаила, поэтому московский князь и удостоился таких пышных похорон.

Сам митрополит Пётр в это время часто бывал в Москве, вероятно, даже избрал её местом своего жительства. Более того, как гласит «Житие Петра», «обитая во граде том», он обратился с просьбой к Ивану Даниловичу об основании в Москве каменной церкви Успения Богородицы, «И яко убо церковь свершатися, проуведе святыи смерть свою божиимь откровением, и начят святыма рукама гроб себе творити близь святаго жерьтвенника» [Прохоров, 1978,с.212]. Церковь должна была стать не только аналогом владимирского Успенского собора, но и местом его собственного захоронения. Очевидно, чувствуя приближающуюся смерть, митрополит решил именно Москву сделать местом своего последнего пребывания. Это входило в политические расчёты и московского князя Ивана Даниловича, желавшего себе обрести титул Великого князя Владимирского и сделать свой город стольным.

Въ лѣто 6834 (1326 год)

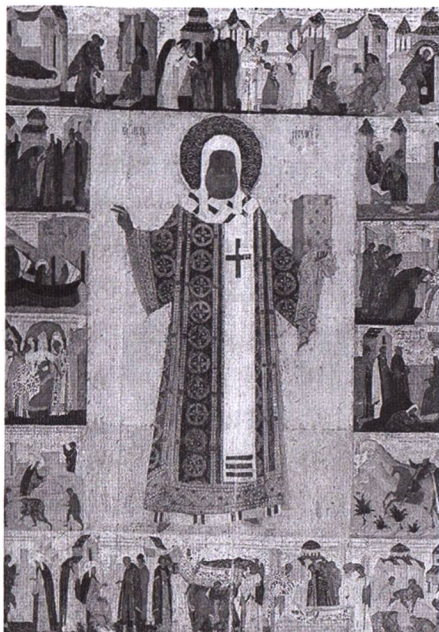
Вновь обостряется ситуация на западных рубежах Руси. Широкомасштабный поход совершают немцы на Псков и псковскую землю. Они обложили город, установили стенобитные машины, «пороки биюще, города свои придвигивающуи, за лесами лезущее и лествицы исчинивше через стену лести» [ПСРЛ.Т.5, вып.1, с.15-16]. Псковичи обратились к новгородцам, но те отказали им в помощи. Зато военный отряд Изборска во главе с князем Евстафием и литовские отряды с князем Давидом в помощь Пскову нанесли удар по немцам и прогнали их за реку Великую. «И по томъ приехавши силнии послы из всея земля Немецькия во Псковъ и доконъчаша миръ по псковской воли по всеи», - подытоживает псковский летописец [там же].

А в Орде Дмитрий Михайлович и его люди были арестованы и ждали своей участи.

Въ лѣто 6834 (1326 год)

Почти 10 месяцев томился в ордынской неволе Великий князь Владимирский. Вполне естественно, что всё это время и промосковски настроенные силы, и протверские каждый по-своему предлагали пути разрешения конфликта. Наконец, 15 сентября хан Узбек принял решение, и Дмитрий Михайлович, а вместе с ним князь Александр Новосильский были казнены [ПСРЛ.т.15, стб. 42]. Предстояло решить, кому из находившихся в данный момент в Орде князей отдать Великое княжение: московскому князю Ивану Даниловичу или тверскому Александру Михайловичу. И хотя, судя по сообщениям Никоновской летописи, хан сердился на тверских князей, называл их крамольниками [ПСРЛ.т.10, с.190], всё же титул Великого князя Владимирского был отдан младше-

Въ лѣто 6834 (1326 год)

Митрополит Петр. Икона Дионисия

му брату убитого. Александр Михайлович ещё оставался в Орде, а московский князь ни с чем поспешил в свой город.

Он ещё застал в живых митрополита Петра, но состояние того всё ухудшалось. 21 декабря митрополит Пётр умирает, и его хоронят в ещё недостроенном храме. Для Ивана Даниловича это была большая потеря. Он не добился Великого княжения, а со смертью

Петра терял и митрополичью поддержку. Очевидно, ещё до смерти Иван Данилович и Пётр обсуждали складывающуюся политическую ситуацию. Митрополита очень волновало не только то, кто будет его преемником, но и какую позицию он займёт по отношению к Москве, московским князьям. Иван Данилович и Пётр даже подготовили возможного кандидата – архимандрита Фёдора. Сразу же после смерти Петра в Константинополь было отправлено московское посольство с целью убедить константинопольского патриарха назначить Фёдора митрополитом Всея Руси [Карташёв, 1991, с. 304].

Въ лѣто 6835 (1327 год)

Год знаменитого тверского восстания. Летом этого года в Тверь прибывает ордынский посол Щелкан (Чол-

хан, Шевкал – разночтения в источниках) в сопровождении военного отряда. Щелкан был сыном Тудана – знаменитого Дуденя («Дуденева рать – 1293 года), чьё имя стало нарицательным в русской памяти. Одновременно он приходился двоюродным братом хана Узбека. Причины прихода на Русь посольства Щелкана фиксируются в русских источниках очень слабо. Можно предположить, что за этим стоит обычный сбор дани, причитающийся от вновь поставленного Великого князя. И всё таки думается, что целью появления Щелкана в Твери кроется значительно глубже. Великий хан не случайно послал на Русь своего родственника. Очевидно, в планах Узбека значилось отдать Северо-Восточные русские земли в непосредственное управление брату, низвести великокняжескую власть до уровня рядового вассала. Нельзя не учитывать и тот факт, что Узбек, став мусульманином, стремился распространить ислам в своей империи вширь и вглубь, и этот фактор также сыграл свою роль в последующих событиях.

До нас дошло два комплекса источников о тверском восстании. Это летописные известия, сконцентрированные в так называемой «Повести о Шевкале», и фольклорное произведение «Песнь о Щелкане». Ещё со школьной скамьи помним мы фольклорное горе и тоску о злодеяниях Щелкана «... У которова денег нет

У тово дитя возмёт,
 У которова дитя нет,
 У того жену возмёт,
 У которова жены-та нет,
 Тово самово головой возмёт...»

[Исторические песни, 1960, с.78].

Въ лѣто 6835 (1327 год)

Причины восстания читаются достаточно ясно – неимоверное притеснение ордынцами тверчан: «прогна князя великаго съ двора его, а самъ ста на князя великаго дворе съ мноюю грѣдостью и яростію и въздвиже гонение велико на христианы насилствомъ и граблениемъ и битьемъ и поруганиемъ...» [ПСРЛ.т.15, стб. 43]. Более противоречива в разных летописях роль самого Александра Михайловича. Так в интерпретации тверской версии князь проявил себя очень боязливо и пассивно. На жалобы тверчан о притеснениях он «трѣпети имъ веляше» [там же]. По новгородской версии, он чуть ли не сам поднял тверчан на восстание [НПЛ, 341]. Мне кажется, что более правдоподобна тверская версия. Великий князь Владимирский, только что получив ярлык, навряд ли был способен хоть на малейшее сопротивление Орде. Тверской рассказ более правдоподобен ещё и потому, что события описывались современником, по горячим следам. Описание тверских событий в новгородских летописях произошло, со слов самого Александра Михайловича, уже после того, как князь бежал сначала в Новгород, затем во Псков (об этом мы расскажем позднее), и поэтому очень субъективно.

Давайте ещё раз взглянем на главное событие этого года. Ордынцы выгоняют князя с его двора, творят насилие, всячески унижают горожан. Княжеская власть молчит и не оказывает поддержки жителям. Причины восстания моментально накапливаются, и нужен лишь повод, чтобы произошел взрыв. И он не замедлил появиться.

15 августа рано по утру поп Дудко повёл свою кобылу поить на Волгу. Лошадка чем-то приглянулась ордынцам, и они стали её отнимать. Дудко завопил во всё горло: «о

мужи тферстии, не выдавай-
те» [ПСРЛ т.15,стб.43]. Груп-
па тверчан поспешила попу
на помощь. Завязалась дра-
ка, которая переросла во все-
общий бунт. Ударили во все
церковные колокола, стихий-
но возникло вече, «и бысть
въ нихъ замятня и кликнуша
Тферичи и начаша избивати
Татарь» [там же]. Ордынцев
убивали повсюду, те попы-
тались организовать оборо-
ну, но всё тщетно. Щелкан с
горсткой людей укрылся на
князем дворе. Тверчане об-
ложили его и подожгли со

Щелкановщина. Миниатюра из
Лицевого летописного свода. XVI век

всех сторон. В живых никто не остался: «всехъ ихъ изсеко-
ша, а иныхъ изстопиша, а иныхъ въ костры дровъ складше,
сожгоша» [ПСРЛ.т.10, с.194]. Бунт народный был страшен.
Лишь только несколько ордынцев, пасущих лошадей на той
стороне Волги, смогли уцелеть, бежали через Москву в Орду
и принесли Узбеку страшную весть.

Узбек был в гневе и «разгореся яростию велию зело, и
во мнозе скорби и печали бысть о братаниче своемъ Щелка-
не, и рыкаше аки левъ на Тверскихъ князей, хотя всехъ по-
требити, и прочее всю землю Русскую пленити» [там же].
Он срочно посылает в Москву за князем Иваном Данилови-
чем. Ранней осенью московский князь был уже в Орде. За
это время Узбек успел казнить рязанского князя Василия

Въ лѣто 6835 (1327 год)

[НПЛ,с.323]. В чём его прегрешения – не ясно, впрочем, всё это звенья одной цепи.

Страшная опасность нависла над всеми северо-восточными княжествами. Нового ордынского похода «хуже Батыева» Русь уже бы не вынесла, и, как знать, смогла бы родиться Россия, случись этот поход. Вот почему так спешно в Орду отправляется Иван Данилович. Он уговаривает Узбека не совершать тотального похода на Русь, а разрешить ему самому наказать строптивное тверское княжество. В это время в Орду прибыл и суздальский князь Александр Васильевич. Именно этим князьям поручил карательный поход хан Узбек, «а съ нимъ царя Азбяка рать Татарская и многие воеводы: Феодорчюкъ, Туралыкъ, Сюга, и прочии князи Ординстии, 5 темников великихъ» [ПСРЛ.т.10,с.194]. Мы не знаем количественный состав этой армии. Указание на присутствие пяти темников заставляет предполагать численный состав свыше 50 тысяч человек. Да дело, наверное, не в количественном составе карательного отряда. «Федорчукова рать» стоит в истории в одном ряду с «Неврюевой ратью», «Дюденовой ратью» по своим масштабам разорения и бед, принесенных русскому народу. Интересно отметить, что Федорчук, по имени которого названа рать, имя далеко не татарское. Кто он? Крещёный ордынец или один из русских, служивших у хана, как это повелось ещё с XIII века. Теперь это уже не столь важно. Важно, что действия его стали нарицательными, и при участии Федорчука была написана одна из самых мрачных и трагичных страниц русской истории.

Страшному разорению подверглась тверская земля, «и взяша градъ Тверь, и Кашинъ, и прочиа грады Тверския, и власти и села пожгоша, а люди въ полонъ поведоша,

и Тръжекъ и власти пусто сотвориша» [ПСРЛ.т.10, с.194]. Князь Александр со своей семьёй бросил тверчан на произвол судьбы и бежал сначала в Новгород, но новгородцы «не прияша его» [НПЛ, с. 341]. Лишь только во Пскове приняли беглого князя, где он прожил затем целых 10 лет. В планах ордынцев были, очевидно, захват и ограбление Новгорода. Но Новгород, как обычно, откупился. Новгородцы посылают в Торжок большое посольство «со многою честию и со многими дары». С города был взят большой выкуп 2000 рублей серебра новгородского [НПЛ, с. 341], по Никоновской летописи – 5000 рублей новгородских [ПСРЛ.т.10, с. 194]. «И бысть тогда земли великая тягость и много томление... кровь христианская проливаема бывшее отъ поганыхъ Татаръ, овыхъ в полонъ поведоша, а другие мечи изсекоша, а иныя стрелами истреляше и всяким оружиемъ погубиша и смерти предаша» [Приселков, 1950, с. 358-359], что ещё можно добавить к плачу летописца? XIV век – жестокий век. Стоит только добавить, что тверская земля была разорена в том числе и своими же, православными: москвичами, суздальцами.

Выиграл ли от этого события московский князь Иван Данилович? Несомненно, да. «Господь, своею милостию заступилъ благоверного князя великаго Ивана Даниловича и его градъ Москву и всю его отчину отъ иноплеменникъ поганыхъ татаръ» [ПСРЛ.т.15, стб. 44]. Вот ведь как! Господь защитил Москву, спас Новгород, а чем же так прогневала его тверская земля. Московский князь, используя ордынскую силу, ликвидировал одного из главных своих противников – тверское княжество. Сразу же он посылает в Новгород своих наместников закрепить в этом богатом городе, а сам вновь

Въ лѣто 6836 (1328 год)

спешит в Орду добиваться для себя Великого княжения.

В Тверь на пепелище возвращаются князья Константи и Василий Михайловичи со своей матерью Анной «и з бояры» и «седоша во Твери въ велицей нищете и убожестве ... и начаша помалу збирати люди» [ПСРЛ. т.10,с.195]. Жизнь продолжается.

Невольно возникает вопрос, а поддержали ли другие земли антиордынское восстание в Твери, возникло ли у них желание сбросить ордынскую власть, имелись ли для этого силы? И приходится с грустью отвечать, что, скорее всего, – нет. В источниках нет и намека на то, что восстание в Твери послужило примером для других княжеств и в них вспыхнули волнения. Разве что казнь в Орде рязанского князя можно, да и то очень предположительно, отнести к антиордынским волнениям в Рязани. Да и само тверское восстание вряд ли носило антиордынский характер и имело стремление сбросить ордынское иго. Был конкретный ответ на бесчинства Щелкана и его людей, а о более высоких задачах и думать тогда не приходилось. Тотальный страх перед силой Орды сковывал все русские земли.

Въ лѣто 6836 (1328 год)

После тверских события, Узбек вызывает к себе всех князей северо – восточных земель Руси, чтобы вновь подтвердить их ярлыки на княжение. Летописи выделяют лишь основных действующих лиц: московского, суздальского, тверского князей, послов от Великого Новгорода. Главный вопрос был, кого сделать Великим князем Владимирским. И здесь Узбек поступает нетрафаретно. Он делит Владимирское княжество между Иваном Даниловичем и суздальским кня-

зем Александром Васильевичем, награждая тем самым каждого за их верное служение. Александру достался Владимир, нижегородские земли, а Иван получил Кострому и Новгород [Кучкин, 1984,с.140]. Титул Великого князя Владимирского все же достается Ивану Даниловичу [ПСРЛ. т.18,с.90]. И вроде наградил Узбек своих подручных за военные действия против Твери, и в то же время раздробил Владимирское княжество, опасаясь возвышения того или иного князя. Полное доверие хана еще надо было заслужить. В Орде присутствовал и князь Константин Михайлович, которому Узбек поручил разрушенное тверское княжество. Кому-то же надо восстанавливать жизнь, платить налоги. Особо надо отметить делегацию от Новгорода, возглавляемую Федором Коленицей. Узбек «пожалова по ихъ челобитью» [ПСРЛ т.10,с.195], но «повелевъ искати князя Александра» [НПЛ,с.341]. Такое же задание Узбек дал московскому и тверскому князьям.

Итак, московский князь Иван Данилович становится Великим князем Владимирским, и летопись как итог этого действия отмечает: «и бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на 40 летъ, и престаша Татарове воевати Русскую землю» [ПСРЛ т.10,с.196]. Фраза необычайно знако-

Иван Калита. Миниатюра из Царского титулярника

Въ лѣто 6836 (1328 год)

вая, но к ней я предлагаю вернуться позднее, чтобы через призму лет понять, что же это за тишина великая спустилась на русскую землю.

Еще одно знаковое событие происходит в этом году. Патриарх константинопольский Исаяя поставил митрополитом всея Руси грека Феогноста. Мы помним, что после кончины митрополита Петра московский князь Иван Данилович отправляет в Константинополь своего кандидата на митрополичий престол архимандрита Феодора. Но Исаяя поступил по - своему. Мы не знаем ни о том, по какой причине он отверг кандидатуру Феодора, ни о дальнейшей его судьбе, но патриарх назначает на Русь своего человека.

О Феогносте, до избрания его митрополитом, практически ничего не известно. Став главой русской церкви, Феогност поспешил на Русь. Немного задержавшись на Галицко-Волынской земле, Феогност поставил там двух новых епископов, а затем прибыл в стольный Владимир. Отслужив службу в кафедральном Успенском соборе, он, не размышляя, отправился в Москву. Иван Данилович не захотел повторять ошибок тверского князя Михаила Ярославича, отвергнувшего митрополита Петра. Он воспринял провал архимандрита Феодора как реальность и с честью встретил назначенного митрополита. Теплый прием Великим князем Владимирским послужил для Феогноста основанием для переезда в Москву на постоянное жительство и переноса сюда митрополичьего двора. Отныне и светская, и духовная власть сосредоточены были в Москве, и это имело громадное политическое значение. С этого момента судьба русской церкви и московского княжества были неразделимы, что и стало одной из причин возвышения Москвы.

Въ лѣто 6837 (1329 год)

Въ лѣто 6837 (1329 год)

В начале года из Орды возвращается тверской князь Константин Михайлович с ханским пожалованием и «нача княжити тогда тихомирно» [ПСРЛ, т.15, стб. 45]. А как еще он мог начать свое княжение? Тверская земля разорена и разрушена, город Тверь сгорел, люди, оставшиеся в живых, разбежались. На пепелище возвратился князь. И нужно еще было во всем

Святители Фотий, Феогност и Киприан, Митрополиты Московские. Икона XIX века

слушаться Орду, московского князя. Тем более события надвигались с непреодолимой быстротой.

Узбек послал своих послов ко всем русским князьям с приказом пленить князя Александра Михайловича и привести его в Орду. Иван Данилович созывает всех подвластных ему князей с их отрядами «подъаша всю землю Русскую» [ПСРЛ т.10,с.201] для похода на Псков. В числе привлеченных к карательной экспедиции летописи называют и тверских князей. Конечно, их привлекли не только за их военные отряды. Скорее, это был жест дополнительного усмирения, покорности и в то же время унижения. Ведь ловить собственного брата- это значит нарушить христианскую заповедь о любви к ближнему. Но и на это вынуждены были со-

Въ лѣто 6837 (1329 год)

гласиться Константин и Василий Михайловичи.

Военные силы Ивана Даниловича и его союзников подошли к Новгороду. Предварительно в этот город было отправлено церковное посольство во главе с самим митрополитом. Для Феогноста это было по- существу первое участие в политических событиях Руси. Из Новгорода Иван Данилович посылает в Псков своих послов во главе с Лукой Протасьевым, а новгородцы своих во главе с владыкой Моисеем и тысяцким Авраамом «к беглому князю понужающе его поити во Орду» [ПСРЛ т.10,с.202]. Александр Михайлович вроде бы уже и внял их уговорам, по тут вмешались псковичи, «крепко яшася по немъ» [ПСРЛ т.10,с.202]. Что стало причиной такой рьяной привязанности псковичей к Александру сказать трудно. Их даже не смущает возможный поход на них низовских ратей, гнев Узбека. Очевидно, только надежда на более сильного покровителя, литовского князя Гедемина да на союз с немцами. Это видно из дальнейших действий.

Увещевания не подействовали ни на князя Александра, ни на псковичей. И тогда объединенные войска, включая новгородцев, двинулись походом на Псков. Войска расположились недалеко от города на Опоках. Воевать со Псковом, штурмовать хорошо укрепленный город у нападающих особого желания не было. К тому же недалеко находилось немецкое войско «близъ же суть ихъ и Немци, и се имъ помощь есть» [ПСРЛ т.10,с.202], а воевать на два фронта было опасно. И тогда московский князь прибегает к очень радикальному методу: «Начаша увещевати и мълвити пресвященнаго митрополита Феогнаста, дабы отлучениемъ и запрещениемъ связаль его (Александра – В.Е.) и послал в Орду» [там же]. Московский князь начал уговаривать митрополита

к самому сильному радикальному действию – угрозой отлучения от церкви Александра и псковичей заставить беглого князя подчиниться требованию Узбека. Очевидно, Феогносту не просто далось это решение, иначе бы не пришлось его «увещевати и мълвити». Ведь начинать свою пастырскую деятельность с проклятия князя и города не каждый бы решился на такой шаг. Феогност решился. Этим самым он сделал первую уступку великокняжеской власти, и Иван Данилович очень высоко оценил этот поступок. Отлучение от церкви князя и жителей города подействовало сильнее, чем военная рать. Псковичи вынуждены были отпустить Александра, правда, новгородская летопись ехидно отмечает, «выпроводиши от себя» [НПЛ, с.342]. Но Александр Михайлович не пошел в Орду, а бежал в Литву под покровительство Гедемина. Псковичи же обратились к Ивану Даниловичу с челобитной о мире. Московский князь сразу же согласился, ведь его врага и врага Узбека нет больше в городе. А нет человека – нет проблемы. Митрополит снимает с псковичей церковное отлучение. Все были довольны таким исходом дела, все, за исключением Узбека.

Великий князь Владимирский Иван Данилович и митрополит Феогност возвращаются в Москву, «а прочии князи вси кождо иде въ свое княжение» [ПСРЛ. Т. 10, с.202]. Уже из Москвы Иван отправляет гонцов в Орду, чтобы доложить о том, что Александр Михайлович не подчинился его требованиям и бежал в Литву. Такое известие вряд ли удовлетворило Узбека, но пока решительных действий он не предпринимает.

Митрополит и московский князь после новгородско-псковских событий становятся политическими союзниками

Въ лѣто 6838 (1330 год)

и, возможно, с этого времени их связывает крепкая дружба и взаимопонимание. Избрав Москву местом своего пребывания, Феогност подталкивает Ивана Даниловича на продолжение храмового строительства, ведь вид деревянной Москвы 30-х годов XIV века мало соответствовал критериям стольного города. Это входило и в планы самого московского князя: возвеличить свой город, сделать его центром русских княжеств. К тому же теперь в Москве находилась и великокняжеская, и митрополичья казна, что давало большие финансовые возможности для каменного строительства. Помимо новопостроенной Успенской церкви, где был захоронен митрополит Петр, в срочном порядке осуществляется строительство еще двух каменных храмов: церкви Иоанна Лествичника (покровителя московского князя) и церкви апостола Петра (в честь усопшего митрополита). Все это, конечно, тешило самолюбие и князя, и митрополита. Впрочем, Феогносту предстояло предпринять долгую поездку в земли Юго-Западной Руси. Сложившаяся там церковно-политическая ситуация требовала немедленного участия самого митрополита.

Въ лѣто 6838 (1330 год)

Неясные и противоречивые известия приходят из Орды. Умирает сын Узбека Темир: «иже уби загорского царя»... «Убиенъ бысть великий князь Ординский Асан отъ жены своя» [ПСРЛ. т. 10, с. 203]. Здесь же сообщается об убийстве в Орде стародубского князя Федора Ивановича. Причины и обстоятельства смерти не раскрываются, смею предположить, что они оказались связанным и с донесением о князе Александре Михайловиче, и с последующим за

этим гневом Узбека.

Митрополит Феогност прибыл в Киев, а оттуда сразу же отправился во Владимир Волынский. Уже на киевской земле к митрополиту явились гонцы от московского князя. Иван Данилович просил благословения на постройку ещё одного храма «во имя святаго Спаса честнаго Его Преображения, близъ сущоу своего двора» [ПСРЛ. т. 15, стб.45]. Разрешение, конечно же, было получено, и 10 мая состоялась закладка самого храма [там же]. По замыслу Ивана Даниловича здесь должен был возникнуть монастырь и в него предполагалось перенести архимандритию из Даниловского монастыря в Заречье, основанного ещё отцом Ивана, Даниилом. Это также стало одним из звеньев преображения Москвы.

Из Киева митрополит отправляет гонцов в Новгород, чтобы к нему явилось новгородское посольство для поставления нового архиепископа новгородского. Старый архиепископ Моисей «пострижеса въ скиму... по своей воли» [НПЛ, с. 342] и оставил епископию. Новгородцы выбрали главой своей церкви попа Григория козьмодемьяновской церкви, который был пострижен в монахи и получил имя Василий, будущий знаменитый архиепископ Василий Калика. А пока новгородцы «посадиша и въ владычне дворе, дондеже пошлют к митрополиту» [НПЛ, с.343]. Василий, не дожидаясь своего официального назначения, развил в Новгороде бурную деятельность: «заложил владыка Василий город камень» [НПЛ, с.343]. Но в этот момент прибыли послы от митрополита, и новгородцы стали собираться в дорогу.

Въ лѣто 6839 (1331 год)

Год, во многом знаковый для Москвы, для Ива-

Въ лѣто 6839 (1331 год)

на Даниловича. Умирает суздальский князь Александр Михайлович, в течение двух с половиной лет владевший половиной Владимирского княжества (Кучкин 1984, с.141), и Иван Данилович в спешном порядке собирается в Орду. Ценой дорогих подарков, щедрых обещаний ему удается вернуть ту часть владимирских земель, что ранее принадлежали суздальскому князю. Это была существенная уступка со стороны Узбека, оценившего полную лояльность к нему московского князя. Но эта была и определенная победа самого Ивана Даниловича, это был его маленький триумф. Правда, перед этим, в начале года, князю пришлось пережить и горечь утрат, и шоковое состояние. Сначала 1 марта умирает его жена Елена, и похоронена была в только что построенном храме Спаса. 3 мая страшный пожар случился в Москве, «и погоре городъ кремникъ» [ПСРЛ. т. 15, стб.46]. Вот так: успехи идут рядом с поражениями, радости - с печальями.

И все же основные события этого года разворачиваются в Юго-Западной Руси, где в это время находятся с пастьрской миссией митрополит Феогност. Ситуация в этом регионе была накалена до предела. Литовский князь Гедемин к этому времени подчинил себе большую часть территории Юго-Западной Руси. Его держава разрасталась чуть ли не ежегодно и 30-м годом XIV века состояла на 70-80% из славянских земель. Гедемину важно было укрепиться во вновь завоеванных землях. Важно было не только сменить администрацию, установить систему налогового сбора, но и приучить местное население к литовской власти. Большинство из покоренных земель говорило на старославянском языке, большинство из населения исповедовало православие. У Гедемина отношение к религии было неоднозначным.

По существу оставаясь язычником, исповедуя веру отцов и дедов, Гедемин христианскую веру использовал как инструмент усиления административной власти. Ещё в 1323-1324 годах им было отправлено не менее шести писем римскому Папе Иоанну XXII, в которых было выражено желание принять христианскую веру. Однако это было не слепое подражание или страх слабого перед народами, носителями католичества. В письмах Гедемин осуждает вероломство захватчиков, указывая, что ими движет не забота о распространении христианской веры, а алчность, жестокость, жажда наживы. Вместе с этим Гедемин выступает за широкий контакт с христианскими народами, приглашая не только священников, но и ремесленников, купцов, пекарей, обещая им безопасность, освобождение от налогов: «те земледельцы, что захотят прийти, пусть без налога в течении десяти лет возделывают нашу землю» [Послания Гедемина, 1966 с.123]. Приняв католическую веру, Гедемин стал именоваться «королем литовцев и русских». Католичество внедрялось слабо, ведь большинство жителей этого «королевства» были либо язычниками, либо православными. Ни те, ни другие не собирались менять свою веру. Тем более, что иерархически все церковные люди подчинялись митрополиту всея Руси с центром во Владимире, а теперь в Москве. Гедемин не стремился менять православную веру покоренных народов на католическую. Он стремился приспособить её для укрепления собственной власти. А для этого в первую очередь необходимо было отделить её от московской митрополии и открыть свою, независимую, подчиняющуюся только константинопольской патриархии и непосредственно Гедемину. С этой целью им было направлено посольство к константи-

Въ лѣто 6839 (1331 год)

нопольскому патриарху с просьбой о восстановлении особой галицкой митрополии. И эта просьба где-то на рубеже 1330-1331 годов была удовлетворена [Голубинский 1997, с. 153]. Вот это событие и заставило митрополита Феогноста с головой окунуться в события завоеванных Гедимином земель.

Мы не знаем, какие действия предпринял митрополит Феогност, чтобы противодействовать существованию, отпочковавшейся митрополии. Вероятно, его доводы к Константинополю были очень убедительны, что способствовало немедленной ликвидации только что открытой галицкой митрополии. Но ситуация по-прежнему оставалась острой, что и заставило митрополита Феогноста пробыть в волынской Руси достаточно долго, вплоть до весны 1332 года [Голубинский, 1997, с. 153-154].

Церковная администрация вслед за Феогностом на время переместилась в Юго-Западную Русь. Но необходимо было решать церковные дела и других земель, и во Владимир Волынский стали прибывать одно посольство за другим. Новгородцы отправили большое посольство для утверждения новгородским архиепископом Василия. Возглавляли посольство новгородский посадник Козьма Твердиславич и сын тысяцкого Ефрем Остафьев. Новгородские летописи умалчивают о всех злоключениях этого посольства. В Никоновской летописи имеется пространное известие о том, что, проезжая через литовские земли, новгородское посольство по приказу князя Гедимины было арестовано. Находясь в заключении, новгородцы вынуждены были дать слово о передаче прав сыну Гедимины Нариманту на новгородские земли, «на пригороды на Новгородцкия Ладогу и Ореховъ горо-

докъ, и Корелскую землю и половину Копориа ему и детемъ его въ вотчину и въ дедину» [ПСРЛ. т. 10, с.204], и только после этого посольство было отпущено. Вот так Гедемин протягивал свои руки и к Новгороду.

Новгородское посольство прибыло в Киев в конце лета, и 25 августа 1331 года Василий в торжественной обстановке был поставлен Феогностом в архиепископы. Важно отметить, что на этом торжестве присутствовали все иерархи Юго-Западной Руси: Афанасий – епископ Владимира Волынского, Григорий Полоцкий, Федор Галичский, Марк Перемышльский, Иван Холмский, что явно свидетельствовало о достигнутой победе митрополита Феогноста.

Сюда же прибыло церковное посольство из Пскова. В этом городе позиции Гедемина значительно окрепли, после того как он поддержал изгнанного Александра Михайловича и утвердил того своим наместником. Псковичи от имени Гедемина и Александра просили отделить их от Новгорода и открыть собственную епископию. С этой целью они прислали и кандидата на епископский титул монаха Арсения. В сложившейся ситуации Феогност предотвратил факт ещё одного церковно-административного раскола: «и отъиде инокъ Арсеней со Псковичи от Феогноста митрополита изъ Володимеря Волынскаго посрамлень» [ПСРЛ. т. 10, с.203]. Новгородский архиепископ Василий сохранил свою власть и над псковской землей.

Новгородскому посольству предстояло длительное и тяжелое возвращение на родину. С одной стороны, они добились важной победы, утвердив Василия на архиепископство и отстояв свои церковные права на Псков, с другой стороны, они были обременены обязательствами, данными

Въ лѣто 6839 (1331 год)

Гедемину. Очевидно, новгородцы не очень-то хотели выполнять свои обещания, данные в плену и под угрозой. Поэтому посольство думало тайком пробраться в Новгород, «бояся Литвы... уходомъ бежаще» [ПСРЛ. т. 10, с.205]. До Феогноста дошло известие, что новгородское посольство вновь хотят захватить литовцы, и он вдогонку отправляет к Василию гонца с предупреждением, что за ними гонится киевский князь Федор. Новгородцы пытались оторваться от погони, но под Черниговом их нагнал «князь Федоръ Киевский з баскакомъ Татарскимъ въ мале дружине» [ПСРЛ. т. 10, с.205]. Противники приготовились к бою, но вместо него князь Федор взял от новгородцев выкуп и в залог захватил протодьякона Радслава. Придя в Киев, Федор отправил его к Феогносту, и летопись говорит о разгневанности митрополита: «и тако князь срамоту приать отъ Феогнаста митрополита, а отъ Бога казнь: помроша бо вси кони его, и тако шествова пешь» [ПСРЛ. т. 10, с.205]. В летописи много недоговоренного, например, почему литовский наместник Федор бросился за новгородцами. Может быть, они отказались от своих обещаний, и тогда киевский князь вновь заставил их подтвердить свои обязательства? Обращает на себя внимание и участие в погоне ордынского баскака. Значит, несмотря на захват Киева Литвой, Орда по-прежнему распространяла свою власть на эту территорию и требовала свою долю дани. Все это остается додумывать.

Новгородцы через Брянск добрались до Торжка. Жители Новгорода уже не надеялись на возвращение посольства и оплакивали его участников. Какова же была радостная весть об их возвращении: «бо мало правыхъ вестей къ нимъ, но ложныя речи бываху имъ сице: архиепископа поимали, а

посадниковъ избили» [ПСРЛ. т.10, с.205].

Въ лѣто 6840 (1332 год)

Расплачиваться с Ордой за Великое княжение Владимирское, целиком доставшееся Ивану Даниловичу после смерти суздальского князя Александра Васильевича, московский князь в очередной раз решил за счёт Новгорода. Он потребовал от города выплаты «закамского серебра». Это вызвало страшный гнев со стороны новгородцев: «Въсташа крамолнице в Новегороде, и отгяша посадничьство у Федора у Ахмыла и даша Захарьи Михаиловичю, и пограбиша дворъ Смена Судокова, а брата его Сенифонта села пограбиша» [НПЛ, с. 344]. В ответ Иван Данилович захватывает Торжок и Бежецкий Верх, силой заставляет новгородцев уплатить дань и сменить посадника, «отгяша посадничьство у Захарьи и даша Матфею Коске» [НПЛ, С. 345]. Но то ли новгородцы не торопились с выдачей «закамского серебра», то ли Иван Калита не успел отправить дань в Орду, только зимой 1332 года в Москву прибывает ордынский посол Саранчук. Он привёз московскому князю приказ срочно явиться в Орду.

Въ лѣто 6841 (1333 год)

В начале года из Орды возвращается московский князь. Летописи часто упоминают про процесс возвращения: «с честью великой». На этот раз о «чести» ничего не сказано. Видно, далеко не радужный приём организовал хан московскому князю. Узбек требовал дани, много дани, и москвичи с этим не справлялись. Иван Данилович вынужден был терпеть унижения, ханский гнев и давать скоропалительные

Въ лето 6841 (1333 год)

обещания скорейшего исправления. Деньги можно было взять только в Новгороде. И, едва придя в Москву, Иван Данилович собирает войско «со всеми князи низовьскими» [НПЛ, с.345] и идёт в Торжок. Оттуда он посылает гневное послание новгородцам, требуя ордынской дани. Начинаются долгие переговоры, новгородцы посылают своих послов во главе с архимандритом Лаврентием, но Иван «молбы не приялъ, а ихъ не послушалъ, а миру не далъ» [НПЛ, с. 345]. Сил идти войной на Новгород, у московского князя было, очевидно, недостаточно. Разорив окрестности Торжка, он в ярости возвратился в Москву.

Ситуация для Новгорода и Москвы оставалась необычайно сложной. Новгородцы посылают к Ивану Даниловичу новое посольство, теперь уже с самим владыкой Василием. В Переяславле-Залесском вновь состоялись переговоры между новгородцами и Великим князем. Архиепископ Василий предлагал московскому князю 500 рублей, «чтобы миръ взять» [там же], но он не послушал, требуя большего. Странными и нелогичными с позиции времени видятся действия Великого князя Владимирского. Ясно, что Новгород есть основной источник дани, потребности в которой у Орды всё растут. Захватить его силой оружия Иван не спешит, а может, не решается, боясь поражения. Воздействия ордынской администрации на несговорчивый Новгород тоже не чувствуется, ведь есть Великий князь, поставленный Ордой, на нём вся ответственность. А может, чрезмерная жадность обуяла московского князя? Новгородцы ведь не отказывались платить, но давать сверх того, что положено, было уже выше их сил и желания.

Архиепископ Василий вошёл в новгородскую историю

как человек опытный, хитрый, наделённый неиссякаемой энергией во благо своего города. Новгородская летопись этих лет часто упоминает о развернувшейся хозяйственной, административной деятельности Василия: «того же лета владыка Василии святую Софью сторону свинцом поби, и крестъ обнови на святой Софии великыи и сволокы сня сторону; и град каменны постави, поспешениемъ божымъ въ два лета» [НПЛ, с. 345]. Обратим внимание на последние слова процитированной летописи. Не достигнув успехов на переговорах с московским князем, начал готовиться к войне. А для этого прежде всего необходимо укрепить город. Вот почему с «поспешениемъ» начинает строить каменный кремль; в первую очередь, как защиту от Москвы.

Следом архиепископ новгородский меняет и политический курс своей земли. После возвращения от Ивана Даниловича владыка наносит визит в Псков. Вот это событие знаковое! В Пскове княжит бывший тверской князь Александр Михайлович. Несмотря на ханскую опалу, на церковное проклятие псковичам, возложенное митрополитом Феогностом на город, он продолжает спокойно княжить в Пскове, и жители им довольны. Что же за сила его поддерживает? Ответ однозначный – Гедемин. Литовский князь проводит мудрую политику по распространению собственной власти на соседние территории. Он поддержал Александра, вынужденного бежать из Пскова, но как только угроза миновала, вновь возвратил его в город. Псковичей покровительство Гедемина не только не удручало, но оно было выгоднее, чем оказаться под властью Москвы. Псков таким образом и продолжал оставаться суверенным, и в то же время имел надежного защитника и покровителя. Церковный разлад с Новгородом,

Въ льто 6841 (1333 год)

неудачная попытка создать собственную епископию и обрести церковную независимость вдруг разрешились сами собой. Приезд архиепископа Василия многое менял. Псковичи «прияша его... с великою честью, понеже не бывал бяше владыка въ Плескове 7 лет» [НПЛ, с. 345]. Летопись не говорит, о чём договорились псковичи с Владыкою, она отмечает лишь кульминацию визита архиепископа: крещение им сына Александра Михайловича Михаила [НПЛ, с. 345]. Но последующие события явно свидетельствуют о сближении курса Новгорода и Пскова.

Боясь московской угрозы, новгородцы обращаются за помощью к литовскому князю Гедемину. Они подтверждают выполнение своих обязательств, данных при поездке владыки к митрополиту Феогносту во Владимир Волынский, и приглашают сына Гедемина Наримонта прибыть в Новгород. В октябре этого года он приезжает в Новгород, и новгород-

Печать Гедемина

цы «прияша его съ честью, и целова крестъ к великому Новуграду за единъ человекъ; и даша ему Ладогу, и Ореховыи, и Корельскыи и Корельскую землю и половину Копорьи въ отчину и в дедену и его детемъ» [НПЛ, с. 346]. Это был явно анти-московский шаг. Новгород меняет своего покровителя.

А что же Москва? Летописи молчат о каких-то активных действиях со стороны Ивана Даниловича. Возможно, он выжидает.

Ещё одно очень важное событие этого года – возвращение в Москву митрополита Феогноста. Около трёх лет не было главы русской православной церкви в Москве. Помимо пребывания в Галицко-Волынской земле митрополит совершил поездку в Константинополь, а по возвращении побывал в Орде у хана Узбека. Мы не знаем обстоятельств посещения ханской ставки, но чувствуется, что Феогност крепко держал пульс событий на Руси и не преминул воспользоваться возможностью заручиться поддержкой хана в решении возникающих проблем.

В Москве митрополита очень ждали. К его приезду был возведён новый храм архангела Михаила, который был им освящён 20 сентября [ПСРЛ. т. 15, стб. 47]. Осень – время славянских свадеб. Дождавшись митрополита, Иван Данилович женит своего старшего сына Семёна. Необычен, а я думаю, что и не случаен, выбор невесты. Это дочь литовского князя Гедемина Августа. С точки зрения Гедемина, вроде бы всё ясно. Он любыми способами пытается так или иначе установить контроль над соседними землями. Ему пока нужен мир с московским князем, поэтому и оформляется брачно-дипломатический союз двух правителей. Сложнее читаются планы московского князя. Заключение подобного союза может привести к потере влияния на Новгород, также заключившего договор с Гедемином. Это явно не входило в планы Ивана. И тем не менее свадьба состоялась. Сначала митрополит Феогност крестил невесту, «и наречена бысть въ святомъ крещении Настасиа. И бысть бракъ на Москве великъ» [ПСРЛ. т. 15, стб.47]. Интересно бы знать, был ли на свадебном пиру сам Гедемин, пили ли они с Иваном заздравную чашу в честь молодых – летописи об этом молчат.

Въ лѣто 6842 (1334 год)

Въ лѣто 6842 (1334 год)

Отгремели свадебные торжества. Гости разъехались по домам, и надо было снова приступить к решению наболевших проблем. Сразу же после свадьбы Иван Данилович в очередной раз отбыл в Орду, а уже в начале этого года возвратился в Москву, причём на этот раз «съ пожалованиемъ и съ честию» [ПСРЛ. т. 10, с. 206]. Какой чести был удостоен московский князь, сказать трудно; важно, что с этого времени он вновь начинает более активно воздействовать на Новгород. Во многом этому способствовала не только ханская воля и милость, но и активные действия Феогноста. Силой своей церковной власти, он активно воздействовал на новгородцев и его требования были, очевидно, страшнее и значимее для новгородцев, чем великокняжеские. Иначе как понять, что сразу два новгородских посольства поспешили в этом году в Москву. Сначала Новгород посылает послов во главе Варфаламеем Юрьевичем, и «прия их с любовью» [НПЛ, с. 346], «и взяша миръ постарине», - добавляет Никоновская летопись [ПСРЛ. т. 10, с. 207]. А затем уже архиепископ Василий лично возглавляет церковное посольство к митрополиту во Владимир «со многими дары и съ честию» [ПСРЛ. т. 10, с. 207]. Новгород искал компромисса, лавируя между Москвой и Литвой, выискивая себе более выгодного союза.

Орде, конечно, требовался союз Москвы и Новгорода. Узбек с осторожностью смотрел на усиливающееся литовское княжество и покорение Гедемином земель, принадлежащих ему, зависимых ранее от Орды. Он всячески пытался противодействовать этому процессу. Через Москву воздействовал на новгородцев, и как актом устрашения можно

считать сообщение Никоновской летописи о походе Дмитрия Брянского «ратью съ Татары» на Смоленск, «и бившееся много взяша миръ» [ПСРЛ. т. 10, с. 206]. Начинать войну с самим Гедемином хан Узбек в силу каких-то обстоятельств не хотел.

Ибн-Батутта

Его империя процветала. Благодаря мудрой внутренней политике, агрессивным военным действиям с хулагуидами и на Балканах, Узбек сумел восстановить могущество Золотой Орды, превратить её в крупнейшее государство Евразии.

В 1333-1334 годах Золотую Орду посетил Мухаммад ибн Абдуллах ибн Мухаммад ат Танджи, или более известный как Ибн Баттута (1304-1377 гг) – один из самых знаменитых путешественников, что знало человечество. Объехавший многие страны от Марокко до Индии и Китая, он оставил удивительнейшее описание своих путешествий: «Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» [Тизенгаузен, Т. 1, 1884, с. 278-295]. Попробуем и мы вместе с Ибн Баттутой совершить путешествие в Золотую Орду 30-х годов XIV века, дополняя его зарисовки сообщениями других авторов.

Из Синопа на корабле Ибн Баттута прибыл в город Кафу (ныне г.Феодосия в Крыму). Его поразила «чудная гавань: в ней (было) до 200 судов военных и грузовых, малых

Въ лѣто 6842 (1334 год)

и больших. Это одна из известных гаваней мира» [Тизенгаузен, 1884, с. 280]. Из Кафы путешественник на телеге отправился в Солхат - «город большой и красивый, из владений султана великого Мухаммеда Узбекхана» [там же]. По дороге Ибн Баттута поделился впечатлениями от местности, по которой проезжал. «Местность эта, в которой мы остановились, принадлежит к степи, известной под названием Дешт-Кипчака... Степь эта зелёная, цветущая, (но) нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъёма. Нет на ней и дров, а жгут они (жители её) только (сухой) помет, который называется тезек (кизьяк). Видишь, как (даже) старейшины их подбирают его и кладут в полы одежды своей. Ездят по этой степи не иначе, как на телегах, а разстилается она на шесть месяцев пути; из них три (едешь) по землям султана Мухаммеда, а три по другим владениям» [Тизенгаузен, 1884, с.279]. Ибн Баттута отмечает, что территорией Крыма, входящей в состав земель, подчинённых Узбеку, руководит Тулуктумур, назначенный ханом.

В сочинениях арабского писателя XIV века Эль-Омари даётся характеристика государственного строя при Узбеке. Он отмечал, что «правители этого султана – четыре улусных эмира, из которых старший (называется) беклерибек, т.е. старшим эмиром... Всякое важное дело решается не иначе, как этими четырьмя эмирами» [Тизенгаузен, 1884, с. 439]. Другой арабский писатель Эль Калкашанди пишет о «правителях областей в этом государстве», называя «правителя Крыма» и «правителя Азака» [Тизенгаузен, 1884, с. 348-349]. Из этих сообщений становится понятным, что вся территория Золотой Орды была разделена на улусы, возглавляемые эмирами, которых назначает хан Узбек. Ибн Баттута сравни-

вает Узбека с правителями, с которыми он был знаком, и отмечает: «этот султан (обладатель) огромного царства, силен могуществом, велик саном, высок достоинством, сокрушитель врагов Аллаха, жителей Константинополя Великого, и (усердный) борец за веру в войне с ними. Владения его обширны и города велики. В числе их: Кафа, Крым, Маджар, Азов, Судак, Хорезм и столица его (султана), Сарай. Он один из тех семи царей, которые величайшие и могущественнейшие цари мира» [Тизенгаузен, 1884, с. 290]. Из сочинения Ибнфадлаллаха Эломари мы получаем ещё одну, более пространную справку о границах империи Узбека: «границы этого государства со стороны Джейхуна: Хорезм, Саганак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, области Сибирь и Ибирь, Башкырды, и Чулыман, потом за Чулыманом границы владений Сибири и Ибири прикасаются пределов земель Хатайских... От Железных Ворот, которые означают город Баку, до пределов Хатайских земель, со стороны Сибири и Ибири, караван бывает в пути 5 месяцев. Это длина этого государства, а (пространство) от реки Джейхуна до реки Дуная – ширина этого государства. Из больших рек в этом государстве известны Сейхун, Джейхун, Дунай, Итиль, Яик, Дон и Торлу (Днестр). От Сейхуна до Дуная 4 месяца пути; между Сейхуном и Джейхуном 15 дней. От Джейхуна до Яика 15 дней и от Яика до Итиля 10 дней. От Итиля до Дона 1 месяц, а от Дона до Торлу 10 дней» [Тизенгаузен, 1884, с. 236-237].

Нетрудно догадаться, что единицей измерения территории является расстояние, способное пройти за один день купеческий караван (20-30 км). Именно караванные пути, возрожденный при монголах «Великий шёлковый путь» свя-

Въ лѣто 6842 (1334 год)

зывал воедино экономики Востока и Европы, давал потрясающие возможности процветания Золотой Орды. Города, описанные Эломари, процветали как центры мировой торговли, как центры ремесла, в них сложилась удивительная городская культура. На всём протяжении караванных путей устраивались специальные станции, или Ямы. В них путники могли отдохнуть, сменить выючных животных, отремонтировать повозки, словом, найти все необходимое для безопасной дороги. Арабский историк Ибн-Арабшах отмечал, что при Узбеке торговые караваны проходили путь между Хорезмом и Крымом за три месяца, при этом совершенно не беспокоясь ни о фураже для лошадей, ни о продовольствии для людей, ни о военном сопровождении, т.к. весь путь был абсолютно безопасен [Тизенгаузен, 1884, с. 460]. «Проехав от города Крыма 18 станций, мы прибыли к обширной реке», - отмечает Ибн Баттута [Тизенгаузен, 1884, с. 284]. Его путь лежал в город Маджар, «город большой, (один) из лучших тюркских городов, на большой реке (Кубани – В.Е.), с садами и обильными плодами» [Тизенгаузен, 1884, с. 287]. На местном базаре Ибн Баттута -встретил еврея, который заговорил с ним по арабски. Оказалось, что он прибыл из испанской Андалузии, причём не морем, а сушей, пробыв в дороге 4 месяца.

Из города Маджар Ибн Баттута вознамеревался попасть в ставку хана, кочевавшую в районе современного Пятигорска. Там его поразил источник горячей воды, «в котором турки купаются. Они полагают, что кто выкупается в нём, того не достигнет кручина болезни» [Тизенгаузен, 1884, с. 289]. Вот, оказывается, откуда происходит слава пятигорских источников! Ибн Баттута поразила ставка хана:

«Подошла ставка, которую они называют Урду (Орда) и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нём мечети и базары да дым от кухонь, взвивающийся по воздуху: они варят (пищу) во время самой езды и лошади везут арбы. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, т.к. они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки. Мимо нас проехали жёны султана, каждая из них со своими людьми отдельно... Подъехал султан и расположился в своей ставке отдельно» [Тизенгаузен, 1884, с. 289].

Хан Узбек поддерживал традиционный сценарий жизнедеятельности ханского двора. Зимнюю часть времени проводил в городах, прежде всего в отстроенной в 1332 году новой столице Сарай ал-Джедид (Новый Сарай), а с весны до поздней осени кочевал в привольных степях Северного Кавказа. Можно сравнить впечатления, оставленные арабским путешественником и русскими людьми, в силу разных обстоятельств оказывающихся в ханской ставке, хотя бы, например, в «Житие Михаила Тверского», на которое мы уже обращали внимание читателя, и странствования его героя вместе со ставкой хана.

С восхищением Ибн Баттута описывает посещение самого хана. Такого подробного описания жизни ханского двора мы не встречаем ни в одном источнике. Путешественник отмечает особенности различных ритуалов. Так, он подробно описывает заведённый обычай приёма у хана после пятничной молитвы. Действие происходит в шатре: «называемый золотым шатром, разукрашенный и диковный. Он (состоит) из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листьями. По середине его деревянный престол, обложенный се-

Въ лѣто 6842 (1334 год)

ребрянными позолоченными листками; ножки его из чистого серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями. Султан садится на этот престол; с правой его стороны хатунь Тайтуглы и рядом с нею хатунь Кабак, а с левой стороны – хатунь Баялунь и возле неё хатунь Урдуджи. У подножия трона стоит (старший) сын султана Тинабек, а слева второй сын его Джанибек. Перед ним сидит дочь его Иткуджуджук... Затем приходят старшие эмира, для которых поставлены скамьи справа и слева... Перед султаном стоят царевичи: сыновья дяди его, братья его и родственники его, а насупротив их, у дверей шатра, стоят дети старших эмиров, и позади их стоят начальники войск справа и слева» [Тизенгаузен, 1884, с. 290-291].

Описывая всё это, я пытаюсь представить весь церемониал ханского дворца и задаю себе вопрос: «А с такой же пышностью принимали в Орде русских князей, в частности, Ивана Даниловича?» И всё больше прихожу к убеждению, что нет, далеко не так. Ведь Ибн Баттута мусульманин, известный в арабском мире человек, а Иван Данилович – вассал, подданный, от которого требуется лишь одно: чёткое выполнение ханских указов, быстрый и своевременный сбор дани и беспрекословное подчинение. Даже Великий князь – раб, а с рабами разговор иной, здесь не до царского приёма.

Впрочем, мы отклонились от Ибн Батуты. В своих описаниях автор уделяет подробное внимание жёнам хана, их обычаям, привычкам. Старшая жена Хатунь Тайтуглы (Тайдула) - самая любимая хана, он ей оказывает больше внимания и почёта. Она мать его старших сыновей Тинабека и Джанибека. По мнению Ибн Батуты, «Султан любит её за одну свойственную ей особенность, которая (состоит) в том,

что каждую ночь он находит её, как бы девственницей». Он удивляется этой особенности и не очень-то верит: «Мне под руки не попадалась такая и (поэтому) я не знаю, действительно – ли это так» [Тизенгаузен, 1884, с. 293].

Третья жена Узбека – хатунь Баялунь. Она дочь византийского императора Андроника II. В её шатре всё напоминало о её византийском прошлом: «перед нею (было) до 100 византийских, тюркских и нубийских девушек, стоявших и сидевших... Были перед нею (ещё) дворецкие из византийцев» [Тизенгаузен, 1884, с. 294]. По всей видимости, её очень тяготило сегодняшнее состояние, и она скучала по своей родине, по ушедшему образу жизни. «Она разпросила о нашем положении, о нашем приезде, о дальности нашей родины, плакала и находившимся в руках её платком утирала лицо своё вследствие своей жалости и состраданности [там же]. Позднее Баялунь отпросится у Узбека съездить погостить к отцу в Византию. Ибн Баттута вызовется её сопровождать. Как только процессия достигнет стен Константинополя, Баялунь откажется от незавидной для неё роли третьей жены степного властителя и уговорит отца оставить её у себя. А Ибн Баттута, пробыв в Константинополе месяц, возвратится в Дешт-и-Кипчак к хану Узбеку.

В середине ноября 1334 года Ибн Баттута прибыл в Сарай ал Джедид (Новый Сарай). В 1332 году Узбек основал этот город и перенёс в него свою столицу. В результате этого город быстро разросся, превратился в крупный центр международной торговли, крупнейший политический и религиозный центр Золотой Орды. Столица Узбека просто очаровала путешественника: «город Сарай (один) из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной

Въ лѣто 6842 (1334 год)

Ибн-Багутта

земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами... Однажды, мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объём его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня,

совершили (там) молитву полуденную, поели и добрались до (нашего) жилища не раньше, как на закате. Однажды мы прошли его в ширину; пошли и вернулись через полдня, и (всё) это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов. В нём 13 мечетей для соборной службы; одна из них шифийская. Кроме того, ещё чрезвычайно много (других) мечетей. В нём (живут) разные народы, как-то монголы – это (настоящие) жители страны и владыки (её); некоторые из них мусульмане; Асы, которые мусульмане, кипчаки, черкесы; русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живёт в своём участке отдельно, там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в (особом) участке, где стена ограждает имущество купцов» [Тизенгаузен, 1884, с. 307]. Трудно себе представить, как бурлила жизнь в этом городе, какая разноликая речь звучала в нём. Великий Тимур в конце XIV века огнём и мечом прошёл по золотоордынским городам, оставив на их месте одни развалины. И только археологические

раскопки говорят о былом величии этих городов. Взлёт и падение империи и полное забвение её, если бы не дошли до нас заметки таких подвижников истории, как Ибн Баттута. Вечная память им за это!

Из записок великого путешественника стоит остановиться на его поездке вверх по Волге в город Булгары. Разрушенный войсками Батгя, он очень быстро восстановился и в течение первой четверти XIV века превратился в крупнейший центр мировой торговли. Каких только купцов не бывало в этом городе. Они вели активную торговлю с жителями Поволжья, Урала, Сибири, доходили до «Страны мрака». Пушнина, «мягкое золото» - вот что их влекло и привлекало. Ибн Баттута описал метод «меновая торговли», который использовали заезжие купцы с местным населением. «Каждый из них оставляет там те товары, с которыми приехал, и возвращались в свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова для осмотра своего товара и находят супротив него (известное количество) соболей, белок, горностаев. Если хозяин товара доволен тем, что нашёл насупротив своего товара, то он берёт его, если же недоволен им, то оставляет его. Те (т.е. жители «мрака» набавляют его (своего товара, часть же убирают свой товар, оставляя на месте – товар купцов. Так (происходит) купля и продажа их. Эти меха отправляются в Индию, Китай, Иран, где они стоят чрезвычайно дорого» [Тизенгаузен, 1881, с. 297-298].

Бесчисленное количество кладов восточного серебра, золотоордынских монет, найденное на территории Поволжья, Урала, Севера Западной Сибири, ярко дополняют слова Ибн Баттуты о размерах транзитной торговли. Это давало баснословные барыши торговцам. На этом крепло и процветало

Въ лѣто 6843 (1335 год)

могущество империи Узбек - хана.

10 декабря 1334 года Ибн Баттута покинул Сарай и с хорезмским караваном отправился в Среднюю Азию. Воздав память великому путешественнику и его запискам о посещении территории нашей родины, мы оставим Ибн Баттуту и вернемся к русским летописям, русским событиям.

Въ лѣто 6843 (1335 год)

Жизнь московского князя Ивана Даниловича в эти годы проходит по единому сценарию: вызов в Орду, требование дани, возвращение на Русь, давление на новгородцев, сбор дани, поездка в Орду. В прошлом году Узбек встретил Ивана достаточно благосклонно, и это явно отразилось в изменении характера московско-новгородских отношений. 16 февраля Иван Данилович во главе большой свиты и войска прибывает в Новгород. У ворот города его торжественно встречает архиепископ Василий со всем своим церковным клиром. Видно, сильно подействовало на него увещания митрополита Феогноста, данные во Владимире. Мы не знаем, как проходили переговоры и какие условия выдвигали стороны. Ивана, очевидно, очень беспокоило явное и открытое сближение Новгорода с Литвой. Нельзя забывать, что в Пскове, опять же под покровительством Гедмина, княжил вот уже несколько лет его недруг, бывший тверской князь Александр Михайлович. И наконец, явный толчок со стороны Орды заставил Ивана Даниловича где-то уступить новгородцам, где-то надавить.

Переговоры шли сложно и напряженно. Иван требовал организации военного похода на Псков, на Александра Михайловича: «Иван хоте ити на Плесковъ с новгородци и со

всею Низовьскою землею» [НПЛ,с.346]. Это было, очевидно, требование Узбека. Но новгородцы не решились в открытую рвать отношения с Псковом и Литвой и предложили какое-то свое решение урегулирования этого кризиса: «и бысть ему по любви речь с новгородци и отложиша ездъ, а плесковицем миру не даша». [там же]. Очевидно, новгородцы предложили князю Александру Михайловичу все же идти в Орду и там самому решить свою судьбу. Требования было настоятельное, даже агрессивное, и псковский князь уже не решился слушаться.

Довольный решением, Иван Данилович стал возвращаться в Москву. В Торжке его застало известие, что литовцы, узнав, очевидно, о решении судьбы Александра Михайловича, напали на новоторжские земли и разорили их. В ответ московский князь «пожже городке Литовьскыи Осечен и Рясну и иных городковъ много [НПЛ,с.347] Такая демонстрация силы ни к чему не привела, и Иван Данилович возвратился в Москву. Отсюда в Новгород было послано известие, что Великий князь Владимирский «позва владыку к собе ... и посадника, и тысяцкого и вятших бояр» [НПЛ,с.347], словом, все руководство Новгорода. Вероятно, и Иван Данилович, и Феогност заставили новгородцев еще раз принять условия договора и особенно пункты, касающиеся Александра Михайловича.

В этой связи отметим одно очень краткое сообщения Рогожского летописца: «Того же лета прииде князь Федор Александрович изо Орды» [ПСРЛ т.15, стб.47], «а съ нимъ посоль Авдуль», - добавляет Никоновская летопись [ПСРЛ, т.10,с.207]. На переговоры о судьбе Александра Михайловича ездил в Орду его младший сын Федор, и в Тверь ханский

Въ лѣто 6844 (1336 год)

посол привез решения Узбека.

Въ лѣто 6844 (1336 год)

Вновь Иван Данилович «поиде в Орду». На этот раз его пребывания было недолгим. Он возвращается «съ пожалованиемъ и съ честию во свою отчину» [ПСРЛ т.10,с.207].

По мнению В.А.Кучкина, на этот раз Иван добился у Узбека прав на Галицкое княжество, в котором в прошлом году умер его князь Федор [Кучкин,1984,с.256. прим.131]. Но все же главное, с чем приехал московский князь, это решение Узбека о судьбе князя Александра.

Вот это и есть ключевой момент событий 1336 года. В Тверь впервые за много лет приезжает изгнанный князь Александр Михайлович. У княжившего в это время в Твери Константина Михайловича уже находились сын Александра Федор и ханский посол Авдула. Была ли встреча братьев после почти 10-летней разлуки радостной, сказать трудно. Всем им предстояло обсудить и принять решение хана Узбека о судьбе Александра Михайловича, об ярлыке на Тверское княжение. Оно, очевидно, было однозначным: в случае прибытия в Орду самого Александра Михайловича, его смирения перед Узбеком Великий хан мог передать ему ярлык на тверское княжение и простить ему все грехи. И дело здесь не в принципах старшинства. Константин, родственник московского князя, как и Иван, чуть ли не ежегодно бывал в Орде. Каких-либо фактов неподчинения Орде не зафиксировано. Вывод остается один. По мнению Орды, Константин Михайлович не обладал княжескими качествами, особенно в плане выбивания дани, «ордынского выхода», и его надо заменить на более сильного. Стороны пришли к обоюдно-

му согласию, и Александр Михайлович и Федор возвратились в Псков, готовясь к поездке в Орду. Предварительно они заручились и советом митрополита, и его благословением на этот поступок «и нача наряжатися во Орду з бояры своими и слугами» [ПСРЛ т.10,с.207].

Б.А. Чориков. Александр Михайлович во Пскове

10 лет княжил Александр Михайлович, пользуясь, по всей видимости, любовью и уважением псковичей, их защитой и покровительством. Что же заставило князя так круто изменить свою жизнь, повернуть ее в неизвестном направлении? Можно предположить, что князь сильно тосковал по Твери, что его беспокоила судьба детей: «аще приму смерть zde... а дети мои лишени будут княжения своего» [ПСРЛ.т.15 стб.47-48]. Ведь княжение в Пскове не было наследственным, князь приглашался вечевым собранием на определенное время, и дети Александра вообще могли оказаться без своего удела. И все же более правдоподобным мне видится то, что князь оказался загнанным в угол, заложником судьбы, и ему ничего не оставалось, как подчиниться Узбеку, покориться его воле.

На этом фоне хочу вновь обратиться к новгородским событиям, и в первую очередь, к деятельности архиепископа Василия. Он крепко держит в своих руках внешнеполитические события, активно влияет на их развитие. Васи-

Въ лѣто 6845 (1337 год)

лий оказался талантливым хозяином Новгорода, при нем резко оживилось строительство и благоустройства города. Едва став новгородским владыкою, он закладывает «город каменныи», осуществляет перекрытие Софийского собора «свинцом поби и крестъ обнови», заложил церковь святой Богородицы в Зверинце, храм Входа в Иерусалим, построил новый мост через Волхов и, наконец, «у святеи Софеи двери медяны, золочены устроил» [НПЛ,с.347], «приведши из Немец, купи ценою великою», - добавляет В.Н.Татищев [Татищев, 1965,с.88]. Недаром он войдет в новгородскую историю как один из самых известных архиепископов – Василий, по прозвищу Калика.

Въ лѣто 6845 (1337 год)

Наконец-то Александр Михайлович решился и пришел в Орду. Летопись сохранила его речь, якобы произнесенную перед ханом: «Господине волный царю! аще много зла сотворихъ ти, но придохъ къ тебе или смерть или животь отъ тебе приати како тебе Богъ известить, на все есмь готовъ. Аще Бога ради и по своему царскому величеству даси ми милость, благодарю Бога и милость твою; аще ли смерть предаси мя, достоинъ есмь смерти, и се глава моя предъ тобою есть» [ПСРЛ т.10, с.207]. Трудно, конечно, сказать, насколько верен летописец, или насколько этот текст додуман. Но главный смысл ясен. Князь Александр винится перед ханом, полностью отдавая свою судьбу в его руки.

Хан Узбек принимает решение вернуть тверское княжество Александру Михайловичу. Давайте попробуем найти логику ханского поступка. Самое легкое решение: казнить непокорного, как в свое время хан расправился с его отцом

Михаилом Ярославичем. Псковский князь тесно связан с Литвой, а как раз в это время Узбек готовится к войне с Гедимином. Казнить князя, и страх всеобщий еще более сковал бы русских князей. Но Узбек предпринимает совершенно противоположный шаг. Он не только простил Александра, оставил ему жизнь, но и наделил его тверским княжеством, отнимая таким образом у его брата Константина его «отчину». Довод видится лишь один. Узбеку нужна была сильная личность, всецело зависящая от него, в противовес московскому князю. Принцип «разделяй и властвуй» хорош в политической игре во все времена.

Понимал ли московский князь, что терпит политическое поражение, что его союз с ханом не так уж и прочен? Конечно, понимал. Возвращение Александра Михайловича на политическую арену Северо-Восточной Руси ничего хорошего не сулило московскому князю. Он не такой, как Константин Михайлович, союза с ним Москве не дожидаться. И Иван Данилович стал подготавливать ответные действия. А пока все его внимание было сосредоточено на выполнении обязательств перед ханом по сбору дани. Новгородцы вроде бы заключили с Иваном Даниловичем соглашение о выплате дани, но, видно, предложенное количество показалось жителям Новгорода чрезмерным, и они отказались ее выплачивать. Тогда Иван посылает рать на Двину, «не помянув крестного целования» - упрекает новгородская летопись. Собрав дань, московский отряд на обратном пути столкнулся с отрядом новгородцев и белозерцев, и был между ними бой, чем закончившийся неизвестно [Татищев, 1965, с.89].

Москву в этот год ждало еще одно испытание. Страшный пожар уничтожил добрую часть города, одних церквей

Въ лѣто 6846 (1338 год)

сгорело 18. [ПСРЛ, т.15, стб.48]. Деревянная Москва горела часто, тому способствовала большая скученность домов, как только выдавался сухой год, вспыхивали пожары.

Новгородский архиепископ Василий вновь попытался восстановить в Пскове своё влияние, но «плесковица суда не даша, и владыка поиха от них, проклявъ их» [НПЛ, с.348].

Въ лѣто 6846 (1338 год)

Вот и состоялась долгожданное возвращение князя Александра Михайловича на Русь, в свою вотчину, «а съ нимъ послы силны Киндякъ и Авдуль» [ПСРЛ т.15, стб.48]. Наступил ли мир и благодетствие? Конечно же, нет. Константин Михайлович безропотно принимает ханское решение и уступает тверской престол старшему брату. Но не всем по душе оказалось это решение. Часть тверских бояр, очевидно, промосковски настроенных и чувствовавших себя вольготно при Константине, сразу же «отъеха на Москву к великому князю Ивану» [там же]. Как любое поставление на власть, сопровождавшееся приездом ханских послов, так и в Твери начались грабеж и насилие над тверчанами: «много сътвориться тягости христианомъ» [там же]. Ну и конечно, свою роль в деле неприятия тверского князя сыграл Иван Данилович. Ведь не случайно, что следом за этими событиями летописи говорят о попытке заключения мира между Тверью и Москвой, в котором главным моментом была попытка получить признание московским князем прав Александра на Тверь. Иван Данилович решительным образом отказал, «не докончаша и мира не взяша» [ПСРЛ т.10, с.208]. Только ли застарелая вражда двух князей проявляется здесь? Ведь решение о наделении Александра Тверью принял Узбек, и Иван

должен неукоснительно его исполнять. В противном случае он идет против воли хана. Возможно ли такое в тех условиях? А может быть, тверской князь стал требовать большего, чем было определено Ордой. Обратим внимание на текст Рогожского летописцы этого года, где Александр именуется «князь великии» [ПСРЛ т.15,стб.48]. Тот же титул содержится и в Никоновской летописи [ПСРЛ.т.10,с.208]. Значит ли это, что Узбек, отдавая Тверское княжество Александру повысил и его титул? Конечно, он не мог сравниться с титулом Великого князя Владимирского, но становился в один ранг с московским княжеством. Вот с этим Иван Данилович никак не мог смириться.

И вновь спор русских князей переносится в Орду. Поздней осенью Иван Данилович отправляется на встречу к хану. Тверчане же снаряжают посольство во главе с сыном Александра Федором, уже бывавшего у хана, и ордынским послом Авдулом. Вот здесь, мне кажется, Александр Михайлович допускает стратегическую ошибку. Зная, что ситуация в Орде будет сложной, зная, на что способен московский князь, он все же избегает личного участия в споре и тем самым проигрывает первый раунд борьбы. В.Н.Татищев приводит данные (не содержащиеся в других летописях) о том, что к хану Узбеку пришло много жалобщиков с Литвы, что Александр не выполняет свои обещания, данные им во время княжения в Пскове: «мнози истязаху от него многи дары и обеты, прирекаюсче ему помогать, но ничто полезно ему сотвориша» [Татищев,1965,с.89]. Надо учитывать, что в это время Узбек начал войну с Литвой и, очевидно, это были люди, поддерживающие политику хана на западных рубежах его государства.

Въ лѣто 6846 (1338 год)

Ну и конечно, свою роль сыграл Иван Данилович. В самой Орде у него было много сторонников, которые в каждый приезд московского князя подпитывались его щедрыми подарками и подношениями. Именно они создавали «общественное мнение» против Александра Михайловича. Мы не знаем, что говорил московский князь об Александре хану при личной встрече. Можно догадаться, что много нелицеприятного, что сильно задело хана, заставило круто изменить свою позицию по отношению к тверскому князю. Как повторяется история! Михаил Ярославич был оклеветан московским князем Юрием Даниловичем, теперь уже сына Михаила Александра уничтожает московский князь Иван Данилович. Можно уже говорить о выработанной тактике в действиях московских князей: силой Орды, путем наговоров и обмана уничтожать своих противников.

Хан Узбек принимает решение вызвать тверского князя к себе в Орду. Но как это сделать? Отпустить его сына Федора с требованием немедленного прибытия? Но это насторожит и так испуганного Александра, тем более если Федор или кто-то из окружения донесет истинную правду хода разбирательств в Орде, и это даст шанс Александру Михайловичу снова убежать в Псков, в Литву, избежать наказания. И тогда Узбек принимает хитрое решение. Он посылает к тверскому князю одного из своих верных слуг по имени Исторчей с наказом: «призови ми семо князя Александра, не яростию, но тихостию» [ПСРЛ т.15 стб.49]. Приказ был вскоре исполнен.

Пока в Орде разворачивались трагические события, Новгород жил своей повседневной жизнью. Летопись отмечает сильное наводнение, случившееся в этот год, в результате чего было снесено несколько мостов. Владыка Василий

приказал приступить к росписи построенной церкви «Входа в Иерусалим» «Исаю Гречину с други» [НПЛ,с.348]. И все же основные события этого года для Новгорода связаны с развернувшимися военными действиями с корелами. В обход Ореховецкому договору корелы пограбили и побили новгородских и ладожских купцов, разорили окрестные селения. Весной этого года новгородцы во главе с посадником Федором отправили военную дружину по Неве к Орешку. Переговоры со шведским воеводою Стеном закончились безрезультатно. Шведы уверяли, что корелы без их ведома ведут разбой на этой территории. Но как только новгородцы ушли, совместные отряды шведов и корел вновь стали разорять Обонежье «послеже и Ладогу пожгоша» [НПЛ, с. 348]. В ответ «ходиша молодци новгородстии» на земли вокруг Выборга и «много попустошиша земли их и обилье пожгоша и скот иссекоша и приидоша вси здравии с полоном» [НПЛ, с. 349] - то - то радости было в Новгороде!

Но соперники не успокоились, и в ответ шведы вышли из Выборга и стали разорять Водьскую землю. Вся эта территория по договору Новгорода с Гедемином была «в отчине» его сына Нариманта. Но он не только не принял участие в обороне земли, но даже сына своего Александра поспешил убрать из Орешка, оставив там лишь своего наместника. Нужен ли был новгородцам такой литовский покровитель? Дело закончилось тем, что уже зимой были посланы в Новгород из Выборга шведские послы от воеводы Петрика, который уведомил, что шведский король ничего не знает о военных действиях и не давал на это приказ. А всё это самовольство воеводы Стена, «о своемь уме». Ответное посольство новгородцев в Выборг заключило со шведами мир на условиях

Въ лѣто 6847 (1339 год)

Ореховецкого договора, а относительно Кобылицкой Коре-лы решено было отправить посольство в Швецию к королю. Так был погашен локальный конфликт.

Въ лѣто 6847 (1339 год)

По весне, в Тверь прибыл ханский посланник Исторчей. Он привёз князю послание о необходимости прибытия тверского князя в Орду, «зоветь тя царь» [ПСРЛ. т. 15, стб. 49]. Александр, конечно, же знал, что последует вызов в Орду, возможно, до него доходили и слухи о провокационных действиях Ивана Даниловича, поэтому он колебался, «ведьи и не ведьи безбожную ихъ леть и бысть в расколении оума» [там же]. Но в Орде заложником оставался его сын, и Александр Михайлович принимает решение о поездке в Орду. Провожать его вышел весь город, не смог только брат Константин Михайлович, «слежищу въ велицеи болезни» [там же]. А затем в летописи содержится почти эпическое описание, созвучное «Слову о Полку Игоревом»: «вниде въ насадъ съ сущими съ нимъ, и тогда вѣста ветръ силен зело, онемъ гребущимъ, а насадъ назад идяше и симъ тружающимся, а ветръ биаше въ лице и насадъ назадъ възвращаше; и тако много тружающесе едва проидоша землю Русскую» [ПСРЛ. т. 10, с.209] – не хотела отпускать родная земля своего князя!

В Орду вместе с тверским князем прибыли князья Василий Давыдович Ярославский и Романчук Белозерский. Состоялась долгожданная встреча Александра Михайловича с сыном. Федор поведал отцу, что дела их плохи. На что князь ответил: «...воля Господня да будет». Правда, была еще слабая надежда, что хан смилуется, т.к. «вземъ дары многи даде царю и царице, и княземъ, и прочимъ рядцемъ» [ПСРЛ. т. 10,

с.209]. Целый месяц провел в Орде князь в неведении, очевидно, до хана его не допустили, поэтому пользовался лишь слухами о своей судьбе «инии глаголаху: княжене ти великое даеть царь, а инии глаголаху: убить ти быти» [ПСРЛ. т. 15, стб. 49]. Наконец пришла весть о том, что в течение трех дней князь будет убит. Трудно себе представить состояние Александра Михайловича, невозможно описать чувства, что испытывал князь! Он сел на коня и стал ездить, «вестей пытая». Через знакомых ему ордынцев он убедился в неминовности приговора. Так же, как и его отец, Михаил Ярославич, он ищет последнюю надежду на благосклонность ханши (очевидно Тайдулы – В.Е.), но и оттуда приходит убийственный ответ. Александр стал прощаться с сыном, окружающими его людьми, отдал последние распоряжения «о вотчине своей глаголавъ», исповедовался и причастился и вси сущии съ нимъ: никто же бо отъ нихъ чяяше себе живота» [ПСРЛ. т. 10, с.210].

Ждать пришлось недолго. Прибежали слуги и сообщили, что приближаются «на убиение твое послании» Беркан и Черкас. Впрочем, предоставим слово летописи: «И выскочи противу его, ини же немилостивии похвативше и, възломиша и назадъ, и оборваша порты его, поставиша и предъ Товлуоубьемъ нага связана. Ономоу же беззаконному стоящу на коне и съ ним множество татаръ, испоусти окаанны гласъ; оубиите и! Ини же имшеи князя Александра и сына его Федора без милости прободоша и повергъше на земли отсекоша главы имъ» [ПСРЛ.т. 15, стб. 50]. Бояре и слуги разбежались, и лишь немногие, оставшиеся при князе, забрали тела убитых и отвезли на Русь.

Такова вот судьба представителей трех поколений

Въ лѣто 6847 (1339 год)

тверских князей: Михаила Ярославича, Александра Михайловича, Федора Александровича. И за гибелью каждого из них стоит рука Москвы. Иван Данилович – князь московский загодя отбыл на родину, получив от Узбека за труды свои «честь великую и пожалование». Его сыновья Семен (Симеон), Иван, Андрей, находившиеся в момент казни в Орде, также вскоре уехали из Орды «с пожалованиемъ и со мною честию и любовью... и придоша въ Москву съ великою радостию и веселиемъ» [ПСРЛ. т. 10, с. 211]. Тверской стол вновь занял выздоровевший (а болел ли, может быть, это была уловка, чтобы не идти в Орду?) князь Константин Михайлович. Тверь в очередной раз была сломлена, сломлена Москвой. И как акт последнего унижения поверженного врага последовал приказ Ивана Даниловича о снятии самого большого колокола соборного храма Твери Святого Спаса и доставке его в Москву. Так же поступит потомок Ивана Калиты – Иван III. Завоевав Новгород, он лишит город его основного символа – вечевое колокола Софийского собора и перевезет его в Москву. Где-то вручали ключи от города победителю, где-то лишали города его голоса – вечевое колокола. Средневековье пронизано символами.

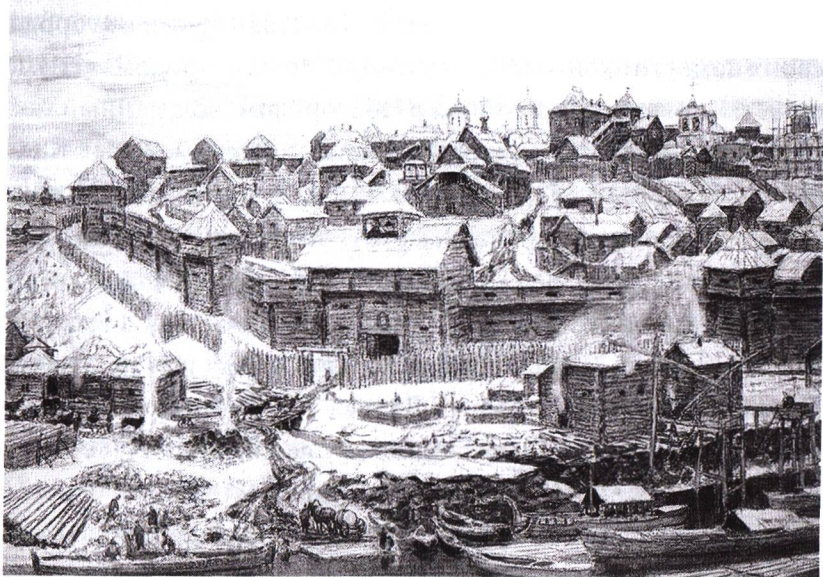
За предательство надо платить. Узбек требует от московского князя повышенную дань. И тот вновь обращает свой взор к новгородцам. Но его требование опять оказалось завышенным, и Новгород присылает своих послов, «прося другого выхода: «а аще дайте ми запросъ цесаревъ; чого у мене цесарь запрошалъ»; и они ркоша: «того (у нас) не бывало от начала миру, а ты целовалъ крестъ к Новугороду по старои пошлине новгородчкои и по Ярославлимъ грамотамъ». [НПЛ, с. 350]. Новгородцы настаивали на своем,

что вновь привело к конфликту. Князь Иван вывел из города своих наместников, «не бе ему миру с Новымгородом» [НПЛ, с. 351]. Снова запахло войной с Новгородом, но в данный момент возможности для этого у Ивана не было.

Узбек в 1338-1339 годах воюет с Литвой. О том, как развивались военные действия, практически ничего не известно. Русские летописи сообщают, что Узбек послал своего военначальника Товлубия «и инии мнози князи с татары» [ПСРЛ. т. 10, с. 211] собирать русские войска для похода на Смоленск, принадлежавший Литве. Московский князь выставил практически все свои военные силы во главе с воеводами тысяцким Александром Ивановичем и Федором Акинфовичем. Также прислали свои военные дружины Константин Васильевич Суздальский, Константин Борисович Ростовский, Иван Ярославич Юрьевский, Иван Друцкий, Федор Фоминский «баскаки и мордовские князи съ Мордвичи» [ПСРЛ. т. 10, с. 211]. Великий князь Владимирский вынужден был собрать все военные силы для военных действий ордынцев.

Особо летопись отмечает действия рязанских князей. Товлубий прибыл в Рязань и отправился в поход вместе с рязанским князем Иваном Ивановичем Коротополом. По дороге им повстречался отряд пронского князя Александра Михайловича, везущего в Орду дань. Рязанцы перехватили отряд, разграбили, а князя убили. Очевидно, так, под защитой ханского воеводы, рязанский князь расправился со своим соперником. Всеобщие военные сборы на Руси практически не дали результатов. Город Смоленск был осажден, но взять его не удалось: «посады пожгоша, и власти и села пограбиша и пожгоша, и подь градомъ немного дней стоа-

Въ лѣто 6847 (1339 год)

А. М. Васнецов. Кремль при Иване Калите

ше, и тако Татарове поидоша в Орду со многымъ полономъ и богатствомъ, а Руссии князи возвратишася во свояси здравии и цели» [ПСРЛ. т. 10, с. 211], – со вздохом облегчения отмечает русский летописец.

А на Москве «замыслиша заложиса рубити город» [ПСРЛ. т. 18, с. 138]. Великий князь Владимирский Иван Данилович и митрополит Феогност не только укрепляют свой город, но и превращают его в политический центр Северо-Восточных русских земель. И как в помощь действиям московского князя и митрополита приходит сообщение из Византии о причислению к лику святых митрополита Петра. Канонизация первого, прomosковски настроенного митрополита сделала его патроном, церковным символом Москвы.

Въ лѣто 6848 (1340 год)

Это было последнее действие на этой грешной земле московского князя Ивана Даниловича о прозвищу Калита. 31 марта 1340 года он умирает. Перед смертью Иван, очевидно, сильно болел и, чувствуя приближающуюся смерть, постригся в монахи, как делали его отец, дед, замаливая земные грехи перед Богом.

Какой вклад в русскую историю внес этот человек? Имеем ли мы право оценивать личность в её историческом контексте? Ведь с высоты пройденных лет, после десятка появившихся концепций, так или иначе оценивающих поступки героев, легко впасть либо в преувеличение, либо осуждению тех или иных действий. Иван Данилович Калита – он кто? Прежде всего надо объяснить закрепившееся за ним прозвище. Умирая, Иван Данилович знал ли, что он умирает Калитой? Навряд ли. Исторические прозвища прикрепляются к деятелям их потомками. Калита – небольшой кожаный мешочек, типа кошелька, носившийся на поясе. По преданию, Иван не расставался с ним, нося мелочь и разда-

Печать Ивана Калиты

Въ лѣто 6848 (1340 год)

вая её нищим. Н.Н.Карамзин отмечает, что эта калита была подарена князю ордынским ханом [Карамзин, 1988, прим. к IV тому, главе IX, стр. 121]. Возможно, что это прозвище закрепилось за князем, знаменуя его щедрость.

Но есть мнение, что Иван Данилович отличался необычайной жадностью, даже скупердяйством; каждую мелочь, добытую им, складывал в калиту – своеобразный Плюшкин XIV века. И тут каждый выбирает истину, более понравившуюся ему, отвечающую его собственным интересам.

В числе заслуг перед русской историей Калите приписывают установление «тишины великой по всей земли». Да, в течение 40 лет не было больших ордынских походов на Русь типа Неврюевой, Дуденевой, Таировой ратей. Это дало возможность более менее спокойно развиваться землям Северо-Восточной Руси. В этой «тишине», мне кажется, есть еще одно явление. Постепенно исчезает панический страх перед Ордой, не нужно при каждом появлении ордынца прятаться в леса, бросать свой дом, имущество. Этот страх исчезает постепенно, на генетическом уровне. Трудно представить, чтобы в 30-40 – х годах XIV века русские княжества могли собраться и дать решительный отпор ордынцам. А уже внуки поколения Калиты вышли на Куликово поле и дали бой Мамаю.

Но не надо забывать, что эта «тишина» была установлена ценой жестокого, бесчеловечного уничтожения тверского княжества после восстания 1327 года. И «отличились», в первую очередь, москвичи. Войско Калиты, уничтожая мирных жителей, уводя их в плен, грабя их имущество, «градъ огнем пожгоша». И это православные! Своих же единоверцев! Конечно, ордынцы также участвовали в разо-

рени, а не стояли в сторонке, хитро наблюдая, как русские уничтожают русских. Но вот оценка летописца: «Господь, своего милостию заступил благовернаго князя великаго Ивана Даниловича и его градъ Москву» [ПСРЛ. т. 15, стб. 44]. Что ж господь так избирательно выбирает одних и казнит других. И больше ли грехов совершили к этому времени тверчане, чем москвичи? Прав всегда победитель. Проигравший Святополк стал Окаянным, а его противник Ярослав – Мудрым. Москва в итоге победила, подмяла под себя все русские княжества, поэтому действия победителя в истории трактуются как положительные. А победы Тверь или Рязань, то оценка была бы диаметрально противоположной.

В «Житии Дмитрия Донского» мы впервые встречаем термин «Собиратель русской земли» применительно к Ивану Даниловичу. Сочинение написано где-то сразу после смерти Донского и содержит своеобразный панегирик по умершему. Так, якобы внук оценивает деятельность своего деда. Да, при Иване Даниловиче московское княжество окрепло и возвысилось. Оно не особенно выросло в размерах, зато экономически стало более крепким и, самое главное, превратилось в своеобразный финансовый центр. После тверского восстания, во многом благодаря Калите, на Руси был практически ликвидирован ордынский институт баскачества. Право сбора дани Узбек доверил своему наместнику Великому князю Владимирскому. И этим правом Калита убедительно пользовался, выколачивая дань, «ордынский выход» любыми способами. И часть из этих средств оседала в калите московского князя. Прямо как в сегодняшние времена. Это вело к обогащению Москвы.

Не надо забывать еще один очень мощный фактор. Мо-

Въ лѣто 6848 (1340 год)

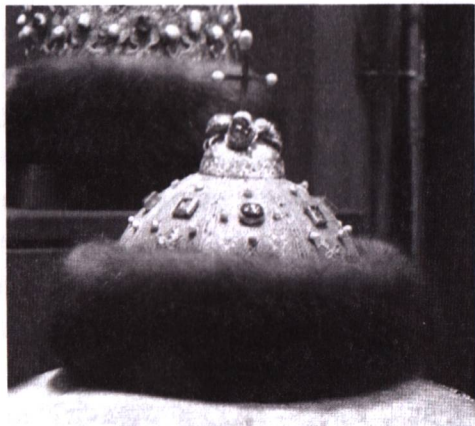
сква стала местом пребывания главы русской православной церкви митрополита Феогноста. И все его действия так или иначе были направлены в сторону защиты интересов Москвы. А если учесть, что при митрополите находилась и церковная казна, то становится понятным, что Москва стала своеобразным финансовым центром. Это дало возможность ее правителям построить новый дубовый кремль, приступить к храмостроительству, накапливать в казне богатства, несмотря на требование Орды.

Но это «собираание земель» опять же шло за счет грабежа соседних княжеств, путем их разорения и обнищания. И, наконец, главный аргумент. Иван Данилович Калита виновен в гибели своего политического врага, тверского князя Александра Михайловича и, косвенно через брата, в гибели Михаила Ярославовича. Ценой лжи, наговора, подкупа было обезглавлено тверское княжество. «Суд Истории, единственный для Государей – кроме суда небесного – не извиняет и самого счастливого злодейства: ибо от человека зависит только дело, а следствие от Бога», – заметил Н.М.Карамзин [Карамзин. 1988, т. IV, гл. IX, с. 147]. Тверские князья вошли в русскую историю Святыми, а каково в ней место Ивана Даниловича Калиты? Впрочем, оставим право решать это читателю, а сами вернемся к работе над источниками.

В распоряжении историков имеются два любопытных документа, относящиеся к последним годам жизни Ивана Даниловича Калиты – его духовные грамоты [ДДГ № 1-2, с. 7-11]. Они не датированы, но исследователи установили, что грамоты относятся к 1336 и 1339 годам [Черепнин, 1948, с. 15; Горский, 2000, с. 65]. Каждый выезд в Орду для любого князя был вопросом жизни или смерти: неизвестно, возвратится

он домой или нет. Поэтому, отправляясь в Орду, князья составляли на всякий случай завещания, отдавая распоряжения на случай их смерти. Последние две поездки для московского князя были самыми критическими, особенно поездка 1339 года. Тем более Иван Данилович уже был болен и чувствовал приближающийся конец. Всю свою «отчину» князь поделил между княгиней и тремя сыновьями. Старшему сыну Семену выделено 26 городов и селений: «отдаю Симео-ну Можайск, Коломну с волостями»; Ивану 23 города и селения «Ивану Звенигород и Рузу; Андрею – 21 город и селения, Андрею – Лопастню, Серпухов, Перемышль, княгине моей с меньшими детми села, бывшие в ее владении». [ДДГ, №2, с.9] Любопытно, что в этом перечне городов нет Владимира. Объяснение одно – Владимир не был «отчиной» московского князя и принадлежал тому, кто владел на него ярлыком. Перечисляя города и селы, мы обнаруживаем упоминание о купленных Иваном сел в Новгороде, Владимире, Костроме, Ростове. Это стало возможным, когда у Москвы появились средства, таким образом Иван внедрялся в эти княжества.

В своих завещаниях Иван Данилович как рачительный хозяин, делит все свое имущество, подробно перечисляя все вещи; золотые и серебряные ковши, золотые цепи, шубы и т.д. Особо от-

Шапка Мономаха

Въ лѣто 6848 (1340 год)

мечу выделенную Симеону «шапку золотую». По всей видимости, это и есть знаменитая «Шапка Мономаха», ставшая позднее символом Российской государственности. В конце XV – нач. XVI веков в момент зарождения теории «Москва – III Рим» появилась легенда о «шапке Мономаха». Она должна была доказать преемственность московских князей от владимирских, тех от киевских, а тех в свою очередь от Византии. По преданию, эту шапку вручил своему внуку Владимиру византийский император Константин из рода Мономахов. Отсюда и прозвище Владимира Всеволодовича. Создателя этой теории не смутил и тот факт, что византийский император не мог этого совершить, т.к. умер за несколько лет до рождения своего внука. Но коль есть политический заказ, такие мелочи, как исторические нестыковки, не учитываются. На самом деле по стилю и покрою «шапка Мономаха» относится к тюркскому типу, изготовлена была, по всей видимости в Орде и подарена Узбеком в один из визитов в Орду.

Итак, 31 марта 1340 года умирает Иван Данилович Калита, захоронен он был в церкви святого Архангела Михаила, «юже сам созда». Старший сын Семен (Симеон) не присутствовал на похоронах своего отца. В это время он находился в качестве наместника московского князя в Нижнем Новгороде, и известие о смерти отца, очевидно, в силу плохих весенних дорог пришло к нему слишком поздно. По завещанию он становился Московским князем, старшим над своими братьями не только в силу возраста, но и по статусу.

Устроив все свои дела, сыновья Калиты засобирались в Орду, и уже 2 мая 1340 года Семен, Иван и Андрей отправились к хану Узбеку. Вместе с ними поспешили «и инии кня-

зи мнози» [ПСРЛ. т. 10, с. 211]. Ведь смерть Великого князя Владимирского подразумевала новое наделение ярлыками и на Великое княжение, и на владение вотчинами. Узбек в это время кочевал в своей летней резиденции в районе современного Дербента. Великий Хан встретил московских княжичей достаточно дружелюбно (по крайней мере по сообщениям летописей) и, дав им наставления, назначил Великим князем Владимирским Семена Ивановича. И уже 1 октября во Владимире митрополит Феогност возвел его на Владимирский престол. По всей видимости, и все свои княжества сохранили другие вассальные князья.

Теперь уже князь Семен должен был нести бремя великокняжеской власти. И самое основное в нем – выплата ордынской дани. Очевидно, к этому примешивалась и та цена, что должен был дополнительно заплатить за назначение во власть московский князь. И опять взоры великокняжеской власти (теперь уже новой) обращаются в старом направлении: Торжок, Новгород, Брянск. Семен Иванович посылает своих людей к Торжку (бедный город, сколько же на его долю выпало испытаний!) для сбора дани, «посланницы же шедшее начаша обидети и силу творити» [ПСРЛ. т. 10, с. 212]. Его жители обратились к Новгороду за помощью. Новгородцы послали военную силу, которая схватила людей московского князя, сковала их и продержала в таком состоянии больше месяца. К Великому князю был отправлен Кузьма Твердиславич, который принес в Москву жалобу, больше похожую на вызов: «еще не сед у насъ на княжении, а уже бояре твои деют силно» [НПЛ, с. 352]. На это Семен приказал собирать войска походом на Торжок и Новгород.

Это известие вызвало в Торжке бунт: «и возсти чернь на

Въ лѣто 6848 (1340 год)

бояръ глаголющее: «почтъ естя Новгородцевъ призвали, и они наместников Семена Ивановича поимали, а въ томъ намъ всемъ погибнути» [ПСРЛ. т. 10, с. 212]. Рядовые жители Торжка (ведь практически страдают всегда именно они), испугавшись карательных действий московского князя, восстали против бояр, как всегда в таких случаях разорили их дома и имения, освободили людей московского князя, а «Новгородцевъ выпровадиша из города» [НПЛ,с.353].

Одновременно вспыхнуло восстание и в Брянске, откуда также планировал собрать дань московский князь. Туда даже был направлен митрополит Феогност. «Злые крамолницы, съшедшеся вечемъ» [ПСРЛ т.10,с.212] взбунтовали народ, который бросился громить дома бояр, и в результате был даже убит брянский князь Глеб Святославич. Вмешательство митрополита ни к чему не привело. Он не смог остановить толпу «не возможе унятии их» [НПЛ,с.353], все же сумел благополучно выбраться в Москву.

Семен Иванович в сложившихся условиях изменил тактику традиционных походов на Торжок, Новгород. Он собирает в Москве княжеский съезд: «бысть съездъ на Москве всемъ княземъ Русскимъ» [ПСРЛ т.10,с.212]. В.Н. Татищев добавляет: «помыслити о деле земском» [Татищев, 1965,с.94]. К сожалению, состав съезда плохо определяется. Помимо московских князей, летописи фиксируют князей Константина суздальского, Константина ростовского, Василия ярославского, а затем отделяются общей фразой: «и всиии князи». Присутствовал на съезде и митрополит Феогност и, очевидно, и все церковное руководство. Только у В.Н.Татищева записана речь Семена Ивановича, якобы произнесенная перед остальными князьями. Я все же оставил слово «якобы», по-

тому что больше оно не читается ни в одной русской летописи, и, может быть, это был домысел самого В.Н.Татищева. И все же я склонен доверять Татищеву, ведь он пользовался летописями, не дошедшими до нас, но от этого не потерявшими своего значения. Семен Иванович прежде всего говорит о необходимости единства русских князей, именно в нем было былое величие Руси времен Ярослава, Владимира Мономаха, Мстислава. С разделением князей возникли все проблемы: «друг друга начаху воевати, а князь великий их не слушаху» [Татищев, 1965, с.94]. В результате произошло завоевание Руси татарами, разорение городов, пленение людей «и дань тяшку возложиша» [там же]. И сила русская, по мнению Семена, возможна лишь в объединении: «токмо мене послушаете». Первое, что надо сделать, объединенными силами наказать новгородцев, привести их к покорности, «всем за един противу врага стати» [там же]. Следующим моментом - спор о «вотчинах». Семен считает – (приказывает) решать их не войной, а «судити перед князи». Великокняжеская власть должна решать спорные дела «о княжениях». И наконец, «а начнет кто войну и позовет татаря или тамо суда поисчет, и на того всем нам бытии заедин». [там же]. Это уже вызов. Необычайная программа для своего века.

Итак, на повестке дня – новгородские дела. Объединенные силы северо-восточных князей подошли к Торжку. Навстречу им вышло большое новгородское посольство во главе с архиепископом Василием, Яковом посадником, Авраамом тысяцким с просьбой о мире. В Новгородской летописи читаем: «и докончаша миръ по старымъ грамотамъ на всеи воли Новгородчкои и крестъ целоваша; а князю даща боръ по волости, а на новоторжцех 1000 рублевъ бяше е ту

Въ лѣто 6848 (1340 год)

и митрополит; и присла князь наместникъ в Новъгород» [НПЛ,с.353]. Все ли так описал новгородский летописец? Ведь у В.Н. Татищева содержится более жесткое, более драматическое описание событий, приведших к заключению договора. Так, он пишет, что новгородское посольство принял московский князь и поставил ультиматум: «аще хосчут милости и мира от мене, да придут пред мя посадники и тысяцкии боси и просят при всех князех на коленях. Они же наместника моего чтят, и вси пред ним кланяются, и не садятя, даже кому велит сести. Они же заплатят выход отца моего и мой и дадут побор черной со всеа земли, и, не спросяся, ни с кем не воюют» [Татищев,1965,с.94-95]. При этом Семен ссылается на требование Узбека: «Яко хан вся по его прозьбе сотворит» [там же]. Это была не просьба, это был приговор. Тем более на стороне Семена – все князья «низовстии», его поддерживает митрополит. И Новгородцам ничего не оставалось, как прийти босыми (и это-то зимой) и на коленях посадский и тысяцкий, склонив головы, слушали приговор Москвы. Новгородцы обещали дать ордынский выход и дань черную со всей новгородской земли, накопившуюся за два года, а с Торжка 1000 рублей новгородских.

Завершается этот год для новгородцев трагически. Собственно он весь таким был. Ведь еще летом этого года страшный пожар обрушился на Новгород. С какой горечью и печалью перечисляет новгородский летописец последствия пожара, все несчастья, что приключились с жителями: «Бяше великъ и лют пожаръ, с бурею и с вихромъ, яко мнети уже концина, по воде огонь горя хожаше и много люди истопи на Волхве» [НПЛ,с.351]. Вдобавок ко всему в городе начался грабеж и мародерство, «все пламенемъ взялось, а

иное, что хотя кто вынеслъ, злии человеци разграбиша . . . а иных над своимъ товаромъ побиша, а товаръ собе поимаша» [там же]. Сгорел дом архиепископа, погорели многие церкви, даже сгорел «великий мост», что построил владыка Василий. Страшное бедствие обрушилось на Новгород, и как финал - поражение от Москвы.

Въ лѣто 6849 (1341 год)

Но жизнь продолжается. Новгородцы рьяно принялись отстраивать свой город. Прежде всего архиепископ Василий взялся за ремонт главного храма Новгорода Софийского собора: «побилъ владыка Василии святую Софею свинцом что была погорела, и иконы исписа и кивот доспе» [НПЛ,с.353]. Вместе с этим стал отстраивать и собственный терем. Его кипучую деятельность прервал визит митрополита Феогноста: «со множеством церковного своего причта и со многими своими слугами, и бысть тяжко владыце Новгородцкому и Манастыремъ кормы и многими дары» [ПСРЛ т.10,с.212]. Цели посещения Новгорода главой русской церкви предельно ясны. С одной стороны, поддержать жителей сожженного города, а с другой, ясно читается желание пристегнуть своевольного владыку, еще туже стянуть ярмо московской зависимости.

Этот год знаменован тем, что умирает великий Гедемин – основатель русского-литовского государства. При нем на исторической карте Восточной Европы в кратчайший срок появилось новое политическое образование, включающее в себя земли покоренных Гедемином древнерусских княжеств во главе с Киевом. Как мы отмечали, древнерусский этнос преобладал среди общего массива населения, официальным

Въ лѣто 6848 (1340 год)

языком был славянский, древнерусский язык, большинство населения были православными. Сам Гедемин до конца жизни оставался язычником, приверженцем веры отцов и дедов. В своем последнем бою, освобождая замок Велон от войск Тевтонского Ордена, он был сражен выстрелом из пушки. Гедемин похоронен был в Вильно по древнелитовскому обряду. Он был сожжен на костре в воинском одеянии вместе с любимым конем, слугами. В жертву были принесены пленные немецкие рыцари. И все же Гедемин достаточно лояльно относился к христианской вере, видя ее могучую силу и используя ее в своих политических целях. Заключая союз с немцами, он обещал креститься по их вере. Когда нужна была сила православия, он использовал ее. Официально у Гедемина было две жены: первая – дочь смоленского князя Ольга Всеволодовна; вторая – Евна Ивановна Полоцкая [Щирокорад, 2008,с.60]. Обе были, естественно, православными, и дети, рожденные от них также были крещеными и носили двойные имена: литовское и христианское. В конце жизни Гедемин активно использовал своих повзрослевших сыновей: он назначал их наместниками в завоеванных территориях, либо, как в случае с Новгородом, по просьбе жителей той или иной земли, отправлял их защищать эту землю, включая тем самым ее в своеобразный протекторат. Подводя небольшой итог, можно констатировать, что на территории сегодняшней Прибалтики, Белоруссии, Украины к 40-м годам XIV века сложился мощный политический центр земель во главе с г.Вильно, способный не только противостоять немецкой агрессии, противодействовать Орде, но и объединять разрозненные силы в единое государство, аналог будущей России.

По сообщению летописи, у Гедемина осталось 7 взрослых сыновей: Наримант, Ольгерд, Евнутий, Кестутий, Кориад, Люборт, Монтивит [ПСРЛ т.10,с.213]. Евнутий после смерти отца находился в Вильно. Против него составили заговор братья Ольгерд и Кестутий. Они оса-

Ольгерд. Гравюра из «Описание Европейской Сарматии» 1578 год

диди Вильно, пытаясь завладеть городом и выгнать брата. Евнутий, видя что сопротивление бесполезно, тайно бежал из города, но, спасаясь, отморозил ноги и попал в плен к Кейстутию. Его некоторое время содержали под стражей, а затем отправили княжить в город Изяславль. Ольгерд и Кестутий заключили между собой договор о братской любви и совместных действиях, которому следовали всю жизнь. Ольгерд был объявлен Великим князем Литовским.

Как бы не был предвзятен к Ольгерду русский летописец, но он дает ему потрясающую характеристику, которой не удосужен ни один русский князь: «Сей же Олгердъ премудръ бе зело, и многими языки глаголаше, и превзыде властию и саномъ паче всехъ, и воздержание имяше велие, отъ всехъ плицей суетныхъ отвращашеся, потехы и играania и прочихъ таковыхъ не внимание, но прилежаще о дръжаве своей всегда день и нощ, и пианьства отвращашеся, и вина, и меда, и пива и всякого питиа пианьственаго не пиаше; от-

Въ лѣто 6849 (1341 год)

нюдь бо ненавидяше пианства, и велико воздержание имяше во всемъ: и отъ сего великъ разумъ и смыслъ приобрете, и крепку думу стяжа, и таковымъ коварствомъ многи страны и земли повоева, и грады и княжения поималъ за себя, и удрѣжа власть велию, и умножися княжение его паче всехъ, ниже отецъ его, ниже дедъ его таковъ бысть» [ПСРЛ т.10,с.213].

Но все это будет потом, а сейчас Ольгерд одним из первых своих военных действий организовал поход к городу Можайску. Это уже был прямой вызов московскому князю, считавшему город своей вотчиной. Если Гедемин основное свое внимание сосредотачивал на покорении Юго-западных земель Руси, то Ольгерд, как бы, определял в качестве приоритетного направления Северо-восточные княжества. Взять город не удалось. Разорив окрестные села, спалив посад, Ольгерд поспешил уйти восвояси. Наверно, не боязнь ответного удара со стороны московского князя (иначе зачем было нападать) заставило его прекратить осаду. «Немцы тое зимы приехавшее со всего силою, поставиша Новыи городокъ на реце на Пивжи, на Псковьской земле» [ПСРЛ т.5, вып.1.,с.18], – отмечает Псковская 1-ая летопись.

Угроза с Запада, со стороны немецких рыцарей, составляла еще одну опасность для русско-литовского государства и во многом являлась сдерживающим фактором последующей агрессии Ольгерда на московское княжество. Псков обратился за помощью к Ольгерду: «помощи прошати, ркущи тако братья наша новгородцы нас повергли, не помогаютъ намъ» [там же]. Правда, со слов Новгородской летописи, дело было совершенно иначе. Псковичи обратились за помощью к Новгороду, т.е. собрали войско, но в тот момент,

когда оно готово было к походу, псковичи отказались от помощи, переметнувшись к Ольгерду. Летописец Новгорода с укором пишет: «предашася плесковици Литве, отвергышеся Новагорода» [НПЛ с.354]. Мы не будем здесь выяснять, кто прав, кто виноват – констатируем лишь факты. А они таковы: Ольгерд принимает предложения псковичей, но ставит условие о назначении своего сына Андрея «так обо быаше имя ему молитвенное, а еще бе не крещень» [ПСРЛ т.5, вып.1,с.18] наместником города. Выгода для Ольгерда двойная: и сразиться с немцами, и взять под свой контроль такой лакомый кусок, как Псков. Андрей Ольгердович – будущий герой Куликовской битвы.

Ольгерд посылает к Новому городку разведку во главе со своим племянником Георгием Витовтовичем и «сретошася с великою ратию с немецкою ... они же идутъ на стояние ко Изборьску» [ПСРЛ т.5., вып.1, с.18]. Состоялся бой, в котором псковичи и литовцы были разбиты, а остатки войска бежали к Изборску. «Немцы приидоша ко Изборску с пороки и со грады и со многимъ замышлениемъ, и от супиша град, хотяше пленити домъ святого Николы» [там же]. Ольгерд вместе со своим братом Кейстутием расположился за рекою Великою, «а не ведушее под Изборскомъ рати». Он не решился вступать с немцами в от-

Печать Ольгерда

Въ лѣто 6849 (1341 год)

крытое сражение, предпочитая со стороны наблюдать за развитием событий. «А в то время притужно бяше Изборску и прислаша Изборяне гонецъ во Псковъ со многою печалию» [ПСРЛ т.5.,вып.1,с.19]. Ольгерд вновь предпочел не ввязываться в бой с немцами, а «псковичамъ единомъ не мощно бяше помощи изборяномъ» [там же]. 10 дней стояли немцы под Изборском. Взять хорошо укрепленный город они не смогли и «помощию святыя троица и молитвою святого отца Николы отъидоша прочь» [там же]. Вот так бывает: когда нет помощи от союзников, выручают лишь святые заступники. Псковичи в открытую обвинили Ольгерда в отсутствии желания воевать за город «много стомишася со княземъ». Они уже пожалели, что обратились за помощью к нему, но реальная военная угроза миновала, немцы ушли, и обвинения, как бы сами собой растворялись. Псковичи окрестили сына Ольгерда Андрея и «посадиша его княжение». Вот так Ольгерд и врага прогнал, сохранил свое войско, и Псков приобрел.

И еще одно, может быть, самое главное событие происходит в этот год. Умирает Великий хан Узбек. Умирает человек, с именем которого ассоциируется эпоха величия Золотой Орды. О времени его смерти в источниках нет единства. В русских летописях это событие отражено под 1341 годом, правда и здесь есть разночтения. В Новгородской первой летописи записано: «Тои же зимы умре цесарь Озбякъ поганый»; в других летописях временем смерти Узбека названа осень [ПСРЛ т.15,стб.54, Симеоновская летопись,с.140]. Важно, что это сообщение помещено под одним годом, что и смерть Гедемина. В восточных источниках смерть Узбека фиксируется весной 1342 года [Тизенгаузен, 1884.,с.263; 1941, 156

с.101]. М.Г.Сафаргалиев [Сафаргалиев, 1960] более склонен доверять данным арабских и персидских авторов, нам же кажется, что более точна русская летопись. Отразившееся событие, более важное именно для судеб Северо-восточных русских княжеств, и фиксируемая в летописях хронология более верно отражает цепь последующих действий и событий.

По завещанию Узбека вся власть в Золотой Орде должна была перейти его старшему сыну Тинибеку. При жизни отца он выполнял многие его поручения, принимал участие в управлении государством. На момент смерти Узбека Тинибек в Орде не было. По поручению отца он находился в Средней Азии, в Ак-Орде. Получив известие о смерти хана, Тинибек поспешил в Сарай, чтобы занять отцовский престол. Но в это время его мать Тайдула подговорила знатных эмиров устроить заговор против Тинибек и возвести на престол своего другого сына Джанибека [Тизенгаузен, 1884,с.263-264]. В чем проявлялась ее неприязнь старшего сына и особая любовь к другому, сказать сложно. Из «Историй Шейх-Увейса» мы узнаем, что «Джанибек начал восстание против (своего) брата (Динибек), между ними произошло сражение, (в котором) Динибек был разбит и взят в плен. Джанибек казнил его и сел на отцовский престол, он погубил так же Хизрбека и завладел престолом царским» [Тизенгаузен, 1941,с.101]. Вот так, через братоубийство Джанибек захватил отцовский престол и стал Великим Ханом. Это во многом произошло только потому, что нашлись силы, поддержавшие его незаконные действия. Источники об этом естественно молчат. Исследователь может выдвигать свою версию, основываясь на цепи логических размышлений.

Въ лѣто 6850 (1342 год)

Моя версия во многом не оригинальна. Во времена правления Узбека, периода спокойствия и благополучия, сложилась мощная клановая система из Эмиров, управляющих той или иной территорией Орды (как это показал Ибн Баттута). Улусная аристократия под сенью Узбека значительно окрепла, превратившись в мощную силу, оказывающую особое влияние на ход исторических событий. В этой ситуации ей интереснее было поддерживать именно узурпировавшего власть Джанибека, нежели его брата. Новый хан в результате оказался заложником ситуации, в полной зависимости от улусных эмиров, что через определенное время приведет к резкому размеживанию Орды, и наступит время «великой замятни». Но это будет уже после смерти Джанибека. А пока страна по инерции переживает период высшего подъема, хотя уже становится заметным, что закладываются основы будущего раскола и упадка Орды. Первый звонок как раз и прозвучал, когда стали возникать распри среди самих чингизидов. Они жили сегодняшним днем. Будущие перемены видятся лишь потомкам, когда они уже совершались. У исследователя есть же возможность не только фиксировать, но и анализировать причинно-следственные связи.

Въ лѣто 6850 (1342 год)

В мае 1342 года московское посольство во главе с Семеном Ивановичем отправилось в Орду. Должен был состояться своеобразный обмен «верительными грамотами». В это время в Орде уже находилась практически все князья Северо-Восточной Руси, подвластные Орде. Летопись отмечает Константина суздальского, Константина тверского, Константина ростовского, Василия ярославского

[ПСРЛ т.15,стб.54]. Вместе с московским князем в Орду отправилось и церковное посольство во главе с митрополитом Феогностом. Всем им предстояло получить расположение нового хана Золотой Орды и при благоприятном стечении обстоятельств получить соответствующие ярлыки на их княжества. По всей видимости, прошло все доста-

Симеон Иванович. Русский биографический словарь

точно равно и спокойно. Если Танибека русские князья плохо знали, он почти все эти годы находился в Ак-Орде, то Джанибек был им хорошо знаком. И нельзя сбрасывать со счетов влияние его матери Тайдулы, женщины не только коварной, но и властолюбивой. Именно через нее решались многие дела при Джанибеке.

Русские князья возвратились в свои вотчины. Летопись сообщает о возвращении из Орды Семена Ивановича, но без обычного в таких случаях «с честью и пожалованием». Наверно, камнем преткновения стало нижегородское княжество, выделенное Узбеком незадолго до смерти из состава владимирского княжества, суздальскому князю Константину Васильевичу [ПСРЛ. т.15,стб.54]. Джанибек подтвердил ярлыки, не захотев ничего менять.

Труднее пришлось митрополиту Феогносту. Очевидно, кто-то из русских церковных иерархов, желая выслужится перед новым ханом, донес на митрополита, что он якобы

Въ лѣто 6851 (1343 год)

скрывает часть церковного дохода, идущего в Орду «полетныа дани». Тяжело пришлось митрополиту: «царь же про то дръжа его в тесноте» [ПСРЛ т.10,с.215]. И только раздав «царю, царице и княземъ» 600 рублей, был отпущен на Русь.

По-своему решил хан Джанибек и разногласие среди рязанских князей. Пронский князь Ярослав прибыл в Орду жаловаться на рязанского князя Ивана Ивановича Коротопола за убийство своего отца Александра Михайловича. Коротопола в Орде по какой-то причине не было. Хан дает ярлык на княжение Рязанское пронскому князю и в сопровождении ханского посла Киндяка Ярослав «прииде съ татары къ Переславлю Рязанскому» [ПСРЛ т.10,с.215]. Князь Иван не захотел подчиниться ханскому приказу и затворился в городе. Пришлось начать штурм города, и, видя невозможность его удержать, Иван Иванович ночью тайно бежал. «Посоль Киндякъ съ Татары вниде во градъ, и много зла сотвори христайномъ: иныхъ изби, а иныхъ плени» - [там же]. Интересно, с каким чувством наблюдал за этим побоищем Ярослав Александрович, или сам принимал в нем деятельное участие?

Въ лѣто 6851 (1343 год)

Вновь пожар на Москве, «се же убо четвертый пожарь бысть въ тринадцатъ летъ на Москве» [ПСРЛ т.10,с.215]. Вновь нужно отстраивать город, налаживать жизнь. Семен Иванович очень болезненно переживал утрату нижегородского княжества. Мы помним, что в момент смерти своего отца он находился в Нижнем Новгороде в качестве наместника. Там у него появились свои сторонники, единомышленники. Передача города Константину Васильевичу Суз-

дальскому негативно сказалось на участи нижегородского боярства. Семен Иванович сделал попытку захватить город, что вызвало резкое сопротивление со стороны Суздаля. До активных военных действий дело не дошло, и спор князья перенесли в Орду, «и бысть имъ въ Орде судъ крепокъ» [ПСРЛ т.15,стб.55]. Джанибек, следуя принципам своего отца, сохранил ярлык за Константином Васильевичем, более того и выдал ему нижегородских бояр, поддерживающих московского князя. Придя в Нижний Новгород, Константию «имение ихъ взя, а самехъ повеле казнити по торгу вода» [там же].

Неизвестно, при каких обстоятельствах был убит Иван Иванович Коротопол, на что летописец назидательно замечает: «понеже убиль брата своего...и самъ тую же чяшу испиль» [ПСРЛ т.10,с.215].

Псковичи отвечают немцам ударом на удар. В мае они вместе с изборцами «поехаша воевати земли Немецькия» [ПСРЛ т.5., вып.1,с.20]. Разграбив окрестности городка Медвежья Голова, они в порыве азарта углубились так далеко, «где то не бывали ни отцы ни деды» [там же]. Возвращаясь с награбленным, они встретили немецкий отряд, спешащий своим на выручку, «и бысть побоище велико» [НПЛ,с.356]. Новгородский летописец отмечает большие потери с обеих сторон, но особо выделяет трусливость псковского посадника Данилы, «обрезавъ брони на себе и побеже» [НПЛ, с.357]. И все же псковичи чувствовали себя победителями: «у немец же взяша весь сбыток их и множество коней и оружия» [Татищев,1965,с.97].

Въ лѣто 6852 (1344 год)

Въ лѣто 6852 (1344 год)

Джанибек в очередной раз собирает русских князей в Орде. Летописи не отмечают причины сбора. Очевидно, хану нужны были деньги для ведения военных действий в Крыму, но главным, наверно, является устранение внутренних неурядиц в Северо-Восточной Руси. К этому времени умирает Ярослав Александрович пронский, нужно было загасить конфликт в Рязанском княжестве. Проблем было много, и хан доверяет решать их московскому князю. Семен возвращается в Москву «с пожалованием и со мною честию..., ему же хан все князи русские поручи» [Татищев, 1965,с.98].

В этом году умирает правитель Ак-Орды [Синей Орды] Эрзен. Во времена Узбека «он во всем проявлял подчинение и повиновение». С его смертью начались сепаратистские тенденции в Синей Орде. «Аноним Искандера» так описывает эти события: «После него (Эрзена) сын его Мубарек-Ходжа из-за большого желаня и жадности начал смуту и до сих пор эта смута известна в Дешт-И-Кыпчаке. Так как у людей в характере сидели безопасность и устойчивость, и они привыкли к спокойствию, то эти смуты не достигли больших размеров. Через 6 месяцев он распростился с подобной рау равнине Сарая и еще 2 года и 6 месяцев бездомно скитался в краях и странах киргизов и Алтая, пока не погиб там. После него его брат по указу Джанибек – хана стал правителем его улуса» [Тизенгаузен, 1884,с.130]. Хан Шимтай (Чимтай), ставленник Джанибека, во всем слушался своего покровителя. Но именно при нем начался процесс зарождения сепаратизма, и потомки Шимтая будут претендовать на великоханский престол.

Въ лѣто 6853 (1345 год)

Летописи отмечают еще одну очень интересную деталь. В то время, пока Семен Иванович находился в Орде, на Москве стали расписывать две церкви. Одну, церковь Святой Богородицы, по приказу Феогноста стали расписывать греческие мастера. В церковь Святого Архангела Михаила Великий князь Владимирский нанял уже русских мастеров, «въ нихъ же бе старейшины и начальники: Захариа, Денисей, Иосифъ, Николае, и прочии дружина ихъ» [ПСРЛ т.10, с.216]. Это первое упоминание в русских летописях в послемонгольское время самобытных русских мастеров. При помощи византийских живописцев (может быть, Феофана Грека) возродилась слава русских иконников. Правда, в этот год дело чуть не обернулось конфузом. Греческие мастера завершили свою работу в срок, а русские «не дописаха ее того лета величества ради и мелкаго писма» [ПСРЛ т.10,с.216], стыдливо оправдывает летопись недоработку русских мастеров.

Въ лѣто 6853 (1345 год)

В Новгороде необычайный строительный бум. Благодаря неиссякаемой энергии архиепископа Василия была заложена и в этом же году построена церковь св.Пятницы, церковь в честь святых Кузьмы и Демьяна, церковь св.Спаса на Ковалеве, «поновлена бысть церкви святыи Георгии, покровенъ бысть новым свинцомъ» [НПЛ,с.357]. В Твери владыка Федор в соборной церкви святого Преображения «Сотвори двери медные» [Татищев, 1965,с.98]. «Тое же весны почаи подписывать церковь святого Спаса на Москве, а мастеръ старейшина иконникомъ Гоитанъ», - отмечает Симоновская летопись. Во всем этом чувствуется растущая мощь русских земель. Уж каких только испытаний не выпало

Въ лѣто 6853 (1345 год)

А.М. Васнецов. Новгородский торг

на долю наших далеких предков в те годы. Но ни страшные пожары, ни неурожаи и голод, ни ордынская дань – ничто не сломило дух народа. Через храмы, через церковное искусство Русь набирает силы, расправляет крылья. Как жалко, что мы ничего не знаем об этих первых русских мастерах. Ведь, наверно, не будь их, и не возшла бы звезд и великого Андрея Рублева. Но история безжалостно сбрасывает в небытие многих, может быть, более талантливых. Вот почему так важно хотя бы частично «озвучить историю», вспомнить добрым словом давно ушедших и никому не известных Захария, Денисея, Иосифа, Николая, Гоитана и «прочии дружина ихъ», закладывавших основу славы русского искусства средних веков.

«Того же лета преставися велика княгини Семенова Ивановичя Анастасия въ черницахъ и въ схиме, ро-
164

Въ лѣто 6854 (1346 год)

домъ Литовъка, а прозвище ей бысть Литовское Августа» [ПСРЛ, т.10, с.216]. Сам факт смерти молодой еще женщины, достаточно обычен для эпохи средневековья. Мы не знаем, что стало причиной ее кончины. Здесь надо отметить политический аспект. Недолг был династический союз Москва и Литвы, и со смертью Августы – Анастасии он совсем обрывался.

А в самой Литве этот год выдался очень беспокойным. Острая распря вспыхнула между братьями Гедиминовичами. Ольгерд и Кестутий, «приидоша безвестно изгоном», напали на своих братьев Наримана и Евнутия, находившихся в Вильно (Вильнюсе) и выгнали их из города. Нариман ищет покровительства в Орде у Джанибека, а Евнутий через Псков, Новгород бежит в Москву к князю Семену Ивановичу. В Москве его принимают достойно. Евнутия крестят по православному обряду, называют Иваном и определяют на московскую службу.

Князь Семен не долго горевал по поводу смерти своей жены. В этом же году Семен Иванович взял в жены дочь смоленского князя Федора Святославича Евпраксию. Возможно, и в этом браке был политический аспект. Пограничное смоленское княжество, зависшее между Литвой и Московским княжеством, требовало особого внимания. Интересно отметить, что в этот же год взяли себе жен и братья Симеона Иван и Андрей: «все три браты единаго лета женишася». [ПСРЛ т.10, с.216]. Вот уж дети Калиты: зачем большие расходы на свадьбы, когда можно сыграть одну на всех.

Въ лѣто 6854 (1346 год)

Торжественное событие отмечалось в этот год в Мо-

Въ лѣто 6854 (1346 год)

скве. Мастер Борис, «римлянин», отлил три больших колокола и два малых. Одновременно закончили мастера расписывать каменные церкви святого Спаса, святого Михаила и святого Иоанна Лественичка. Чудным гулом наполнилась Москва, был великий праздник, великая народная радость. Что - бы хоть как-то прочувствовать атмосферу Руси тех лет, я обязательно рекомендую своим студентам, а теперь и читателям внимательно просмотреть фильм «Андрей Рублев» Великого мастера Андрея Тарковского. Митрополит Феогност и Семен Иванович украшают свою столицу, делая ее духовным центром русского православия.

Князь Семен Иванович с младшими братьями, с митрополитом Феогностом встречают новое посольство из Новгорода, которое возглавлял архиепископ Василий. Иерархи обменялись подарками, Митрополит благословил Василия и взял у него диакона Кирилла, «его же гласъ и чистота язычная всехъ превзыде» [ПСРЛ т.10,с.217]. Причина приезда Василия заключается в возникшем конфликте между новгородцами и Ольгердом. Литовский князь с большим войском вторгся в Новгородские земли и «ста в Шелоне, на усть Пшаги реки, а позывая новгородцевъ» хочю с вами видетися; лаялъ ми посадникъ ваш Остафеи Дворяницъ, назвал мя псомъ» [НПЛ, 358]. Войско Ольгерда разорило много селений по рекам Шелонь и Луга, а с города Порхове взяли откуп в размере 300 рублей. В Новгороде стихийно вспыхивает вече. Новгородцы укоряли во всех бедах посадника: «ты брань сотвориль еси, и тако всю землю нашу въ полонъ поведоша, кто ти велель лаяти королю?» [ПСРЛ т.10,с.217]. Разгневанные жители убивают посадника, и удовлетворенный Ольгерд с большой добычей возвратился восвояси.

Вот это событие и стало причиной визита новгородцев в Москву. Они вновь ищут защиты и покровительства у московского князя и просят его прибыть в Новгород. Прежде чем отправиться к новгородцам, Семен Иванович решает свои семейные проблемы. Он решил расстаться со своей второй женой Евпраксией. Буквально через несколько месяцев после свадьбы Семен отправляет жену к ее отцу, мотивируя тем, что «она на свадьбе была испорчена и всякую ночь казалась супругу мертвецом» [Карамзин, 1998, с.170]. В условиях средневековья свадьбы устраивались таким образом, что жених и невеста могли впервые увидеть друг друга лишь в момент венчания. Такие браки держались лишь на церковных узах и очень редко были счастливы. Семен Иванович решил нарушить церковный завет и разорвал свой брак.

Прибыв в Новгород, Семен Иванович «мног поряд в людях учини и многу власть у посадника отъя, а смердъ вся ево любляше, и оставль наместника, сам иде на Москву» [Татищев, 1965, с.99]. Новгород опять жертвует определенной долей независимости, чтобы иметь сильного покровителя. Очевидно, Семен Иванович виделся им более сильным и надежным, чем Ольгерд.

Нешуточный скандал разгорелся внутри княжеской семьи в Тверской земле: «князю Константину Михайловичю Тверскому бысть нелюбие съ княгинею съ Настасьею а со княземъ со Всеволодомъ Александровичемъ, и нага имати бояре ихъ и слуги въ серебре за волости, чрезъ людцкую силу, и бысть надъ ними скорбъ велика» [ПСРЛ т.10, с.217]. Княгиня, очевидно, считала своего сына Всеволода обделенным и затеяла интриги против тверского князя. В результате Всеволод Александрович вынужден был бежать в Москву, а

Въ лѣто 6854 (1346 год)

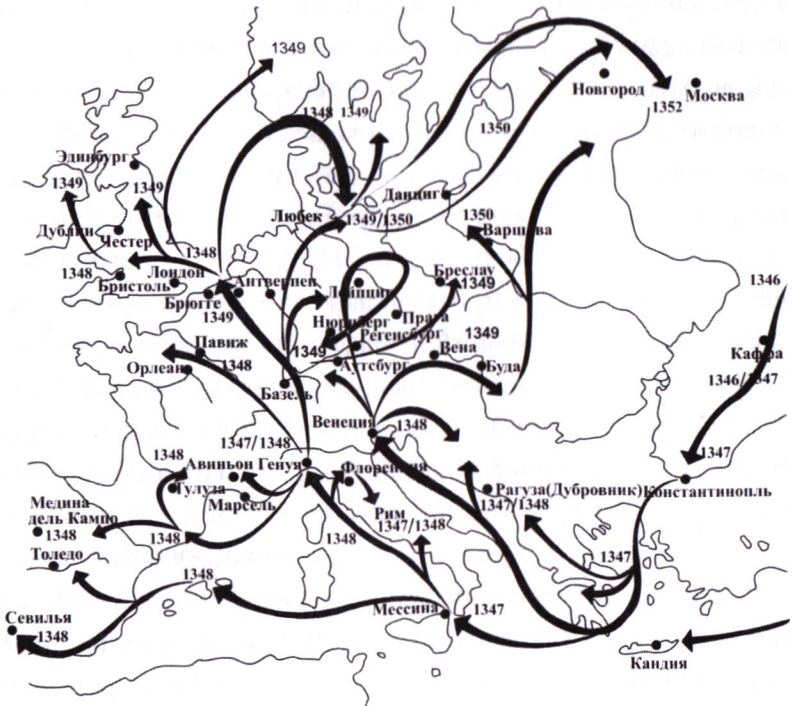
князь Константин Михайлович в спешном порядке поспешил в Орду заручиться поддержкой Джанибека. В Москве князь Всеволод, очевидно, получил благословение Семена Ивановича и митрополита и также решил отправиться в Орду на княжеский суд.

Спор тверских князей хан Джанибек разрешил в пользу Всеволода Александровича. Состояние здоровья бывшего тверского князя Константина Михайловича было сильно подорвано, и, узнав о решении хана, он скончался. Великим князем Тверским был объявлен Всеволод Александрович. А в это время его дядя Василий Михайлович Кашинский пограбил удел своего племянника Всеволода и с собранной данью также поспешил в Орду за ярлыком на Тверское княжение. Но он опоздал. На обратном пути новый тверской князь в сопровождении ханского посла встретил своего дядю, спешащего в Орду. Посол объявил решение хана, и на радостях племянник ограбил своего дядю, «князь же Василей Михайловчъ Кашинский опечалися зело отъ братаничя своего Всеволода Александровичя Хольмскаго и Тверскаго, даде бо ему царь Чанибекъ все княжение Тверское» [ПСРЛ.т.10,с.218].

И наконец, еще одно известие этого года. Страшное бедствие, «черная смерть» - чума хлынула в южнорусские степи. Зародившись где-то в степях Центральной Азии, она врывается в процветающий юаньский Китай, в мгновении ока уничтожает по разным подсчетам свыше 11 млн жителей. Затем моментально распространяется по территориям Великого шелкового пути, разносясь вместе с торговыми караванами, достигает Греции, Сирии, Египта. Особенно чума лютует в городах Золотой Орды. Впрочем, предоставим слово летописцу: «того же лета бысть казнь отъ Бога на люди

Въ лѣто 6854 (1346 год)

подъ восточную страну въ Орде и въ Орначи, и въ Сарай, и въ Бездеже, и въ прочихъ градахъ и странахъ бысть моръ великъ на люди, на Бесермены и на Татары, и на Армены и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на прочая человеки, таможивущая вънихъ. Толь же силенъ бысть моръ въ нихъ, яко бе мощно живымъ мертвыхъ погребати» [ПСРЛ.Т.18,с.142]. Чума проникает в Крым. Есть предание, что Джанибек, штурмуя генуэзскую крепость, забросил при помощи катапульты в город труп человека, умершего от чумы. Это вызвало громадную панику в городе. Люди в страхе бросились на корабли, желая спастись от проклятого места ..., и вместе с этим генуэзские корабли привезли чуму

Карта распространения чумы

Въ лѣто 6855 (1347 год)

в Италию. Оттуда «черная смерть» моментально распространилась по всей Европе. В это время между Францией и Англией шла знаменитая 100-летняя война. Так вот от чумы пострадало больше людей, чем от всех военных действий. Целые города обезлюдели. В Лондоне за один раз в одной могиле было похоронено свыше 50000 человек. В общем, масштабы бедствия были всемирными и всенародными. Русь эта беда пока не затронула.

Въ лѣто 6855 (1347 год)

Новгородско-шведские отношения совершенно неожиданно перешли в иную плоскость. Шведский король Мангуш вместо военной баталии предлагает устроить диспут о вере. В его послании к Новгороду говорится о необходимости созвать церковный собор, на котором представители западной и восточной христианской веры могли бы определить, чья вера лучше. «Аще ваша вера будет лучши, язъ иду в вашу веру; аще ли будет наша вера лучши, вы поидите в мою веру и будем все за одинъ человекъ» [НПЛ, с.359] – цена вопроса необычайно велика: проигравшая сторона принимает веру победителя. При этом Мангуш действует с позиции силы: «или не поидете в одиначьство, язъ хошю ити на вас со всею моею силою», - сообщает новгородский летописец. Король Мангуш был уверен в своих церковных философов. К этому времени Швеция, по мнению Е.Е.Голубинского, была более образованной, нежели Русь, имела своих богословов, и Новгород практически не имел шансов на победу [Голубинский, 1997, С.165]. Ответ владыки Василия был уклончивым: «аще хочещи уведати, коя вера лучши, наша ли или ваша пошли къ Цесарьскому граду к патриарху, занеже мы прияли

от Гричь правоверную веру, а с тобою не спираемся про веру» [НПЛ,с.359]. Очевидно, и мудрый архиепископ чувствовал слабость собственных позиций. За поддержкой он обращается к митрополиту. Отказ от диспута резко разозлил Феогноста. Один из образованнейших людей своей эпохи, митрополит был глубоко уверен в истинности своей веры и даже ни на секунду не сомневался в возможной победе. Он послал гневное письмо архиепископу, в котором укорял Василия за нежелание церковного диспута [Татищев, 1965,с.101].

Письмо Феогноста немного опоздало. Василий уже отправил свой ответ Мангушу. Доставить его должно было новгородское посольство, возглавляемое тысяцким Аврамом и Кузьмой Твердиславовичем. Митрополитчье послание отправили вдогонку посольству. Встреча состоялась в городке Орехове. Тысяцкий Авраам остался в городке, т.к. его жители боялись нападения шведов. К королю, находившемуся на Березовом острове, он отправил с митрополитчим посланием Кузьму Твердиславича. Письмо Феогноста немного отрезвило шведского короля. Воевать еще и с Москвой вовсе не входило в его планы. В его ответе содержится уже более уклончивое требование: «обиди ми с вами нитут ни коеи, поидите в мою веру; а не поидете, иду на васъ со всею моею силою» [НПЛ, с. 359]. Услышав ответ, Кузьма Твердиславич поспешил убраться в Орехов, где его ожидал тысяцкий, и совместно они стали укреплять город, готовясь к нападению шведов.

Мангуш «со всею своею силою» осадил городок. Часть своего войска король отправил грабить окрестные ижорские земли. Местное население подверглось насильному крещению в католическую веру, а тех, кто не желал креститься, «на

Въ лѣто 6855 (1347 год)

тых рать пустить» [НПЛ, с. 360]. Воспользовавшись тем, что основные силы шведов оказались разбросанными по окрестностям, новгородцы во главе с Анцифором Лукичем совершили отчаянную вылазку. Они разбили шведский отряд, оставшийся под Ореховым «избиша Немцовъ 500, а иныхъ живыхъ изимиша, а переветниковъ казниша; и приихаша новгородци вси здрави, разви 3 человеки убиша новгородцовъ», - подводит итог новгородская летопись. [НПЛ, с.360].

Действия новгородцев немного утомили пыл шведского короля, но тем не менее чувствовалось, что более серьёзных военных действий не избежать. Основные силы новгородцев на зиму уходят в Ладугу. Новгородский посадник Федор Данилович и московский наместник обращаются к Семену Ивановичу за помощью. «Радъ, поеду к вам» [НПЛ, с.360], - был его ответ.

Но для московского князя более важными оказались его личные дела. Он решил в третий раз жениться. И выбор его пал на дочь казненного Александра Михайловича Тверского. С этой целью в Тверь было отправлено московское посольство, возглавляемое Андреем Кобылой и Алексеем Босоловком. Женитьба в третий раз противоречила всем христианским нормам и этому решительно, может быть, первый раз в своей жизни, воспротивился митрополит Феогност. Пришлось собирать церковный собор, но и он не пришел к окончательному решению. Тогда Феогност посылает в Константинополь запрос «благословения просить» [ПСРЛ. Т. 15, стб. 57]. А пока пришел ответ, Великий князь успел и жениться, и 15 декабря у них родился сын Даниил [там же].

Въ лѣто 6856 (1348 год)

В тяжелой ситуации оказывается князь литовский Ольгерд. В начале этого года резко обостряются литовско-немецкие отношения. Ливонский орден напал на Литву: «и бысть имъ бой великъ зело и убиша немцы Литвы чetyредесять тысящъ» [ПСРЛ, Т.10, с.218]. В состоянии войны Ольгерд находился и с польским королем Казимиром III. В это время резко обостряются и московско-литовские отношения. А.А.Горский связывает это событие с пребыванием в Москве Явнута, брата Ольгерда, которого Симеон, возможно, решил использовать как разменную монету [Горский, 2000, с.75]. Воевать на несколько фронтов никак не входило в планы Ольгерда. И тогда он предпринимает очень тонкое дипломатическое решение. Он ищет помощи в Орде. К Джанибеку направляется литовское посольство во главе с братом Ольгерда Кориядом просить заступничества от Москвы и ордынской помощи. Но еще тоньше сыграл московский правитель. Узнав о посольстве Ольгерда, он спешит отправить в Орду свое. Послы московского князя уверяют Джанибека в искренности действий Симеона Ивановича: «Ольгердъ улусы твои все высекъ и въ полонъ вывелъ, а еще хочеть и насъ всехъ вывести къ себе въ полонъ, а твой улусъ пусть до конца сотворити; и тако обогатевъ Олгердъ Гедимановичъ хочеть тебе противенъ быти» [ПСРЛ. Т.10,с.219]. Еще раз отметим: как тонко дипломатически сыграл московский князь! Он - покорный улусник Джанибека, охраняющий ханскую территорию. И посягательства Ольгерда на московские земли, это посягательство на хозяйское добро, за которым верно следит московский князь! Вот в этот момент, как мне кажется, читается высшая точка зависимость Севе-

Въ лѣто 6856 (1348 год)

ро – Восточных княжеств от Золотой Орды. И дело не только в выплате дани, получении ярлыка на княжение – дело в сознании людей. Мы твои улусники, подвластные, хан, только тебе. Значит, и земля твоя, и города, и люди - все принадлежат тебе. Конечно, же хан поступил как человек, на чью собственность посягает противник. Он выдает Корияда и других литовских послов москвичам и вместе со своим послом Татуем отправляет их к Семену Ивановичу.

Между тем Мангуш штурмом взял г.Ореховец. Взяв с города выкуп, король оставил в нем свой гарнизон, а сам, забрав в плен новгородского посадника Авраамия «поиде отъ городка прочь» [НПЛ, с.360]. Семен Иванович немедля поспешил на помощь новгородцам. Но дойдя до Торжка, он получил известие, что из Орды возвратилось его посольство с ханским послом и литовскими пленниками. Князь сразу же возвратился в Москву, а в Новгород отправил своего брата Ивана Ивановича и «рати много». Но князь Иван, узнав о взятии Ореховца, практически бежал из Новгорода, «не принявъ владычня благословления и новгородчкого челобитья» [там же].

Действия Семена Ивановича вполне объяснимы. Для него важнее решения Орды, чем защита далеких новгородских рубежей. В этой же связи надо рассматривать и действия его брата. Хотя здесь трудно сказать, был ли на это приказ из Москвы или проявилась нерешительность и трусость Ивана Ивановича – судить трудно. Так или иначе новгородцам самим пришлось решать эту проблему. Новгородский посадник Федор Данилович собрал много людей и вместе с псковичами пошел на Ореховец. Осадив город, нападавшие пришли к убеждению, что быстро его взять трудно, и при-

готовились к длительной осаде. Очевидно, подобные действия не входила в планы псковичей. В лагере осаждавших вспыхнули разногласия. Псковичи не желали долго стоять под Ореховцем, за что получили упрек со стороны новгородцев: «дали есмя вамъ тако, что посадникомъ нашимъ у васъ во Пскове не быти ни судити, а отъ владыкы судити вашему Псковитину, а изъ Новьгорода васъ не взяти и не позывати ... бо намъ естя Псковичи, и Новугороду Псковь братъ младшей, но скоро забысте любовь сию и жалование, и не хотите потръпети и супротивныхъ устрашити». [ПСРЛ т.10,с.220]. Новгородцы просили, что если псковичи хотят уйти, то должны это сделать ночью, тайно, чтобы противник не догадался. Псковичи, союзники Новгорода, участвующие в совместном походе повели однако себя неадекватно: «въ полъдни поидома отъ нихъ въструбивше въ труды, и бившее въ бубны, и въ сопели и въ посвистели; немци же видевшее начаяша смеяться» [ПСРЛ т.10,с. 220]. Чем были обусловлены такие действия псковичей? Возникшими разногласиями внутри войска, нанесенной псковичам некой обидой? В очередной раз приходится констатировать, как трудно анализировать отрывочные и скудные сообщения летописей. Вот и этот эпизод. Он описан лишь в Никоновской летописи XVI века. Казалось бы, Новгородская летопись, повествующая о взятии Ореховца [НПЛ,с.361], должна была подробно описать и действия псковичей, но этого нет. В самих псковских летописях события трактуются несколько иначе. Немцы, нарушив договор со Псковом, «поидоша ко Псковоу подле Великоую рекоу, воюючи села и подъехавше, пожгоша хоромы на Завеличье и поидоша ко Изборскоу воюючи села псковскии и изборскаа, а псковичи тогда бяшаоу Ворешка» (вы-

Въ лѣто 6856 (1348 год)

делено мною – В.Е.) [ПСРЛ т.5, вып.2.,с.98]. Думаю, все же именно военная опасность заставила покинуть псковичам лагерь под Ореховцем, а весь звуковой антураж был придуман поздним летописцем.

Оставшись под Ореховцем одни, новгородцы еще с большей яростью приступили к осаде города. Посредством переметов им удалось поджечь город. Часть жителей погибла в огне, а остальных «исекоша, а иных живыхъ изымаша» [НПЛ,с.361]. В разоренном городе остался новгородский гарнизон во главе с Яковом Хотовым и Александром Борисовичем [НПЛ,с.361]. Но по-прежнему беспокойно оставалось в этом регионе. Есть краткое упоминание об убийстве немцами брата Ольгерда Нариманта Гедеминовича: «а с нимъ князей и воевод и Литвы множество побища» [ПСРЛ т.10,с.220]. За краткостью летописных строк скрывается напряженная борьба всех со всеми. Немцы, Шведы, Литва, Новгородцы – все хотят владеть этой землей и ведут за нее ожесточенную борьбу.

А в это время с новой силой разгорается ссора среди тверских князей. На этот раз между сыном убитого Александра Михайловича Всеволодом Холмским и его братом Василием Михайловичем Кашинским. На правах старшего в роду Василий Михайлович хотел стать и тверским князем. И хотя хан Джанибек утвердил тверским князем Всеволода Александровича, Василий Кашинский не оставил надежду отнять у племянника тверской стол. Их спор был перенесен в Орду. Более полугода находились тверские князья у хана. Князь Василий путем подкупа практически решил дело в свою пользу, но тут вмешалась мать хана, устыдившая судей, что нарушается главный принцип: наделения землей от отца

Въ лѣто 6857 (1349 год)

к сыну. Так и было ханом решено: тверским князем был назван Всеволод Александрович, а его дядя остался кашинским князем. Но это решение не удовлетворило Василия Михайловича: «и сотворися между ими нелюбие, а людям тверским тягость, и мнози люди тверские того ради нестроения разыдошася» [Татищев, 1965,с.103]. Дело чуть не переросло в военный конфликт: «и мало кровопролития не бысть межи ихъ [ПСРЛ т.10,с.221].

Въ лѣто 6857 (1349 год)

Разгорающийся княжеский конфликт еле-еле удалось погасить тверскому епископу Федору. Он силой «крестного целования» сумел убедить Всеволода Александровича уступить тверской стол своему дяде. Это решение и этот поступок труднообъяснимы. Сообщений о тверском конфликте нет в ранних летописях, оно содержится лишь в поздней летописи XVI века, в Никоновской [ПСРЛ т.10,с.220-221]. В результате причинно-следственные действия выявить очень трудно. Необъяснимо, почему Всеволод так легко расстался с тверским княжением. На нем он был утвержден ханской властью, пользовался всесторонней поддержкой и покровительством Москвы. Напомню, что после казни в Орде Александра Михайловича Москва предпринимает значительные усилия, чтобы «привязать» к себе Тверское княжество, сделать его правителей послушными исполнителями воли Великого князя Владимирского. Поначалу ей этого не удавалось. Назначенный Узбеком в 1339 году, тверской князь Константин Михайлович проводил очень осторожную и в то же время последовательную антимосковскую политику. Мы не видели его в составе коалиции русских князей в по-

Въ лѣто 6857 (1349 год)

ходе на Смоленск, организованном Иваном Калитой по требованию Орды. После смерти Ивана Даниловича он вместе с Василием Давыдовичем Ярославским и Константином Васильевичем Суздальским пытается не допустить перехода ярлыка на Великое княжение его сыну Симеону Ивановичу [ПСРЛ т.7,с.237]. Когда стал ордынским ханом Джанибек, вновь эти три князя борются с Москвой за великокняжеский ярлык. Несомненной заслугой Константина Михайловича, по словам Э.Клюга, после всех ударов, обрушившихся на Тверь, ему удалось добиться определенной консолидации и утвердить независимость Твери по отношению к Москве [Клюг,1994,с.162]. И тогда Симеон Иванович стал действовать иначе. Он привлек на свою сторону представителей младшего поколений тверских князей, и прежде всего сына убитого Александра Михайловича Всеволода. В начале 1347 года он женился на его сестре Марии, и, конечно, благодаря усилиям Симеона, Всеволод Александрович получил в Орде Тверское княжение. Таким образом, Московский князь приобрел себе союзника, который должен был следовать к фарватеру политики Семиона Ивановича. Но вот что-то не заладилось. Мы не знаем, в силу каких обстоятельств Всеволод «добровольно» уступает тверской стол своему дяде. Как в этой ситуации вести себя московскому князю? Он ведет тонкую дипломатическую игру, стремясь исправить ухудшившуюся ситуацию.

В начале 1349 года в Москву прибывает большое посольство от Ольгерда Гедиминовича, «бити челомъ за своего брата Корьяда и за бояръ и за его дружину за Литву со многими дары, просящее мира и живота своей братии [ПСРЛ т.15,стб.59]. Мы помним, что Джанибек выдал московскому

князю литовское посольство, и вот сейчас все они во главе с братом Ольгерда Кориядом, находились в плену у Симеона. Ольгерд просит мира и союза. Ситуация для Литвы в это время была патовой. В прошлом году литовцы потерпели сокрушительное поражение от Ордена на р.Стреве [Греков, 1975,с.52]. Но самая главная опасность для Ольгерда исходила из Польши. Казимир III, будущий Казимир Великий, начал массированное наступление на волынские земли, на которые также претендовал Ольгерд. Летописи очень скупо говорят об этом событии: «король Краковский взя крамолюю землю Волынскую, и церкви Греческаго закона претвори на Латыньский закон» [ПСРЛ т.10,с.221].

Симеон Иванович заключает мирный договор с Ольгердом и с «честию» отпускает своих пленников. Мир с Литвой нужен был сейчас и самому московскому князю. Более того, этот союз был скреплен и династическими браками. В конце этого года Ольгерд вновь присылает посольство к Симеону Ивановичу с просьбой выдать за него тверскую княжну, сестру Всеволода Александровича Ульяну. Очевидно, условия этого брака были обговорены еще весной, во время первого посольства. Казалось бы странным, почему Ольгерд обращается с этой просьбой не к тверскому князю Василию

Ольгерд. Изображение на памятнике 1000-летию России в Великом Новгороде

Въ лѣто 6858 (1350 год)

Михайловичу, а к московскому. Вывод может быть один. Симеон Иванович является Великим князем Владимирским и степень его влияния такова, что он определяет династические браки даже княжнами не московского рода. Ни Василий Михайлович, ни Всеволод Александрович при решении вопроса о выдаче Ульяны даже не участвуют, по крайней мере в летописях они не зафиксированы. Следом за этим состоялась заключение еще одного брака. «Того же лета при-сла къ великому князю Семену Ивановичу изъ Волыня князь Любордъ Гедемановичъ, прося за себе сестричну его, дщери князя Константина Борисовичя Ростовскаго; он же даде за него сестричку свою въ Волынъ» [ПСРЛ т.10,с.221]. Конечно, этот брак носит прежде всего дипломатический характер. Волинскому правителю перед лицом надвигающейся польской агрессии нужен крепкий и надежный союзник, иначе какой смысл искать невесту в таких далеких краях. И опять примечательно: судьбу этого брака решает московский князь. Он как бы отстраняет от решения межкняжеских отношений тверского князя Василия Михайловича, еще больше укрепляя свой союз с потомками Александра Михайловича, и выжидая, выжидая вновь своего часа.

«Того же лета моръ бысть на люди въ Полотске». [ПСРЛ т.10,с.221]. Вот и на Русь пришла «черная смерть» - чума.

Въ лѣто 6858 (1350 год)

Снова (в который уж раз) идет Симеон Иванович вместе со своими братьями в Орду и вновь возвращается «съ пожалованиемъ и съ великою честью» [ПСРЛ т.10,с.222]. Сколько недосказанного стоит за этими строками. А ведь за ними скрывается не рядовое событие. Каждый визит пресле-

довал определенную цель и решение задач, стоящих перед князьями. Каждая поездка в Орду была сопряжена с громадной опасностью: возвратятся или нет. Каждый визит - это нервное перенапряжение. Как же обидно, что летописцы лишь фиксируют факт, не разъясняя ни его причин, ни последствий. Как я уже неоднократно говорил, нам остается додумывать. Возможно, эта поездка московских князей связана была с возникшим в прошлом году ордынско – польским союзом [Горский, 2000, с. 75], направленным против Литвы. Тогда Джанибека должен был обеспокоить складывающийся союз Ольгерда и Симеона, и, очевидно, хан сделал своему вассалу строгое внушение. Но все это лишь предположение. Отмечу еще тот факт, что независимо от московских князей в Орде с визитом был Константин Васильевич Суздальский.

Отмечу еще одно, вроде бы рядовое событие в жизни Руси, но как хорошо, что его зафиксировали летописцы. 12 октября 1350 года у московского князя Ивана Ивановича рождается сын, которого назвали Дмитрием. Будущий Дмитрий Иванович Донской!

«Тое же осени разболеся Фегнасть митрополить» [ПСРЛ т.15,стб.60]. Мы не знаем, каков был возраст митрополита к этому времени. Очевидно, уже достаточно почтенный. Возраст и болезнь заставили Феогноста задуматься о вероятном преемнике. Северо-Восточная Русь, Московское княжество стали для владыки новой Родиной. Почти четверть века он беззаветно служил укреплению русской православной церкви, но при этом яростно отстаивал интересы и нового духовного и политического центра – Москвы. Грек Феогност стал русским по духу и очень желал, чтобы его преемник стал продолжателем его идей, его свершений. По

Въ лѣто 6859 (1351 год)

всей видимости, выбор им был определен уже давно. Среди его любимцев и наиболее приближенных был Алексей, которого Феогност еще в 1340 году сделал своим наместником.

Въ лѣто 6859 (1351 год)

Новгородского летописца мало волнует, что происходит за пределами его родины. Для него эпицентр событий все то, что случается с Новгородом, с его жителями. «Ходиша новгородци воевать на Немечкую землю» [НПЛ,с.361], - беспристрастно, как бы описывая обычное будничное дело, констатирует летописец. 21 марта вооруженный отряд новгородцев появился под Выборгом. Сходу взять город не удалось, и тогда был разорен и сожжен весь посад. На следующий день шведы попытались совершить вылазку, но она завершилась разгромом, «а немецъ иссекоша много, и жонь и дети, а иных живых изимаша, и приихаша в Новъград вси здравии», - [НПЛ,с.362] с большим удовлетворением отмечает новгородская летопись.

И все же главным событием этого года в новгородской земле был не этот грабительский набег, а заключение нового соглашения со шведами. Новгородцы отправляют свое посольство к городу Юрьеву и «розменишася немци, что помимале въ Реховомъ (Ореховце – В.Е.), свею на Аврама и на Кузму и на Олександра и на Ондreja и на дружину их, что были за морем у Свенскаго короля у Мангуша; и приихаша в Новъград вси здравии». [НПЛ,с.362]. Заключение мира со шведами было важным политическим событием. Но видно, не всем в Новгороде нужен был мир, вот почему, как только в город пришло это известие, вспыхивает бунт. Он был направлен против посадника Федора и его ближайшего окру-

182

Въ лѣто 6860 (1352 год)

жения. Эти люди вынуждены были бежать в Псков, а их дома и имущество было разграблено.

Несмотря на бесконечные военные конфликты, разоряющие княжества, все же чувствуется, что Русь экономически крепнет и возрождается. Конечно же, источники скупы, но даже по тем кратким известиям о строительстве храмов, обновлении церковей читается, что экономика возрождается, появляются лишние средства, что остаются от уплаты ордынского «выхода». И это происходит не только в Москве, Новгороде, но и других землях. Так, среди событий этого года летописи отмечают бурное строительство в древнем Муроме: «князь Муромьскый Юрьи Ярославичъ обнови градъ свою отчину Муромъ, запустевши издавна отъ первых князеи (подчеркнуто мною – В.Е.), и постави дворъ свои въ городе, тако же и бояре его и велможи и купцы и черные люди. И сътавиша двory своя и церкви обновиша и оукрасиша иконами и книгами» [ПСРЛ т.15, стб.60]. Из приведенного отрывка становится понятным, каков размах обустройства, затронувший все слои общества.

Ну, а Новгород продолжает поражать масштабами своего строительства. «Новгородский владыка Василий постави полату камену» [ПСРЛ т.10,с.222], возводятся каменные церкви Флора и Лавра, Кузьмы и Демьяна на Холопъей улице, Иоанна Златоуста, ставшие жемчужинами новгородской средневековой архитектуры.

«Того же лета нача слыти моръ въ людехъ» [ПСРЛ т.10,с.222] – страшная беда охватила и Русь.

Въ лѣто 6860 (1352 год)

«Бысть моръ зол въ граде Пскове и по селомъ смерти

Въ лѣто 6860 (1352 год)

мнозе и належащи; мряху бо люди, мужи и жены, старыя и младыя и малыя детки, и попове, и черноризци и черноризци» [ПСРЛ, т. 5, вып. 2, с.100], - с горечью отмечает Псковская летопись. Чума пришла на Русь не с Юга, где она до этого основательно опустошила Золотую Орду, Причерноморье. Отметив свой страшный пир в Европе, где погибло около одной трети населения, она через торговые города Германия, Швеции вторглась в Северо-Западные русские земли. Болезнь распространялась с громадной быстротой: «смерть бысть скоро: храхнеть человекъ кровию, и въ третій день умираше, и быша мертвии всюду» [ПСРЛ т.10,с.223]. Чума не знает ни границ, ни препятствий. Она проникает и в княжеский терем, и в боярские хоромы, и в монашескую келью, и в хижину ремесленника – нигде нет спасения. В условиях городской скученности, антисанитарии, отсутствия элементарной медицинской помощи ежедневно чума уносит сотни людей, и «не бе где погребати мертвыхъ». Люди в панике, что может им помочь? Только упование на Божью помощь, защиту Богоматери. И жители, богатые и бедные, раздают свое имущество церквям, монастырям, постригаются в монахи, надеясь таким образом получить заступничество, выжить. «И тако вси человеци скоро начаша промышляти о душахъ своихъ: богати убо человеци даваху святым церквамъ и монастыремъ села, озера, и в озерахъ ловища, и в рекахъ части своя и ловища своя, и имениа своя» [ПСРЛ,т.10,с.223], – вот так за счет всенародной беды стали богатеть монастыри, духовенство.

В Пскове люди в отчаянии собирают всем миром деньги и строят церковь во имя Богородицы [ПСРЛ т.5, вып.2,с.102], но и это не останавливает смерть. Тогда, отчаявшись, пско-

вичи посылают в Новгород за архиепископом Василием, надеясь, что его заступничество защитит город. В этой ситуации Владыка поступает очень смело и самоотверженно. Он идет в зараженный город, служит молебен, благословляет жителей, но и сам заболевает. Чувствуя приближающуюся смерть, он возвращается в Новгород, но «преставися на пути, на реце на Узе, месяца июля въ 3 день» [НПЛ,с.362]. «Сан светлостию не оумоленъ, бывает смерть: на всех внизаеть многоядныя своа зуобы» [ПСРЛ т.5,вып.2, с.102], – подводит итог псковская летопись.

Умершего архиепископа привозят в Новгород, хоронят в Софийском соборе., и в городе начинается «моръ силенъ». Конечно, не только поездка архиепископа во Псков способствовала этому, весь регион был охвачен страшной болезнью, «бысть моръ силенъ зело въ Смоленске, и в Киеве, и въ Чернигове и въ Суждале, и во всей земле Русстей смерть люта... Въ Глухове же тогда ни един человекъ не остана, вси изомроша, всице же и на Беле – озере» [ПСРЛ т.10,с.224].

Казалось, что страшная беда, разлившаяся по всей Руси, должна была хотя бы на время прекратить все распри, военное противоборство. Но не тут-то было. Московский князь Симеон Иванович вместе с братьями и «съ прочими князи, събравше силу многу, идоша ратью къ Смоленску» [ПСРЛ т.10,с.223]. Летописи не указывают причин этого похода, нам остается выработать версию, исходя из хитросплетений отрывочных данных этого года. Весной польские войска ведут активные военные действия на Волынской земле. Ольгерд в срочном порядке заключает договор с Ордой об оказании ему военной помощи в польско-литовском конфликте. [Шабульдо, 1987, с. 50]. Вмешательство войск Джанибека при-

Въ лѣто 6860 (1352 год)

остановило наступление поляков. Взамен Ольгерд отдавал смоленские и брянские земли, за которые Орда так активно боролась в 40-е годы XIV века. Этим и был обусловлен поход Симеона. Не дойдя до г.Вышегорода на р.Протъве, он встретил литовских послов, с которыми, видимо, и было заключено соглашение о передаче земель под юрисдикцию Москвы, а стало быть, и Орды. Жители Смоленска не очень-то одобряли этот переход. Московский князь вынужден был продемонстрировать военную силу, продвинулся к реке Угре, «хотя ити къ Смоленську» [ПСРЛ т.15,стб.60]. Здесь его встретило запоздалое посольство «и миръ взяша». Заключив соглашение, Симеон не пошел в охваченный чумой Смоленск, а вернулся домой «и рати распустил».

Помощь, оказанная Ордой Ольгерду, заставила польского короля Казимира III отказаться от дальнейших военных действий в Волыни. Осенью этого года между Польшей и Литвой было заключено соглашение о разделе Галицко-Волынских земель. Польскому королю отходила Галицкая земля и часть Подолья, Ольгерду – Волынская и Берестейская земли [Шабульдо,1987,с.50].

После смерти в Новгороде архиепископа Василия остро встал вопрос о назначении нового владыки. Заменить Василия было тяжело. Это была выдающаяся личность в духовной, политической жизни Новгорода, да и всей Руси в изучаемый период. Перебрав все кандидатуры, новгородцы вновь обратились к предыдущему архиепископу Моисею, который еще в 1329 году добровольно оставил епископию и «пострижеса въ схиму». Митрополит Феогност удовлетворил просьбу новгородцев, и новый (старый) архиепископ первым делом поставил церковь Успения Богородицы на Во-
186

лотова, чтобы таким образом унять чуму.

Здоровье Феогноста все ухудшалось. Чувствуя неотвратимую смерть, он в декабре 1352 года ставит своего наместника Алексия епископом Владимира. Это действие требует объяснения. Владимирский епископский престол занимал сам митрополит. Возможно, таким шагом Феогност пытался подстраховаться на тот случай, если константинопольский патриарх не утвердит преемником Алексия. [Голубинский, 1997,с.176]. Преемнику необходимо было также набраться административного и хозяйственного опыта, так необходимого для ведения сложного христианского хозяйства. В Константинополь отправляется большое посольство: «отъ великого князя послы Дементей Давыдович да Юрьи Воробьевъ, а отъ митрополита послы Артемей Коробьинъ да Михайло Щербатый Гречинъ, и сиа глаголющимъ имъ: да не поставитъ имъ инаго митрополита на Русь кроме сего преподобнаго старца Алексия» [ПСРЛ,т.10,с.226].

Въ лѣто 6861 (1353 год)

Феогност не дождался возвращения из Константинополя посольства. 11 марта 1353 года после тяжелой и продолжительной болезни он умирает. Его возможным преемником назначается владимирский епископ Алексий, но ему остается ждать решения патриарха. Феогност вошел в русскую историю как один из выдающихся деятелей нашего государства. Грек по национальности, назначенный в далекую и порабощенную Русь, он верно и преданно стал служить своей новой Родине, стал русским по духу. Феогност проводил ярко направленную промосковскую политику, сделав из города центр духовной и полити-

П. Брейгель Старший. Чума

ческой жизни. Митрополит прилагал большие усилия, чтобы сохранить единство русской православной церкви как залог единения народов, и в этой борьбе значительно преуспел. И наконец он был духовным отцом московских князей, их верным союзником, мудрым учителем. И вот теперь его не стало.

Но беда не приходит одна. В Москве бушует «черная смерть». Летописи не фиксирует масштабы человеческих потерь, т.к. их внимание приковано к великокняжеской семье. Болезнь проникает и туда. Одновременно со смертью митрополита умирают оба сына Великого князя Иван и Семен, а затем 26 апреля умирает и сам Симеон Иванович. До нас дошло посмертное завещание Великого князя Владимирского. Так как все его сыновья умерли и не осталось наследников по мужской линии, то Симеон передавал свой удел и все имуще-

ство своей жене Марии Александровне. В завещании содержится наставление братьям: «А по отца нашего благословенью, что намъ приказал житии заодинъ, тако же и язъ вамъ приказываю, своеи братьи, житии заодинъ. А лихихъ бы есте люди не слушали и хто иметь васъ сваживати, слушали бы есте отца нашего владыки Олексея, тако же старыхъ бояръ, хто хотелъ отцю нашему добра и намъ. А пишу вамъ се слово того дея, чтобы не перестала память родители нашихъ и наша, и свеча бы не оугасла» [ДДГ, №3, с.14]. Пронзительные слова «чтоб свеча не угасла» - в них заложено много мудрого и поучительного. Свеча человеческой жизни, княжеского рода, свеча человеческой памяти. А свеча рода Калиты могла полностью угаснуть. 6 июня от чумы умирает брат Симеона Андрей. Чудом остаются в живых Иван Иванович и два его малолетних сына, Дмитрий и Иван, а уже после смерти Андрея Ивановича рождается его сын Владимир. Жизнь продолжается, завет Симеона Ивановича Гордого живет! Так история распорядилась. Останься в живых кто-нибудь из сыновей Симеона, и им бы перешло в руки московское княжество и, возможно, титул Великого князя Владимирского. А Дмитрий Иванович остался бы обычным удельным князем, и мы мало бы знали что-то о его жизни. Но все совершилось по-иному. Пройдет немного лет, и московским князем станет 9-летний Дмитрий, а его соратником по жизни окажется двоюродный брат Владимир Андреевич. Судьбе, наверно, было предназначено, чтобы они совершили главный подвиг XIV века: разгромили в Куликовской битве войска Мамая и вошли в русскую историю, один - под именем Донской, другой - Храбрый. Свеча не угасла!

Библиографический список

БЛДР: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000, т.6.

Борисов: Борисов Н. С. Политика московских князей: (конец XIII – начало XIV века). М., 1999.

Вернадский: Вернадский Г. В. История России. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.

ГВН и П: Грамоты Великого Новгорода и Пскова./под ред. С.Н. Валка./ М.; Л., 1949.

Голубинский: Голубинский Е. История Русской церкви. Т.II., первая половина тома., М., 1997.

Греков: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на Рубеже XIV – XV вв) М., 1975.

Источники: Теория. Метод. Источники Российской истории. М., 998/И.Н. Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева.

Данилевский, 1998: Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIVвв) М., 2001.

ДДГ: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л., 1950.

Елагин , 1998: Елагин В. С. Дмитрий Донской и его время. Новосибирск, Из-во НГПУ, 1989.

Елагин , 2012: Елагин В. С. Золотая Орда. XIII век. Новосибирск, Из-во НГПУ, 2012.

Исторические песни: Исторические песни. М., 1960.

Карамзин: Карамзин Н. М. История государства Российского в 4 кн., кн.I, Т.IV., М., 1988.

Карташев: Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991, Т.1.

Клюг: Клюг Э. Тверское княжество (1247–1485 гг). Тверь, 1994.

Кульпин: Кульпин Э. С. Золотая Орда. Проблемы гене-

Бибблиографический список
зиса Российского государства. М., 2007.

Кучкин, 1974: Кучкин В. А. Повесть о Михаиле Тверском. М., 1974.

Кучкин, 1984: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. М., 1984.

Лихачев: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л., 1947.

Лурье: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV – XV вв. Л., 1976.

Муравьева: Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983.

Насонов, 1940: Насонов А. Н. Монголы и Русь. М., Л., 1940.

Насонов, 1969: Насонов А. Н. История русского летописания. X – нач. XVII вв. М., 1969.

Пашуто: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси., М., 1950.

Послания Гедемина: Послания Гедемина/Перевод В.Т. Пашуто и Н.В.Штиль/Вильнюс, 1966.

Пресняков: Пресняков А.Е. Образование великорусского государства., М., 1998.

Приселков, 1940: Приселков М. Д. История русского летописания XI – XV вв. Л., 1940.

Приселков, 1950: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л., 1950.

Прохоров: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978.

ПСРЛ, т. 1: Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.1. Лаврентьевская летопись.

ПСРЛ, т. 5, вып. 1: Полное собрание русских летописей. М. 2003. Т.5, вып.1 : Псковские летописи.

ПСРЛ, т. 5, вып. 2: Полное собрание русских летописей. М. 2000. Т.5, вып.2 : Псковские летописи.

ПСРЛ, т. 6: Полное собрание русских летописей. М.,

Библиографический список

2000. Т.6: Софийская 1-я летопись старшего извода.

ПСРЛ, т. 10: Полное собрание русских летописей. М., Т.10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.

ПСРЛ, т. 15: Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т.15: Рогожский летописец.

ПСРЛ, т. 18: Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т.18. Симеоновская летопись.

ПСРЛ, т. 35: Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т.35. Летописи белорусско-литовские.

Сафаргалиев, 1960: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Словарь книжников, вып. 1: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.1 (XI – пер.пол. XIV вв). Л., 1987.

Словарь книжников, вып. 2: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV – XVI вв. ч.1., 1988.

Соловьев: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. II, т. III, М., 1960.

Татищев: Татищев В. Н. История Российская в 7 т., М., Л., 1965. т.5.

Тизенгаузен, 1884: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, Т.1.

Тизенгаузен, 1941: Тизенгаузен, 1984: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М., Л., 1941, Т.2.

Тихомиров: Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. М., 1997.

Черепнин, 1948: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV – XV веков. М., 1948. Ч.1.

Черепнин, 1960: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках. М., 1960.

Шабульдо: Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев. 1987.

Шаскольский: Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.

Шахматов: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М., Л., 1938.

Широкоград, 2004: Широкоград А. Б. Русь и Орда. М., 2004.

Широкоград, 2008: Широкоград А. Б. Русь и Литва. М., 2008.

Янин: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Научно-популярное издание

Елагин Виталий Сергеевич

**ЛЕТОПИСЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIV ВЕКА**

В авторской редакции

Компьютерная верстка – О. М. Ковалева

На обложке –

А. М. Кучерявенко «Спас Нерукотворный»

Подписано в печать 07.04.2014. Формат 60×84/16.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 7,1. Усл. печ. л. 11,3

Заказ № 24

Отпечатано:

ООО "Пиктограмма", 630091, Новосибирск, ул. Писарева, 1а